

ISSN 2500–3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ
№ 5 2026 (МАЙ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

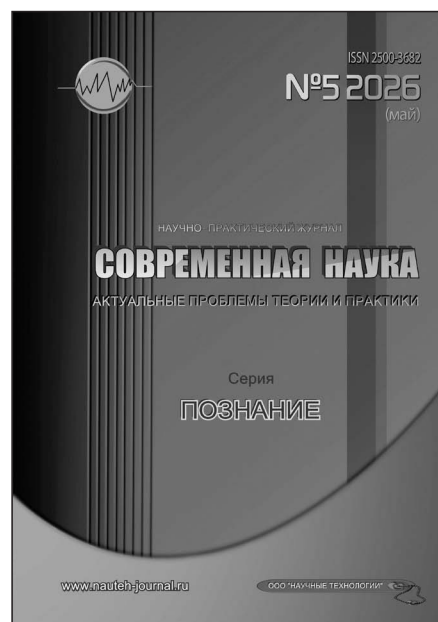
Подписано в печать 12.05.2026 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание №5 (май) 2026 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 5.3.x, 5.7.x, 5.10.x)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 142-8681
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филос.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филос.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филос.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филос.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филос.н, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филос.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н, доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филос.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филос.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н, профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Сиюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филос.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филос.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр — Михайлович д.псх.н, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филос.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

Культурология

Калинин В.В. – Символический разрыв и преемственность традиций в эволюции наградной системы Российской империи в советский период (1917-1991 гг.)

Kalinin V. – A symbolic break and continuity of traditions in the evolution of the award system of the Russian Empire during the Soviet period (1917-1991)..... 5

Матонин В.Н., Заозерская Е.С. – Молодежь и массовая культура: диалектика ценностей и смыслов
Matonin V., Zaozerskaya E. – Youth and mass culture: the dialectic of values and meanings 8

Невзоров С.Г. – Гибридные нарративы героизма: мифологические паттерны в эпоху постправды
Nevzorov S. – Hybrid narratives of heroism: mythological patterns in the post-truth era 13

Парфенов В.А. – Алиментарная культура СССР 1950–1970-х годов: трансформация общественного питания
Parfenov V. – Alimentary culture of the USSR in the 1950s–1970s: transformation of public catering 17

Саратовский С.В. – Образ дороги в русском фольклоре как архетипический локус от былинных тропинок до сказочных перепутий
Saratovsky S. – The image of the road in russian folklore as an archetypal locus from epic paths to fabulous crossroads 23

Психология

Алексеев Д.Е., Алиева Д.В., Алексеева Д.В. – Психологические особенности обучения курсантов в образовательных организациях МВД России в контексте подготовки к будущей профессиональной и служебной деятельности

Alekseyev D., Alieva D., Alekseeva D. – Psychological characteristics of training cadets in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the context of preparation for future professional and service activities 26

Белова Л.А., Данилова А.Д., Устьянцева А.Д. – Критерии и показатели оценки готовности студентов-дефектологов к самостоятельной работе: теоретическое обоснование
Belova L., Danilova A., Ustyantseva A. – Criteria and indicators for assessing the readiness of defectology students for independent work: theoretical justification 32

Белова Т.Г. – Механизмы межпоколенческой передачи психологической травмы при эмоциональном насилии в семейной системе: психологический анализ
Belova T. – Mechanisms of intergenerational transmission of psychological trauma in emotional abuse in the family system: a psychological analysis 36

Жученко О.А., Галиахметова Н.П., Чучалина И.Б. – Психологические аспекты интеграции искусственного интеллекта в медицинское образование: сравнительный анализ восприятия преподавателей и врачей-ординаторов
Zhuchenko O., Galiakhmetova N., Chuchalina I. – Psychological aspects of integration of artificial intelligence into medical education: a comparative analysis of the perceptions of teachers and medical residents 42

Исагулова Е.Ю. – Особенности групповой работы по профилактике отклоняющегося поведения среди подростков
Isagulova E. – Features of group work on the prevention of deviant behaviour among adolescents 47

<p>Пушкарь Г.А. – Стратегии конструирования идентичности в цифровой среде: диалектика аутентичности и перформативности <i>Pushkar G.</i> – Identity construction strategies in the digital environment: the dialectic of authenticity and performativity 53</p> <p>Степанкова В.А., Алиева Д.В., Алексеев Д.Е. – Профессиограмма как инструмент оценки профессиональной пригодности специалистов информационной безопасности <i>Stepankova V., Alieva D., Alekseyev D.</i> – Professional program as a tool for assessing the professional competence of information security specialists 59</p> <p>Тедорадзе Д.Д. – Стрессоустойчивость и индивидуальный эмоциональный стиль личности: сравнительный анализ типологических групп среди врачей-педиатров <i>Tedoradze D.</i> – Stress resistance and individual emotional style of personality: a comparative analysis of typological groups among pediatricians 64</p> <p>Уварова И.А. – Структура психологической готовности к изменениям у сотрудников организации <i>Uvarova I.</i> – The structure of psychological readiness for change among organizational employees 70</p> <p>Хрептович Р.Ф., Белов В.В. – Особенности ценностно-смысловой сферы и психологического благополучия у мужчин ранней и средней взрослости <i>Khreptovich R., Belov V.</i> – Psychological well-being of men in early and middle adulthood 75</p>	<p>Шарова О.Л. – Локус контроля и профессиональная идентичность студентов: результаты эмпирического исследования <i>Sharova O.</i> – Locus of control and professional identity of students: results of an empirical study. 82</p> <p>Щербакова И.М. – Нейроинжиниринг мышления как операциональный контур нейроинжиниринга когнитивной архитектуры: понятийные границы, теоретические основания и научная новизна <i>Shcherbakova I.</i> – Neuroengineering of thinking as an operational contour of neuroengineering of cognitive architecture: conceptual boundaries, theoretical foundations and scientific novelty. 87</p> <p>Щербакова И.М. – Нейроинжиниринг когнитивной архитектуры: концептуальное обоснование новой междисциплинарной области <i>Shcherbakova I.</i> – Neuroengineering of cognitive architecture: conceptual substantiation of a new interdisciplinary field. 98</p> <p>Философия</p> <p>Потапчук В.И. – Н.В. Гоголь о социальном преобразовании <i>Potapchuk V.</i> – N.V. Gogol on social transformation. 105</p> <p>Информация</p> <p>Наши авторы. Our Authors. 110</p> <p>Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале. 111</p>
--	---

СИМВОЛИЧЕСКИЙ РАЗРЫВ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ТРАДИЦИЙ В ЭВОЛЮЦИИ НАГРАДНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1917-1991 ГГ.)

Калинин Вячеслав Вячеславович

Аспирант, Саратовский национальный
исследовательский государственный
университет им. Н.Г. Чернышевского
vkalinin.mos@gmail.com

A SYMBOLIC BREAK AND CONTINUITY OF TRADITIONS IN THE EVOLUTION OF THE AWARD SYSTEM OF THE RUSSIAN EMPIRE DURING THE SOVIET PERIOD (1917-1991)

V. Kalinin

Summary: The article is devoted to the analysis of the dialectic of symbolic rupture and continuity of traditions in the process of transformation of the award system of the Russian Empire in the Soviet period (1917-1991). The study considers the award system as a sign-symbolic complex. The work consistently reveals how the October Revolution of 1917 led to the deconstruction of the imperial system of awards based on the Christian-monarchical paradigm (crosses, icons of saints, mottos in Latin, the Order of St. George), and an attempt to create a fundamentally new visual language based on the ideology of Marxism-Leninism, internationalism and socialist construction (the five-pointed star, hammer and sickle, images of V.I. Lenin). The author analyzes the ideological reinterpretation of military prowess, structural and organizational changes (the transition from a class hierarchy to a formally democratic system) and the industrial and technical continuity in the creation of awards. It is concluded that the symbolic gap was not absolute, but created hybrid forms, which ultimately continues to influence the modern award system of the Russian Federation.

Keywords: symbolic break, continuity of traditions, award system, Russian Empire, USSR, phaleristics, semiotics, visual symbolism, ideology, orders and medals, revolution of 1917, transformation, cultural memory.

Аннотация: Статья посвящена анализу диалектики символического разрыва и преемственности традиций в процессе трансформации наградной системы Российской империи в советский период (1917–1991 гг.). Исследование рассматривает наградную систему как знаково-символический комплекс. В работе последовательно раскрывается, как Октябрьская революция 1917 года привела к деконструкции имперской системы наград, основанной на христианско-монархической парадигме (кресты, иконы святых, девизы на латыни, орден Святого Георгия), и попытке создания принципиально нового визуального языка, построенного на идеологии марксизма-ленинизма, интернационализма и социалистического строительства (пятиконечная звезда, серп и молот, изображения В.И. Ленина). Автор анализирует идеологическое переосмысление воинской доблести, структурно-организационные изменения (переход от сословной иерархии к формально демократичной системе) и производственно-техническую преемственность в создании наградных знаков. Делается вывод, что символический разрыв не был абсолютным, а создавал гибридные формы, что в конечном итоге продолжает оказывать влияние на современную наградную систему Российской Федерации.

Ключевые слова: символический разрыв, преемственность традиций, наградная система, Российская империя, СССР, фалеристика, семиотика, визуальная символика, идеология, ордена и медали, революция 1917 года, трансформация, культурная память.

Наградная система в рамках любого государства – иерархически выстроенная структура поощрений. Через знаки, включая ордена, медали, звания и почетные грамоты, власть материализует признание заслуг граждан перед обществом, стимулирует лояльность, патриотизм и вклад в коллективные цели, будь то военные подвиги, научные прорывы, культурные достижения или административная преданность. То есть сама структура – это функция социального формирования общества, поскольку награды как вещь оформляют поведенческие нормы, усиливая вертикаль власти и создавая равные возможности для возвышения через службу, при этом часто маскируя реальные мотивы под элитарным блеском и публичным триумфом. Как отмечает В.А. Винокуров, наградная система – «исторически обуслов-

ленная и развивающаяся социально значимая совокупность поощрений, знаково-символически выражающая характер развития общества, его мировоззрение, идеалы, духовно-нравственные качества, отношения, мотивации, предпочтения, ценностные и целевые ориентации» [Винокуров, 2012: 15].

Нагрудные знаки отличия, ордена и медали составляют одну из ключевых символических систем военной сферы, выполняя одновременно функции поощрения индивидуальных заслуг и конструирования коллективной идентичности, легитимации власти и трансляции идеологических установок через визуальные образы. И сама символика военных наград исторически формировалась через синтез религиозных, геральдических и иде-

ологических элементов.

К началу XX века наградная система Российской империи была детально проработана и выстроена в четкую иерархическую структуру. В правовом поле система была закреплена законодательно (в т.ч. «Установлением о российских императорских орденах» 1797 года, утверждённым Павлом I). Система ориентировалась преимущественно на привилегированные сословия, то есть дворянство, офицерский корпус и высокопоставленных чиновников. В её состав входили восемь орденов с несколькими степенями (включая высший орден Святого Андрея Первозванного, учреждённый Петром I в 1698 году, и особо престижный военный орден Святого Георгия, введённый Екатериной II в 1769 году), знаки отличия (в т.ч. Георгиевский крест для нижних чинов с 1807 года), медали (часто приуроченные к военным кампаниям), наградное оружие и коллективные награды (знамёна, штандарты, серебряные трубы).

В Российской Империи практиковалось последовательное награждение степенями (за исключением орденов за военные заслуги и особых монарших решений). Стоял запрет повторного награждения одной степенью, снимались низшие степени при получении высшей (с исключениями для военных наград и орденов Святого Георгия и Святого Владимира). Существовали и специальные обозначения за боевые отличия – перекрещённые мечи и банты из орденской ленты (введены официально после 1855 года).

Следует также отметить, что до 1845 года получение любой степени ордена давало право на потомственное дворянство, а позднее это право сохранилось лишь для кавалеров орденов Святого Георгия и Святого Владимира.

Как подробно документирует Н.И. Чепурнов, «награды Российской империи изобиловали христианской символикой: кресты различных конфигураций, изображения святых покровителей, императорские короны, двуглавые орлы и девизы на латыни» [Чепурнов, 2000: 45]. Высшей военной наградой считался орден Святого Георгия, учреждённый в 1769 году и имевший четыре степени, с особым знаком отличия – Георгиевским крестом для нижних чинов. Белый эмалевый крест с изображением святого Георгия, поражающего змия – воинская доблесть и христианские добродетели мужества и самопожертвования.

Разрыв произошел после Революции 1917 года. Декреты ВЦИК и СНК от 10 ноября и 16 декабря 1917 года последовательно упразднили все наружные знаки отличия Российской империи, включая ордена, медали, кресты, погоны и нашивки, а Капитул российских орденов был ликвидирован в январе 1918 года [Гончаров, 2009 :

21]. Акт символического уничтожения предшествующей системы означал не отказ от монархических институтов и первую основную попытку создания принципиально нового визуального языка, созданного на идеологии марксизма-ленинизма, интернационализма и социалистического строительства.

Награды Российской империи изобиловали христианской символикой (кресты, иконы святых, девизы на церковнославянском и латыни), а вот советские ордена и медали с самых первых лет большевизма строились на совершенно иной образной системе. Центральное место заняли символы нового строя (Красная звезда, серп и молот, В.И.Ленин).

Орден Красного Знамени (учрежден в 1918 году) стал первой советской наградой, на которой были представлены новые символы сразу. Развернутое красное знамя с надписью «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», пятиконечная звезда с серпом и молотом в центре, скрещенные молот, плуг и штык [Иванов, Минин, 2010: 67].

Имперские награды в своем преобладающем большинстве отражали верность государю и отечеству в религиозном ключе. Советские же сакцентировали служение социалистической родине, коммунистической партии и делу мирового пролетариата. Отметим также и тот факт, что имперская наградная система была строго регламентирована «Учреждением орденов и других знаков отличия», где специально оговаривалось, что «мещанам и лицам сельского состояния ордена не испрашиваются». Советская система, особенно в первые годы, декларировала доступность наград для всех трудящихся независимо от социального происхождения, однако на практике сложилась собственная иерархия, где высшие награды (орден Ленина, звание Героя) становились признаком принадлежности к партийно-государственной элите.

Полный разрыв с традицией оказался невозможен, и в советский период проявились различные формы преемственности, как явные, так и скрытые.

После революции 1917 года производство наградных знаков в советской России переживало сложный период становления, что исследователи характеризуют как процесс «возрождения/становления производства наградных знаков» [Осипов, Вязьмитинов, 2023: 33]. Лишь к 1930-м годам сложилась централизованная система производства государственных наград, сохранившая, однако, некоторые технологические приемы дореволюционных мастеров.

В годы Великой Отечественной войны произошло частичное возвращение к национальным воинским традициям. Учреждённый в 1943 году орден Славы трех сте-

пеней, предназначавшийся для солдат и сержантов, по своей сути и даже в цветовой гамме ленты (оранжевые и черные полосы) явно наследовал традиции Георгиевского креста.

Как отмечает П.В. Ахманаев, «даже в условиях радикальной смены идеологических парадигм сохранялись глубинные структуры национального сознания» [Ахманаев, 2014: 112]. В контексте тезиса П.В. Ахманеева о персистенции глубинных структур национального сознания в наградных практиках даже при радикальной смене идеологических парадигм обнаруживается фундаментальный механизм семиотической инерции. То есть цветовая семантика (диада красного как маркера сакральной жертвы и золотого как атрибута трансцендентной ценности) и геометрические архетипы (звезда как символ космогонического порядка, крест как знака инициатического страдания, круг как эмблемы циклической верности) функционируют в качестве когнитивных

аттракторов, устойчивых к парадигматическим сдвигам и обеспечивающих репликацию культурного кода через поколения. Ритуал награждения легитимирует, имитирует архаические обряды помазания, принимая субъект в автономный агент системы. Лояльность поддерживается аффективным резонансом публичного возвышения, тем самым гарантируя гомеостаз государственной идентичности.

Таким образом, революционные преобразования неизбежно вступали в взаимодействие с укорененными традициями и практиками. Элементы прежней символической системы соединялись с новыми. Причем диалектика продолжает оказывать влияние на современную наградную систему Российской Федерации, где, как отмечает В.А. Винокуров, «наблюдается процесс восстановления и развития, включающий как возвращение наград Российской империи, так и создание новой символики» [Винокуров, 2012: 45].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманаев П.В. Советская наградная система. —М.: Русские витязи, 2014. —559 с.
2. Винокуров В.А. Система государственных наград Российской Федерации: история, современность и перспективы развития. —М.: Дело, 2012. —252 с.
3. Гончаров А.И. Наградная система Российской Федерации 1990-х годов. —М., 2009. —210 с.
4. Иванов Ф.Н., Минин И.В. Наградная система Союза ССР: учебное пособие. — Сыктывкар: Сыктывкарский государственный университет, 2010. —163 с.
5. Осипов С.В., Вязьмитинов М.Н. Возрождение производства наградных знаков в послереволюционной России (1918-1930-е годы) // Вестник САФУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. —2023. —Т. 23, № 1. —С. 32-42.
6. Чепурнов Н.И. Наградные медали Государства Российского. —М.: Русский мир, 2000. —766 с.
7. Наградные традиции Российской империи в советский период // Вести архив. — 2023. —URL: <https://www.vestarchive.ru/issledovaniia/1012-e-ne-i-.html> (дата обращения: 12.03.2026)
8. Российская империя и Советский Союз — диалектика разрыва и преемственности // QR УрФУ. — 2023. URL: <https://qr.urfu.ru/ojs/index.php/qr/article/download/qr.882/3640> (дата обращения: 12.03.2026)

© Калинин Вячеслав Вячеславович (vkalinin.mos@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МОЛОДЕЖЬ И МАССОВАЯ КУЛЬТУРА: ДИАЛЕКТИКА ЦЕННОСТЕЙ И СМЫСЛОВ

Матонин Василий Николаевич

доктор культурологии, Северный (Арктический)
федеральный университет им. М.В. Ломоносова
(Архангельск)
matoninv@yandex.ru

Заозерская Елена Сергеевна

аспирант, Северный (Арктический) федеральный
университет им. М.В. Ломоносова (Архангельск)
ezaozerskaya@inbox.ru

YOUTH AND MASS CULTURE: THE DIALECTIC OF VALUES AND MEANINGS

**V. Matonin
E. Zaozerskaya**

Summary: In modern Russia, media content forms ideas about the world and a young person's place in it. The purpose of this work is to analyze trends related to infantilization and changing priorities in public life, the influence of mass culture on the formation of value orientations of young people. Scientific research on youth issues is actively conducted, but the problem of the values of modern youth in its various aspects is a dynamic object of research, since young people, due to the natural causes of growing up, are very mobile and changeable. The scientific novelty lies in the analysis of the dialectical relationship between the value orientations of modern youth and the dominant trends of mass culture, revealing contradictions and points of contact in the formation of meaningful attitudes. As a result, assessing this impact, we strive to identify not only negative, but also positive aspects that can contribute to the development of value orientations of young people in modern society.

Keywords: mass culture, media culture, youth, values and meanings, transformation of values.

Аннотация: В современной России медиаконтент формирует представления о мире и месте молодого человека в нем. Целью данной работы является анализ тенденций, связанных с инфантилизацией и изменением приоритетов в общественной жизни, влияние массовой культуры на формирование ценностных ориентаций молодежи. Научные исследования молодежной тематики ведутся активно, но проблема ценностей современной молодежи в различных ее аспектах представляет собой динамичный объект исследования, поскольку молодежь в силу естественных причин взросления очень подвижна и изменчива. Научная новизна заключается в анализе диалектической взаимосвязи между ценностными ориентациями современной молодежи и доминирующими трендами массовой культуры, выявляющем противоречия и точки соприкосновения в формировании смысложизненных установок. В результате, оценивая это влияние, мы стремимся выявить не только негативные, но и позитивные аспекты, которые могут способствовать развитию ценностных ориентаций молодежи в современном обществе.

Ключевые слова: массовая культура, медиакультура, молодежь, ценности и смыслы, трансформация ценностей.

Введение

Массовая культура, объединяющая неоднородные формы культурного производства (музыку, кино, литературу, визуальные практики и др.), выступает не просто набором продуктов, а пространством закрепления ценностей и устойчивых смысловых моделей, которые особенно отчетливо проявляются в молодежной среде. Молодежь, находящаяся в состоянии формирования идентичности, отличается повышенной восприимчивостью к символическим сообщениям, циркулирующим в медиасфере. Изменения в социально-экономическом контексте соотносятся с переходом к медиасреде нового типа, где интернет и цифровые технологии становятся элементом повседневности. При этом изменения касаются не только расширения доступа к сведениям, но и способов их восприятия и интерпретации; вследствие этого трансформируются как индивидуальные установки, так и более широкие морально-нравственные и этические ориентиры молодежи.

Цель данной работы заключается в выявлении того,

как медиаконтент формирует у молодого человека схемы интерпретации мира и собственной роли в нем, а также в фиксации тенденций, связанных с инфантилизацией и перераспределением общественных приоритетов. Аксиологически ориентированная оценка медиаконтента, системный анализ, функциональный анализ были выбраны в качестве методов исследования. Эмпирическая база включает информационные ресурсы, задающие конфигурацию современной медиасреды: социальные сети («ВКонтакте», etc.), медиаресурсы («ТикТок», etc.), информационные порталы («Культура РФ», etc.). Молодежь в текущих условиях оказывается в ситуации, где доступ к информации приближается к практически неограниченному. В работе формулируется предположение, что медиасреда (социальные сети, стриминговые сервисы и мобильные приложения) выступает одним из наиболее мощных механизмов выработки общественного мнения и ценностных ориентиров у молодежи. Разнообразие идеалов и нормативных образцов, транслируемых современной реальностью, повышает значимость критического осмысления и селективного выбора ориентиров, соотносимых с собственными жизненными

стратегиями молодых людей.

Теоретическая база исследования

Изучение молодежи как социальной группы выстраивается в нескольких исследовательских перспективах – психоаналитической, структурно-функциональной, культурологической. Психоаналитический вектор, берущий начало у З. Фрейда и получивший развитие у его последователей – Р. Бенедикта, Э. Эриксона, далее представлен в работах С. Иконниковой, И. Кона, В. Лисовского, В. Ольшанского. Структурно-функциональный подход (С. Эйзенштадт, Г. Шельский, К. Мангейм, В. Алексеева, Н. Блинов, В. Мухачев) описывает молодежь через совокупность структурных позиций, в рамках которых индивиды осваивают конкретный социальный статус и соответствующий набор социальных ролей. Культурологический ракурс раскрывается в исследованиях Л. Когана. Для значительного числа авторов ключевым объектом анализа выступают ценности молодежи, поскольку их формирование происходило в периоды резких сдвигов в социальной, экономической и политической сферах. Данная проблематика прослеживается уже у Э. Дюркгейма [9].

Обсуждения и результаты

Люди в возрасте от 14 до 35 лет образуют наиболее динамичную и открытую к восприятию группу потребителей массовой культуры. Поскольку в этот период личность еще формируется, а социальные установки только кристаллизуются, медиаконтент оказывает на представителей данной возрастной категории особенно выраженное влияние. Те ценности, которые молодые люди принимают, и ориентиры, определяющие их поведение, в значительной мере зависят от степени их вовлеченности в различные проявления массовой культуры.

Коммерческий успех определяет главную цель массовой культуры, где развлечение и потребление занимают центральное место [11]. Кино, телевидение, музыка, мода, литература, интернет-контент – сферы ее проявления. Элитарная культура ориентирована на узкий круг ценителей и часто требует специальной подготовки для восприятия; массовая же обращается к широкой аудитории посредством простых, легко усваиваемых продуктов.

Телевидение, радио и интернет обеспечили массовой культуре беспрецедентный охват, что резко отличает ее от элитарных форм искусства. Коммерческая ориентация порождает устойчивые «формулы успеха»: авторы воспроизводят проверенные схемы, тиражируют знакомые мотивы, упрощают материал. Творческий поиск при таком подходе неизбежно страдает, глубина осмысления уступает место узнаваемым сюжетным ходам. Парадокс возникает из стремления угодить максимально широкой

аудитории. Культурных явлений появляется все больше, однако своеобразие каждого из них размывается. Устойчивость образов, предсказуемость сюжетов превращают массовую культуру в инструмент социального воздействия: она транслирует модели поведения, закрепляет стереотипы, формирует общественные нормы. Молодежь усваивает эти образцы особенно активно.

Для самоидентификации и самовыражения молодые люди активно обращаются к массовой культуре. Через принадлежность к субкультурным сообществам или определенным стилистическим направлениям они проявляют собственную индивидуальность, выстраивая при этом социальные связи. Музыкальные и аудиовизуальные произведения влияют на формирование ценностных ориентаций: представления об успехе, карьерные устремления, модели межличностных отношений. Контент массовой культуры транслирует социальные нормы и способствует их закреплению [7].

Интенсивное включение молодежи в потребление медиапродуктов нередко приводит к усилению критического мышления. Этот эффект объясним тем, что со временем вырабатываются навыки выявления манипулятивных приемов массовой культуры, которая нацелена на формирование потребительских установок и корректировку общественных оценок. При этом, именно массовая культура продолжает выступать одним из ключевых каналов, через который задаются ценностные ориентиры молодого поколения. Рассмотрение конкретных механизмов влияния на молодежную аудиторию позволяет одновременно очертить потенциальные риски и наметить направления общественно полезной трансформации.

Период после распада СССР сформировал для молодежи амбивалентный социальный контекст, где неопределенность соседствовала с ростом доступных вариантов выбора. Существенные экономические и социальные сдвиги перестроили повседневные практики и типовые жизненные траектории. Обращение к западной культуре, музыке и стилю становилось все более заметным, поскольку молодежь стремилась найти пространство свободы в способах мышления и моделях поведения. В результате право на самовыражение и самостоятельный выбор закрепились как ведущие ориентиры эпохи.

Приоритет личных достижений оформился в логике жесткой конкуренции и нестабильности как наиболее рациональная стратегия. Индивидуальный результат шаг за шагом вытеснял коллективные цели, что указывало на формирование эгоцентричного мировоззрения [2]. Культурные тренды поддерживали этот разворот, поскольку все более востребованной становилась риторика личного успеха и самосовершенствования. Материальные ориентиры закрепились в повседневных представлениях молодежи о желаемом будущем. Финан-

совая самостоятельность и комфорт начали играть роль доминирующих мотивов для значительной части молодых людей. Показатели успешности все чаще определялись через уровень достатка и доступность приобретений. Современные условия жизни молодого поколения в большей степени характеризуются относительной устойчивостью, однако глобализация и цифровые технологии одновременно задают новые вызовы и расширяют спектр возможных траекторий. За последние три десятилетия ценностные установки молодежи претерпели заметные изменения.

Вовлеченность молодежи в социальные движения во многом опирается на представление о справедливости как фундаментальном принципе общественного устройства. Идеи равноправия и терпимости формируют для них рамку интерпретации социальных процессов и помогают соотносить происходящее с собственной позицией. Поддержка инициатив по улучшению окружающей реальности связывается с ответственностью за будущее планеты и проявляется, в частности, в практиках осознанного потребления и экологической заботы [1]. В этой логике устойчивое развитие закрепляется как приоритетная составляющая их ценностной системы.

Социальная память, сложившаяся у старших поколений, закрепила представление о том, что значимый массив общественных задач не решается в одиночку и требует совместных усилий. Для молодежи сообщества единомышленников оказываются востребованы, прежде всего, как ресурс взаимной поддержки и как инструмент согласования общих действий. Заметное расширение волонтерских практик и социально ориентированных инициатив можно рассматривать как одно из наблюдаемых проявлений этой установки.

Переориентация ценностей у молодежи во многом определяется тем, как организованы современная медиасреда и технологическая инфраструктура коммуникации. Множественность каналов получения информации снижает барьеры для распространения идей, ускоряет обмен позициями и повышает участие в инициативах разной направленности. За счет этого механизма представления об экологической ответственности и социальной справедливости выходят за пределы узких групп и охватывают все более широкие аудитории, закрепляя обновленные культурные и общественные ориентиры.

Система ценностных предпочтений постепенно тяготеет к социальным и экологическим основаниям, тогда как приоритеты свободы и индивидуализма перестают быть безусловно ведущими. Осмысление таких сдвигов создает более точную основу для проектирования мер поддержки молодежи и для их увязки с целями общественного развития.

Тенденция к инфантилизации молодежи сохраняет

способность воспроизводиться даже при наличии позитивных изменений в молодежной среде. Существенным фактором ее поддержания выступает массовая культура, поскольку она закрепляет способы осмысления реальности, ближе к детскому опыту и соответствующим схемам восприятия. Производство медиапродукции во многом ориентируется на детскую и подростковую аудиторию. Комиксы, анимация и видеоигры заняли устойчивое место в культурном потреблении молодых людей, функционируя одновременно как формы досуга и как средства самопрезентации. Ускорение социальных трансформаций усиливает потребность в психологических опорах, и одним из таких ресурсов нередко становятся ностальгические образы прошлого. Обращение к символам и сюжетам детства поддерживает субъективное переживание защищенности и устойчивости. Стабильный интерес к классическим играм и кинолентам можно использовать как эмпирическое указание на выраженность данной тенденции.

Продукты массовой культуры преимущественно проектируются так, чтобы активировать потребительские установки, а не стимулировать углубленное осмысление. У молодежи закрепляется модель быстрого и фрагментарного восприятия сообщений, тогда как формирование аналитического и критического мышления развивается заметно более медленно. Социальные сети, мессенджеры и сходные платформы усиливают этот дисбаланс: преобладают визуальные форматы, а коммуникация становится типизированной и упрощенной. Виртуальная среда, в свою очередь, позволяет создавать образы, соотносимые с детскими ожиданиями и представлениями, вследствие чего инфантильные особенности личности получают дополнительное подкрепление.

Важным узлом анализируемой тематики выступает игровая культура. Рост вовлеченности молодежи в видеоигры сочетается с тем, что многие игровые продукты конструируются на основе образов и сюжетных схем, ассоциируемых с детством. Виртуальная среда в этом контексте функционирует как способ снизить напряжение, возникающее из-за реальных обязанностей и ограничений, поскольку формат взаимодействия задает модель, где последствия решений ослаблены либо переносятся на более поздний момент. Установка на детский тип восприятия закрепляется особенностями игрового опыта: ошибка не рассматривается как окончательная, вознаграждения выдаются по прозрачным правилам, а сложность подстраивается под индивидуальные запросы пользователя.

Возникает закономерный вопрос о последствиях описанной ситуации. Развитие личных и социальных навыков страдает, когда молодые люди лишены необходимости самостоятельно принимать решения. Границы собственной ответственности определяются ими с трудом, а переход во взрослую жизнь от этого существенно

осложняется [14]. Поверхностные отношения становятся нормой при стремлении избегать сложных тем и дискуссий; возможности для глубокого общения оказываются ограниченными. Работа, семейные и финансовые обязательства, характерные для взрослой жизни, даются молодежи тяжело. Жизненные ориентиры размываются, накапливается неудовлетворенность. Путь к решению этих проблем открывается через осмысление факторов инфантилизации и их воздействия на личностное и социальное развитие молодого поколения. Формирование среды, благоприятной для взросления, становится возможным благодаря такому осмыслению; появляется основа для создания контента, способствующего личностному росту и социальному совершенствованию.

Стриминговые платформы Netflix и Spotify радикально изменили медиапотребление. Огромные библиотеки контента открыли молодым людям путь к классическому наследию, причем не только для ознакомления, но и для переосмысления через современную оптику. Обращение к кинематографу и музыке прошлых десятилетий углубляет понимание исторического контекста их появления, делает зримой трансформацию общественных ценностей. Фильмы, исследующие дружбу, любовь, нравственный выбор, часто становятся отправной точкой для обсуждения актуальных проблем.

Культурное наследие выполняет еще одну функцию: участвует в формировании идентичности. Узнавая себя в литературных и кинематографических героях, молодые люди отчетливее осознают собственные ценности, устремления, место в социальной структуре. Вопросы, поставленные авторами минувших эпох, инициируют дискуссии, сохраняющие остроту и сегодня.

Переработки классики под современные условия часто деформируют первоначальный авторский замысел. Внедрение новых технологий, актуальных общественных норм или дополнительных действующих лиц лишает произведение присущей ему глубины и многогранности. Коммерческие соображения заставляют авторов адаптации упрощать сюжет и характеры персонажей ради роста прибыли, что ослабляет критический и аналитический потенциал оригинальных текстов.

Внесенные в классику изменения влияют на представления юных читателей и зрителей о семье, дружбе, любви, морали. Поверхностные версии несут определенную угрозу: молодежь рискует принять их за единственно достоверную картину мира, а понимание сложных многослойных вопросов при этом сужается.

Массовая культура через собственные коммуникационные каналы формирует для молодых людей пространство, где выражение индивидуальности получает социальную легитимацию и поддержку окружения. Стриминговые сервисы, накапливая обширные медиатеки, одновременно упрощают доступ к материалам и стимулируют смещение роли аудитории от зрителя к создателю, поскольку инструменты публикации и распространения становятся привычной частью потребления. Переосмысление канонических историй в новых жанрах и с альтернативными интерпретациями переводит культурное наследие в режим исследовательского чтения, где развитие креативных умений сочетается с тренировкой критического анализа.

Актуализированные форматы кино- и музыкальных продуктов функционируют как средство конструирования ценностных координат молодежи, поскольку они задают представления о том, что считается значимым, допустимым и желательным. Современные версии классических произведений часто превращаются в медиатор общественной дискуссии: через них традиционные тексты связываются с повесткой настоящего, а культурное наследие переоценивается с иных мировоззренческих оснований. Однако такая практика несет и ограничения, так как исходные смысловые центры нередко теряют отчетливость, а рыночная логика проекта способна подменять художественные критерии приоритетами продаж и охвата. Молодые люди, учитывающие подобные зависимости, получают основания для более критической интерпретации медиасообщений и для самостоятельного построения ценностей на базе осознанной селекции источников.

Основными площадками для общения молодых людей по-прежнему выступают социальные сети: TikTok, ВКонтакте, Facebook¹, Instagram². Количество подписчиков, лайки и комментарии становятся своеобразными показателями успешности, что порождает конкуренцию за социальную значимость и усиливает неравенство между пользователями. Через пользовательский контент (UGC) молодежь получает доступ к новым знаниям и образцам для подражания. Блогеры с большой аудиторией воздействуют на молодых людей особенно сильно: их ценности, взгляды и образ жизни формируют кумиров принципиально иного типа.

Смысловую нагрузку несут и видеоигры. Определенные установки закладываются даже в развлекательных проектах: стремление к победе, соперничество, работа в команде. Игровые среды помогают социализации, но вместе с тем транслируют идеалы статуса и успеха, что

1 Facebook — запрещенная в России соцсеть; принадлежит Meta, которая признана экстремистской и террористической организацией в РФ.

2 Instagram — запрещенная в России соцсеть; принадлежит Meta, которая признана экстремистской и террористической организацией в РФ.

сказывается на формировании молодежной идентичности.

Тревожность, депрессивные состояния, неудовлетворенность собственной внешностью – эти соматические проявления часто связаны с попытками соответствовать транслируемым стандартам красоты и социального успеха. Негативные стереотипы о внешности усиливают ощущение неполноценности и снижают самооценку. Рекламные механизмы и дезинформация манипулируют аудиторией (прежде всего молодежной), насаждая потребительские установки.

Вместе с тем ценностные сдвиги несут определенный позитивный потенциал. Гражданская ответственность формируется через вовлечение молодых людей в экологические и социальные инициативы, к чему побуждает медиаконтент. Пространство современной массовой культуры дает возможность представлять разнообразные традиции и культурные идентичности. Молодежь учится принимать это многообразие, что способствует развитию открытости и терпимости. Среди базовых ценностей молодого поколения: социальная справедливость, активная гражданская позиция, самореализация,

прагматизм, рациональность, забота о здоровье и благополучии. Медиапространство активно распространяет данные ориентиры, некоторые из них закреплены на государственном уровне.

Заключение

Критическое осмысление культурного контента определяет перспективы молодого поколения. Информационное изобилие и многообразие массовой культуры делают способность анализировать источники и оценивать транслируемые идеи необходимым навыком.

Восприятие культурного контента подростками зависит от множества факторов: особенностей характера, семейного уклада, круга общения. Именно эти переменные определяют, какие смыслы молодой человек извлекает из медиапродуктов. Формирование критического мышления требует совместных усилий – родителей, учителей, самих средств массовой информации. Среда, способствующая аналитическому восприятию, открывает молодежи путь к разнообразному и содержательному материалу. Воздействие массовой культуры на молодое поколение остается при этом неоднородным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев А.Л. Социокультурная динамика российского общества // Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа. – М.: Весь Мир, 2018. С. 174–193.
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 2004. С.436-523.
3. Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: синергетический подход в социальной работе. – СПб.: Лань, 1999. С. 112-126.
4. Гудков Л.Д. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 431-541.
5. Зайцев А.А. Эволюция художественной формы в современной анимации: роль искусственного интеллекта в создании визуального стиля. //Pan-Art. 2025. Том 5. Выпуск 2. С. 211-220.
6. Зайцев А.А. Этапы становления российской анимации в период с 90-х гг. XX века по настоящее время: анализ и перспективы. //Pan-Art. 2025. Том 5. Выпуск 1. С. 115-123.
7. Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика. – М.: Голос, 2001. С. 421-430.
8. Карабущенко П.Л. Социально-культурные основания молодежной политики: монография. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2007. С. 214-223.
9. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 10-18.
10. Кондаков И.В. Противостояние музыки и политики. // Pan-Art. 2023. Том 3. Выпуск 1. С. 78-82.
11. Левикова С.И. Молодежная культура. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2002. С. 451-418.
12. Луков В.А. Молодежь. // Знание. Понимание. Умение. – 2005. – № 1. С. 70-81.
13. Маньковская Н.Б. Эстетика постмодернизма. – СПб.: Алетейя, 2000. С. 234-246.
14. Мид М. Культура и мир детства. – М.: Наука, 1988. С. 430.
15. Тоффлер Э. Шок будущего. – М.: АСТ, 2002. С. 557.
16. Пахонина Е.В. Техносоциализация личности под влиянием технонауки / Е.В. Пахонина // Сборник материалов Международной научно-практической конференции. - 2017. - С. 1-4.
17. Риккерт Г. О системе ценностей // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. - М., 1998. - 365 с.
18. Чижик А.В. Новые медиа форматы в массовой культуре эпохи цифровых технологий: культурологический анализ: дис....канд. культ.: 24.00.01. Москва. 2018. 165 с.

ГИБРИДНЫЕ НАРРАТИВЫ ГЕРОИЗМА: МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПАТТЕРНЫ В ЭПОХУ ПОСТПРАВДЫ

Невзоров Сергей Геннадьевич

Кандидат исторических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»
sg-nevzorov@mail.ru

HYBRID NARRATIVES OF HEROISM: MYTHOLOGICAL PATTERNS IN THE POST-TRUTH ERA

S. Nevzorov

Summary: This article analyzes the hybrid narratives of heroism in contemporary Russian culture, which are formed in the context of media post-truth and the politicization of historical memory. It examines the mythological patterns of heroic narratives and their transformation within the framework of memory politics, mass media, and popular culture. Special attention is given to the interaction between traditional heroic archetypes and the conspiratorial and ideological narratives characteristic of hybrid information wars. It is shown that the heroic myth acts as a tool for legitimizing power, mobilizing society, and redistributing symbolic resources. The article concludes that an interdisciplinary approach is necessary for studying hybrid narratives of heroism in the era of post-truth.

Keywords: heroism, heroic myth, post-truth, political myth, memory politics, hybrid narratives, and media discourse.

Аннотация: Статья посвящена анализу гибридных нарративов героизма в современной российской культуре, формирующихся в условиях медийной постправды и политизации исторической памяти. Рассматриваются мифологические паттерны героического повествования и их трансформация в рамках политики памяти, массмедиа и популярной культуры. Особое внимание уделяется взаимодействию традиционных героических архетипов с конспирологическими и идеологическими сюжетами, характерными для гибридных информационных войн. Показано, что героический миф выступает инструментом легитимации власти, мобилизации общества и перераспределения символических ресурсов. Делается вывод о необходимости междисциплинарного подхода к изучению гибридных нарративов героизма в эпоху постправды.

Ключевые слова: героизм, героический миф, постправда, политический миф, политика памяти, гибридные нарративы, медийный дискурс.

Введение

В условиях усиления медиатизации политики и повседневности феномен героизма переживает двойственную трансформацию: с одной стороны, продолжается эксплуатация классических мифологических паттернов героического нарратива, с другой — сама структура нарратива становится фрагментарной, эмоционально нагруженной и мало связанной с проверяемой фактичностью, что в отечественной и зарубежной литературе описывается термином «постправда». В российском контексте этот процесс тесно связан с политикой памяти, гибридными информационными войнами и конструированием образа врага/защитника, что позволяет говорить о формировании гибридных нарративов героизма — совмещающих элементы традиционного мифа, официальной идеологии и сетевой конспирологии.

Цель статьи — культурологический анализ гибридных нарративов героизма в современной России через призму мифологических паттернов и логики постправды.

Задачи исследования: рассмотреть теоретические основания понятия «постправда» и его развитие в российском дискурсе; описать ключевые мифологические

паттерны героизма, выделенные отечественными исследователями; проанализировать, как эти паттерны модифицируются в политике памяти и медиа пространстве; предложить концепт «гибридного нарратива героизма» для описания современных практик символического конструирования реальности.

Методологически работа опирается на культурологический и социокультурный анализ, концепции политического и героического мифа, а также на исследования постправды в медиасреде.

Основные результаты

Термин «постправда» в отечественном дискурсе закрепляется в 2010-е годы и связан с ослаблением роли верифицируемых фактов и ростом значимости эмоциональной идентификации аудитории с предлагаемой интерпретацией событий. И. Д. Дзялошинский указывает, что в логике постправды «мир предстает как продукт эмоций и веры», что позволяет формировать общественное мнение «без оглядки на реальность» и размывает границы между фактами и их интерпретацией. В медиа коммуникации это проявляется в подмене факта фреймингом и «менеджментом информационного процесса», когда важнее не содержание, а нарративная упаковка

сообщения [4].

М.А. Вальковский, анализируя феномен постправды в современной медиасреде, подчеркивает, что тексты постправды строятся по принципу диспозиции: фрагменты механически монтируются друг с другом, не образуя последовательной логики, но производя сильный аффективный эффект [2]. О.А. Габрилян, в свою очередь, определяет постправду как особый тип коммуникативного нарратива, формируемого СМИ и социальными сетями на основе отдельных фактов, символически перегруженных и вырванных из контекста. Эти наблюдения позволяют говорить о гибридации публичного дискурса, в котором «сборка» реальности осуществляется из разнородных, иногда взаимоисключающих элементов [3].

Гибридность проявляется не только на уровне медиа форматов, но и на уровне исторических и политических нарративов. В аналитике по «войнам памяти» и «постреальности» подчеркивается, что в глобальном пространстве ценностного противоборства технологии постреальности становятся инструментом отграничения геополитических блоков и переопределения символических границ. В российском случае это ведет к формированию «альтернативных историй» и параллельных реальностей, в которых исторические события и герои переинтерпретируются в соответствии с текущим идеологическим запросом [1].

Отечественная традиция изучения героизма исходит из представления о герое как о культурной универсалии и особом институте, обеспечивающем нормирование ценностей и моделей поведения. В исследованиях подчеркивается, что героический миф выступает «ядерным элементом социального габитуса» и ключом к пониманию ценностного ядра культуры [6].

М. А. Подлесная в культурологическом анализе феномена героизма выделяет три базовые функции героя по отношению к культуре: созидательную, защитную и функцию духовного водительства. Эти функции коррелируют с классическими мифологическими сюжетами о богах демиургах, культурных героях и защитниках общины, обеспечивая устойчивость культурного порядка. В работе о героях и героизме в культурно историческом бытии народов Европы и России героический образ описывается как сакрализованный центр мифа, через который раскрывается смысл героизма как служения высшим силам и обществу.

Современные исследования подчеркивают, что герой и героизм — это не только индивидуальные качества, но и институционализованные ожидания общества, закрепленные в мифах, ритуалах и политике памяти. В концепции «мифологического героя как культурного

института» отмечается, что героический миф задает нормативные рамки «должного» поведения и служит ядром социальных практик, особенно в периоды кризисов и войн. М. А. Подлесная, вводя фактор фронтирности, показывает, как образ героя формируется на границе «своего» и «чужого» пространства, где герой одновременно освоитель, защитник и медиатор между мирами [8].

Отдельный пласт исследований касается трансформации национального и военного героизма в политике памяти и массовой культуре России. Работы о героях военной истории России показывают, что архетип героя входит в ценностное ядро национальной идентичности и активно мобилизуется в условиях СВО и других конфликтов. Исследования символического конструирования «мифо героической» политической реальности демонстрируют, что в современной России героическая реальность создается политически, через отбор и интерпретацию исторических фигур и событий [9].

Политика памяти в постсоветском пространстве рассматривается отечественными авторами как поле борьбы нарративов, в котором закрепляются или оспариваются интерпретации ключевых событий, прежде всего Великой Отечественной войны. Анализ дискурса памяти о войне показывает, что, несмотря на рост числа альтернативных повествований, «режим памяти» остается торжествующим, ориентированным на героизацию и сакрализацию прошлого. Коммеморативные практики, связанные с войной, конструируют образ героического народа победителя, который одновременно выполняет функцию исторического оправдания и мобилизационного ресурса [7].

Современные исследования коммеморативных нарративов о Великой Отечественной войне фиксируют переход к сложной гибридной модели, в которой традиционные формы (школа, официальные памятные мероприятия, классическое культурное наследие) взаимодействуют с медиасредой и цифровыми платформами. Школа и государственные институты сохраняют высокий уровень доверия как источники «правильной» памяти, но при этом медиа и социальные сети осуществляют переупаковку героических сюжетов в формат клипового контента, мемов и сериалов.

Работа А.Ю. Бубнова показывает, что после 2014 года государственная политика памяти в России явно ориентируется на укрепление национальной идентичности через популяризацию военных героев, прежде всего героев Великой Отечественной войны. Авторы отмечают, что формируется патриотический мемориальный канон, где ключевую роль играет архетип героя защитника, а симбиоз государства и Русской православной церкви ведет к смещению акцентов в сторону религиозного осмысления военного прошлого. Это усиливает сакраль-

ный компонент героического нарратива и подчеркивает его «надполитический» характер, хотя фактически речь идет о политически мотивированной сакрализации [1].

Вместе с тем другие исследования фиксируют процессы искажения историко культурной памяти в художественных формах, включая современную «киносказку» и популярные фильмы о войне. Появляются «несуществовавшие герои» и события, которые, будучи встроенными в эмоционально насыщенные сюжеты, воспринимаются массовой аудиторией как достоверная история. Этот феномен соотносится с логикой постправды, когда «фактическая действенность» событий определяется не корреспондентией с архивами, а их культурной резонансностью и медийной тиражируемостью.

Медийная среда эпохи постправды характеризуется ростом конспирологических объяснений, распространением фейковых новостей и размыванием границ между научным знанием, псевдонаукой и мифом. О. Ю. Юшко, анализируя медиа в эпоху постправды, выделяет ключевые черты теорий заговора: апелляцию к скрытым силам, недоверие к официальным источникам, нарратив «пробуждения» избранных и героического сопротивления «системе». Эти схемы легко интегрируются в массовую культуру, формируя альтернативные героические сюжеты — от одиночки борца с «мировым правительством» до локального активиста, противостоящего «коррупционной власти» [10].

В то же время государственные и прогосударственные медиа активно используют конспирологические мотивы в собственной интерпретации международных событий, представляя Россию в «кольце врагов» и описывая внешнюю политику как вынужденную оборону от враждебного Запада. Анализ гибридных войн и дезинформации показывает, что в таких нарративах Россия позиционируется как жертва информационной агрессии и одновременно как носитель особой правды, которую необходимо донести до мировой аудитории. Это создает специфический героический образ государства, выступающего в роли защитника «исторической истины» и традиционных ценностей.

На основании рассмотренного материала можно выделить ряд структурных особенностей гибридных нарративов героизма в эпоху постправды.

Во первых, они опираются на устойчивые мифологические паттерны — «героический путь», «защитник рубежа», «избранный спаситель» — которые хорошо описаны в культурологической и социологической литературе. Эти паттерны проявляются не только в политике памяти и официальной пропаганде, но и в рекламе, массовой культуре и цифровых практиках, где героический путь используется как универсальный сценарий лич-

ностного успеха и самореализации.

Во вторых, гибридные нарративы героизма характеризуются эклектичной композиционной структурой, сочетающей исторические сюжеты, религиозные мотивы, элементы конспирологии и поп культурные клише. Это позволяет одновременно апеллировать к различным сегментам аудитории, но приводит к размыванию границ между «своим» и «чужим» героизмом, между документальным и вымышленным, профанным и сакральным.

В третьих, важной функцией гибридных героических нарративов становится легитимация текущих политических решений и внешнеполитических действий через апелляцию к историческим прецедентам, войнам и «вечной миссии» защиты от врага. Политический миф, как показано в отечественных исследованиях, выступает носителем исторической памяти и инструментом формирования лояльности, а героический компонент этого мифа обеспечивает эмоциональную мобилизацию.

В четвертых, гибридные нарративы героизма стремятся перераспределить символические ресурсы общества, конструируя новый пантеон героев и переопределяя статус уже существующих фигур. В славянском фэнтези и массовой литературе реструктуризация национального мифа идет через создание альтернативных пантеонов (Рюрик, Олег, Владимир), которые интерпретируются в духе современного патриотического и маскулинного идеала. В официальной политике памяти происходит параллельный процесс канонизации определенных героев (прежде всего военных) и маргинализации других исторических фигур, что отражает борьбу за контроль над коллективной памятью.

Особенностью российского контекста является сочетание фронтальной идентичности и опыта позднесоветской/постсоветской трансформации, что делает героический дискурс особенно востребованным. Фактор фронтальности проявляется в образе России как «рубежа» между цивилизациями, где герой выполняет функцию защитника границ и посредника между разными культурными мирами. В этом образе соединяются имперские, национальные и цивилизационные мифы, формируя сложный, иногда внутренне противоречивый нарратив.

В работах о «войне нарративов» подчеркивается, что российская пропаганда активно реагирует на внешние культурные вызовы (например, на международные сериалы о советском прошлом), выстраивая альтернативные версии событий и разоблачающие нарративы. Это приводит к появлению двух уровней героического дискурса: внутреннего (ориентированного на консолидацию лояльной аудитории) и внешнего (направленного

на оправдание действий государства и конкуренцию за интерпретацию истории на международной арене). Оба уровня используют схожие мифологические паттерны, но варьируют степень их эксплицитности и эмоционального накала.

Дмитриев и Евстафьев, анализируя переход от постправды к постреальности, показывают, что в условиях ценностного противоборства памятники, символы и герои превращаются в «пограничные столбы» геэкономических и геополитических пространств. Таким образом, борьба за героев и их интерпретацию становится частью гибридной войны, в которой исторические нарративы, культурные практики и медиа репрезентации используются как инструменты мягкой и не всегда мягкой силы [5].

Заключение

Анализ отечественных исследований постправды, политики памяти и героического мифа позволяет утверждать, что в современной России формируются гибридные нарративы героизма, сочетающие классические мифологические паттерны с эклектичной, фрагментарной и эмоционально нагруженной структурой постправды. Эти нарративы выполняют сразу несколько

функций: поддержание национальной идентичности, легитимация политических решений, перераспределение символических ресурсов и компенсация экзистенциальной неопределенности в условиях кризисов.

Ключевой особенностью гибридных героических нарративов является их способность одновременно работать на разных уровнях — от государственной политики памяти и официальной пропаганды до массовой культуры, рекламы и пользовательских практик в социальных сетях. В результате возникает сложная культурная конфигурация, в которой границы между историей и вымыслом, сакральным и профанным, личным опытом и навязанным мифом становятся принципиально неустойчивыми.

Дальнейшие исследования гибридных нарративов героизма требуют междисциплинарного подхода, включающего культурологию, медиаисследования, политическую теорию и психологию памяти, а также анализа конкретных кейсов — от школьных учебников и памятных мероприятий до сериалов, игр и сетевых мемов. Такой анализ позволит точнее описать механизмы производства и циркуляции героических мифов в эпоху постправды и оценить их влияние на российское общество и его представления о прошлом и будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бубнов, А.Ю. Герои военной истории России: о ком напоминают и кого вспоминают? Специфика отражения памяти о военных героях России в государственной политике и запросах интернет-пользователей / А.Ю. Бубнов, М.А. Савельева // Наука. Общество. Оборона. - 2024. - Т. 12, № 4. - С. 20–29.
2. Вальковский, М. Феномен постправды в современной медиасреде: вызовы и реакции / М. Вальковский // Беларуская думка. - 2023. - № 1. - С. 98–103.
3. Габриелян, О.А. Мифологический герой как культурный институт: истоки и современность. Часть 1. Истоки и смысл героического мифа / О.А. Габриелян, Д.В. Гарбузов // Ученые записки Крымского федерального ун-та им. В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология - 2025. - Т. 11, № 2. - С. 81–89.
4. Дзялошинский, И. Общественное мнение в эпоху постправды / И. Дзялошинский // Международный журнал медиа и коммуникаций в Центральной Азии. - 2024. - № 4. - С. 59–79.
5. Дмитриев, О.А. От постправды к постреальности / О.А. Дмитриев, Д.Г. Евстафьев // Россия в глобальной политике. - 2024. - Т. 22, № 4. - С. 110–121.
6. Ковба, Д.М. Особенности формирования и реализации политики памяти о Великой Отечественной войне на постсоветском пространстве / Д.М. Ковба, Е.Г. Грибовод // Дискурс-Пи. - 2020. - Т. 17, № 2 (39). - С. 59–77.
7. Крынжина, М.Д. Медиа в эпоху "постправды": о понятиях "лженаука", "конспирология" и "фейк" / М.Д. Крынжина // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. - 2023. - №2 (49). - С. 84–88.
8. Подлесная, М.А. Фактор фронтирности в формировании образа героя в российском обществе / М.А. Подлесная, О.К. Шевченко // Наука. Культура. Общество. - 2024. - Т. 30, № 3. - С. 42–60.
9. Румянцева, М.Ф. "Места памяти" в структуре национально-исторического мифа / М.Ф. Румянцева // Диалог со временем. - 2007. - № 21. - С. 106–118.
10. Юшко, О.Ю. Понятийное поле лингвокультурного типажа "герой" / О.Ю. Юшко // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. - 2011. - № 1 (13). - С. 184–189.

© Невзоров Сергей Геннадьевич (sg-nevzorov@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АЛИМЕНТАРНАЯ КУЛЬТУРА СССР 1950–1970-Х ГОДОВ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ

Парфенов Василий Андреевич
аспирант, Санкт-Петербургский
Государственный университет
st064052@student.spbu.ru

ALIMENTARY CULTURE OF THE USSR IN THE 1950S–1970S: TRANSFORMATION OF PUBLIC CATERING

V. Parfenov

Summary: Alimentary culture is considered as a significant indicator of social, economic and ideological changes, since nutrition practices are directly embedded in the structure of everyday life. In the post-war period of the 1950s and 1970s, a special nutrition model was formed in the USSR, reflecting the transition from scarcity to a state of relative stability. Regular meals are fixed as the norm, but quantitative saturation is not accompanied by qualitative and taste diversity, which creates a persistent contradiction between the official rhetoric of abundance and the real experience of the population. An analysis of the evolution of the nutritional culture of this period makes it possible to identify the specifics of the Soviet approach to catering based on functionalism, ideas of equality and the priority of public space. Special attention is paid to the development of catering systems, automation, kitchen factories, home kitchens and delivery practices, which were considered as tools for rationalizing everyday life, urbanization and women's emancipation. It is shown that the borrowing of certain elements of foreign experience was combined with the preservation of the self of the Soviet model and was subordinated to ideological attitudes. The novelty of the research lies in the consideration of alimentary culture not only as an economic or everyday phenomenon, but also as a space of collision of nomenclatural discourse and everyday practices. The discrepancy between the declared norms of "scientific" and "healthy" nutrition and real eating habits is revealed, which contributed to the strengthening of home cooking as a zone of social and taste compensation. This approach allows for a new interpretation of the transformation of Soviet life and shows the sustainability of traditional practices in the context of the modernization project.

Keywords: alimentary culture, USSR, public catering, daily routine, ideology, urbanization, automation of nutrition, home cooking, consumer culture.

Аннотация: Алиментарная культура рассматривается как значимый показатель социальных, экономических и идеологических изменений, поскольку практики питания непосредственно встроены в структуру повседневности. В послевоенный период 1950–1970-х годов в СССР формируется особая модель питания, отражающая переход от дефицита к состоянию относительной стабильности. Регулярный приём пищи закрепляется как норма, однако количественное насыщение не сопровождается качественным и вкусовым разнообразием, что порождает устойчивое противоречие между официальной риторикой изобилия и реальным опытом населения. Анализ эволюции алиментарной культуры данного периода позволяет выявить специфику советского подхода к организации питания, основанного на функционализме, идеях равенства и приоритете общественного пространства. Особое внимание уделяется развитию системы общественного питания, автоматизации, фабрик-кухонь, домашних кухонь и практик доставки, которые рассматривались как инструменты рационализации быта, урбанизации и женской эмансипации. Показано, что заимствование отдельных элементов зарубежного опыта сочеталось с сохранением самости советской модели и было подчинено идеологическим установкам. Новизна исследования заключается в рассмотрении алиментарной культуры не только как хозяйственного или бытового феномена, но и как пространства столкновения номенклатурного дискурса и повседневных практик. Выявляется расхождение между декларируемыми нормами научного и полезного питания и реальными пищевыми привычками, что способствовало укреплению домашней кухни как зоны социальной и вкусовой компенсации. Такой подход позволяет по-новому интерпретировать трансформацию советского быта и показать устойчивость традиционных практик в условиях модернизационного проекта.

Ключевые слова: алиментарная культура, СССР, общественное питание, повседневность, идеология, урбанизация, автоматизация питания, домашняя кухня, культура потребления.

Введение

Алиментарная культура является важнейшим индикатором социальных, идеологических и экономических трансформаций общества, поскольку сфера питания непосредственно связана с повседневными практиками. В советском контексте питание с самого начала рассматривалось не только как биологическая необходимость, но и как инструмент формирования нового типа человека.

Послевоенный период 1950–1970-х годов занимает особое место в истории советской алиментарной культуры. Он характеризуется переходом от дефицита к состоянию контролируемой сытости, когда сам факт регулярного приёма пищи начинает восприниматься как признак нормализации повседневности. Вместе с тем количественное насыщение не сопровождалось качественным разнообразием рациона, а декларируемое государством изобилие вступало в противоречие с реальным опытом советского человека.

В этот период активно развиваются формы общественного питания, автоматизации и полуфабрикатного производства, трансформируется городское пространство и бытовая инфраструктура, что напрямую влияет на практики питания. Однако расхождение между официальным дискурсом, основанным на номенклатурном языке, и повседневной реальностью приводит к формированию специфического баланса между общественным и домашним питанием.

Целью настоящей статьи является анализ особенностей эволюции алиментарной культуры СССР 1950–1970-х годов через призму идеологических установок, институциональных изменений в системе питания и повседневных практик, выявление причин противоречий в развитии советского общепита.

Материалы и методы

Исследование основано на междисциплинарном подходе, сочетающем методы историко-культурного и социокультурного анализа. В качестве источников использованы нормативные и идеологические тексты советской эпохи, научные и публицистические исследования, посвященные истории питания и повседневности, а также материалы периодической печати.

Особое внимание уделяется анализу дискурса питания в официальных источниках, таких как «Книга о вкусной и здоровой пище», а также работам исследователей советской культуры питания, включая труды В. Похлебкина, Н. Лебиной, О. Запорожец, Я. Крупец и других авторов. Использование данных источников позволяет сопоставить нормативно-идеологические представления о питании с фактическими практиками повседневной жизни.

Методологическую основу исследования составляет сравнительно-исторический анализ, позволяющий выявить особенности советской модели общественного питания и сопоставить ее с зарубежными подходами к организации гастрономической инфраструктуры. Также применяются элементы дискурсивного анализа, направленные на изучение специфики номенклатурного языка, формировавшего представления о пищевом изобилии и рациональном питании.

Литературный обзор

Структура рациона в 50-70-е годы остается однообразной: основой питания большинства населения продолжают быть хлеб, картофель и крупы, а доля мяса, рыбы, фруктов и овощей заметно уступает не только западным стандартам, но и официальным советским представлениям о «научно обоснованной» норме потребления. Такая конфигурация закрепляет приоритет

механического насыщения – обеспечение калорий и минимального набора продуктов оказывается важнее вкусового разнообразия, что напрямую влияет на формирование специфических советских пищевых привычек и представлений о «достатке» как о количественной, а не качественной категории.

Развитие системы питания в 50-е годы было направлено на расширение возможностей общественного питания, однако в вопросе качественного улучшения такой пищи все еще существовали прежние проблемы. СССР и ранее заимствовал отдельные успешные проекты из иностранного опыта, в частности, опыта США. Однако, усиливающееся противостояние провоцировало своеобразную конкуренцию между всесторонним развитием, в том числе и сферы питания. В. Похлебкин отмечает принципиальную разницу между подходами: в СССР система столовых расширялась экспансивно и требовала подхода к разнообразию меню, то есть «потребитель привык к полному обеду, а не к одному какому-либо блюду, причем питаюсь изо дня в день в одном и том же месте» [6, с. 487]. В то же время в США общепит «ставил перед собой еще более узкие задачи: на отдельной «точке» общепита готовили одно или максимум два блюда в течение всего времени ее существования, целиком специализируясь только на них» [6, с. 487]. Капиталистический подход имел под собой плюсы: снижение стоимости блюд и ускорение подачи, что сопровождалось улучшением качества подаваемого блюда и согласовывалось с потребностью и привычками питания граждан. При этом такого рода соревнование, как пишет исследователь питания Д.С. Фоломеев, не исключает самость советской алиментарной культуры: «речь идет не о подражании «Западу», а о достижении того уровня жизни, который, как представлялось, там возможен. Например, обзавестись собственной квартирой, завести личное пространство. Именно сочетание старых и новых идеологем приводит к эволюции всей культуры потребления, затрагивающей и общепит» [9, с. 88].

Основные характеристики 50-70-х гг. советской алиментарной культуры можно выделить следующие:

- Идеологические. Стремление реализовать систему равенства и обеспечить население питанием в равной степени
- Технологические. Стремление автоматизировать и преобразовать возможности алиментарной культуры в новых бытовых и жилых пространствах
- Общественность. Целеполагание питания в общественном, а не индивидуальном пространстве, что в некотором смысле определяло особый статус домашней кухни.
- Функционализм. Представление о пище в качестве функции, телеологически определявшейся целью построения нового советского человека

— Изобилие. Декларация и стремление государства внести вкусовые коррективы в области улучшения качества питания.

Изобилие, при этом, не являлось исключительно новым понятием, понятие существовало в дискурсе питания и обеспечения продовольствием еще в конце 30-х годов, когда оформились основные постулаты советской алиментарной культуры. О. Запорожец и Я. Крупец, российские исследователи в области социологии, отмечали: «Сформировавшийся в 20-е годы рационально-функциональный подход к питанию и его основные принципы (гигиеничности, научности и полезности) в 50-е годы переходят в разряд нормативов, став обязательным, хотя уже и не достаточным, условием функционирования общепита» [1, с. 318]. Таким образом, питание мыслилось в том числе и во вкусовом разнообразии. С гигиеническим и научным аспектом фиксировались успехи: с одной стороны, питание строилось из принципов научности, то есть каким должно быть питание, чтобы быть «здоровым»; с другой стороны, эта идея абсолютизировалась: «идеальная столовая по своему внешнему виду напоминает скорее медицинское учреждение (с людьми в белых халатах)» [1, с. 319]. При этом идея изобилия продолжала активно транслироваться в разных источниках. В «Книге о вкусной и здоровой пище» редакции 1952 г в параграфе «К изобилию» активно декларируется движение к процветанию: «С каждым днем богаче и краше становится жизнь нашей цветущей Родины, идущей в авангарде передового человечества в великой борьбе за мир и безопасность всех народов» [5, с. 8]. Однако, фактически изобилие не подтверждалось реалиями каждодневного бытия советского человека. В этой же главе приводятся цифры, свидетельствующие о прогрессе и результатах социалистического труда: «Довоенный уровень поголовья продуктивного скота и птицы в колхозах значительно превзойден: крупного рогатого скота – на 40 процентов, овец и коз – на 63 процента, свиней – на 49 процентов, птицы – в 2 раза» [5, с. 9]. При этом совершенно непонятно, каким именно было число довоенного уровня поголовья тех или иных животных. Статистически эти цифры создают иллюзию изобилия, артикулируемого в книге, но на самом деле лишены возможности отразить действительность, поскольку не содержат абсолютных величин.

Необходимо отметить, что в общественном смысле понятие вкусного и понятие полезного взаимозаменялось, что можно связать с переменами в идеологическом дискурсе, поскольку питание также было подчинено государственным решениям. Здесь следует выделить, что многое определялось именно языковыми структурами и особым номенклатурным языком, на котором говорило государство. Государственное руководство старалось транслировать и инвестировать идеалы, используя прежде всего собственный характерный номенклатурный

язык. Динамика его изменения определялась особенностями партийного руководства. В начале Советского государства такой язык определялся совместно, высшими партийными деятелями. В сталинские годы за это отвечал персонально Генеральный Секретарь ЦК ВКП(б). Роль Сталина как генерального редактора сводилась к тому, что он редактировал и широко транслировал номенклатурный язык и конкретные трактовки через средства массовой информации, выступая в качестве носителя определенной Истины. После его смерти редакция языка ушла в партийное закулисье, и правильность трактовок определялась наиболее похожим переписыванием некоего оригинального текста, которого в действительности не существовало. Бесконечное самоповторение привело к тому, что номенклатурный язык оторвался от реальности и более не обозначал того, о чем он говорил. Главная проблема заключалась в том, что теперь объективная Истина, которая была известна Сталину, была неизвестна никому, поэтому смысл номенклатурного языка как языка повторений ускользал от реальности с каждым годом, репродуцируя сам себя. Таким образом, «единственным способом остаться в рамках такой “нормы” теперь было как можно точнее копировать тексты и высказывания, которые уже были написаны или произнесены ранее другими руководителями» [7, с. 109]. О. Запорожец и Я. Крупец приводят цитату академика Павлова – одного из авторитетов в сфере питания в эти годы: «нормальная и полезная еда есть еда с аппетитом, еда с испытываемым наслаждением» [7], а полезная, то есть здоровая еда, согласно «Кулинарии» «должна содержать в должной пропорции все питательные вещества, необходимые человеку для его жизнедеятельности и нормального развития» [3, с. 29]. И все-таки, несмотря на многие понятийные неясности, понятие «вкусной пищи» артикулировалось в общественном дискурсе, что свидетельствовало о фиксации этого явления в бытовом пространстве советского человека.

Действительно, «вкусная пища» по крайней мере начинала отождествляться с некоторым гастрономическим разнообразием, и речь идет скорее не о способах приготовления, поскольку в промышленных масштабах расширяющейся сети фабрик-кухонь, жарка была все еще невозможна, а о реальном разнообразии меню в режиме недели. В. Похлебкин приводит в пример меню одной из таких московских фабрик, которая ориентировалась не только на рабочих соответствующего предприятия, но и на рядовых граждан. Например, в понедельник подразумевалась подача следующих позиций: «щи мясные из кислой капусты, сырники со сметаной (вариант: вареники с творогом), оладьи с повидлом сливовым» [6, с. 488], во вторник «борщ московский с колбасой и шкварками, котлеты с картофелем отварным и огурцом соленым, компот из сухофруктов» [6, с. 488], а в пятницу «суп куриный с рисом, треска отварная с картофельным пюре, кисель яблочный» [6, с. 488] – достаточно

разнообразно даже с учетом сегодняшних гастрономических реалий. Этот подход подтверждался фундаментом книги "О Вкусной и здоровой пище": «использование пищи организмом человека находится также в большой зависимости от вкуса, запаха, внешнего вида и разнообразия ее» [5, с. 23].

Одной из характерных черт этого периода было стремление к автоматизации, как чисто технической, так и социальной, то есть перехода к самообслуживанию. Распространялось это прежде всего в форме магазинов – «с 1955 по 1964 год их число выросло в 30 раз» [2, с. 196], и к концу этого периода «в стране насчитывалось 350 магазинов-автоматов» [2, с. 197]. Это действительно ускоряло процесс покупок – позволяло распределить поток покупателей в магазине и разгружало обслуживающий персонал.

Автоматизация распространялась и на другие сферы быта – появились знаменитые автоматы по продаже различных бытовых предметов: спичек, газет, сигарет, но прежде всего –газировки. Если в знаменитом произведении Булгакова "Мастер и Маргарита" газировка приобреталась за неимением пива в специализированном ларьке, теперь напиток реализовывался без участия человека.

Стоит выделить и общее развитие нового бытового пространства. К концу 60-х годов в СССР продолжается процесс урбанизации. Жители переезжают из деревенских домов и бараков на новые жилищные площади. Новая инфраструктура задавала новые культурные традиции, обеспечивала формирование нового быта и привычек, в том числе в сфере питания и снабжения населения продуктами. В таких районах быт тоже стремился к собственной самости, заключавшейся в балансе между автоматизацией и функциональностью. Вместе с магазинами самообслуживания появились и новые артефакты повседневности – например, треугольные тетрапаки, в которые разливалось молоко. Н. Лебина пишет о том, что такие упаковки были практичны за счет легкого веса: «последнее качество особенно радовало жителей новостроек. Здесь быстро росли дома, медленно появлялись магазины...» [2, с. 201]. В условиях дальности магазина тяжелая стеклянная многоразовая бутылка не являлась практичным методом транспортировки продуктов – это было неудобно.

В 50-60-е годы увеличилось количество столовых, а официальная точка зрения все еще продолжала революционные идеи о преобразовании процесса труда и женской эмансипации: «Обобществление приготовления пищи, внедрение кулинарных полуфабрикатов, отпуск обедов на дом экономят огромное количество труда и времени, высвобождают в народном хозяйстве большие людские резервы, освобождают женщину от непроизво-

дительного домашнего хозяйства» [8, с. 86]. Общественное питание, таким образом, развивалось по пути новых форм: помимо уже известных полуфабрикатов, технология их приготовления продвинулась: возникли так называемые "домовые кухни": «нечто среднее между магазинами и заведениями общепита» [2, с. 206]. И это отражало один из нетипичных векторов развития советской алиментарной культуры: если в послереволюционные годы советское правительство мечтало о фактически полной ликвидации домашнего питания, считая его архаизмом из "старого" мира буржуа, в 50-е годы домашнее питание не просто признавалось, а действительно развивалось в соответствии с требованиями времени: можно готовить и дома, но не тратя большое количество времени. Советское правительство нашло баланс между категоричностью общественного питания, организация которого была подвержена системным проблемам и домашнего приготовления пищи, которое действительно забирает у рабочей силы временной ресурс. Помимо полуфабрикатов, здесь продавались и готовые блюда нескольких видов, которые можно было просто разогреть уже дома. Советский человек официально в быту закрепил за собой возможность питаться дома. Открывались такие учреждения, в основном, в новых районах, и создавали характерную практику быта: за пределы такого района действительно можно было не перемещаться. Однако, темпы роста домовых кухонь быстро сошли на нет: «В Ленинграде, например, за 1960-1963 годы открыли всего лишь 19 домовых кухонь, тогда как за один 1959 год – 18» [2, с. 211].

В эти же годы реализуется и феномен доставки, сочетающий в себе черты домашнего питания, рационализированного государственной структурой. Н. Лебина приводит здесь пример из "Ленинградской правды": «Эта столовая обслуживает исключительно тех, кто обедает на дому. В субботу вы можете заказать здесь для своей семьи воскресный обед: солянку, заливную рыбу, пирог с рисом, жаркое. Все это будет доставлено вам на дом в судках в точно установленный час. Доставка производится бесплатно» [4]. В данном случае доставка является признаком оптимизации системы питания, разделения пищевого производства и в целом, трендом в сфере мировой гастрономии. В СССР доставка являлась еще одним способом автоматизировать систему питания в эти годы, помогая освободить женщину от домашнего труда. Оптимизация времени нередко доходила напрямую до рабочего пространства: «Нередко на предприятиях еда доставлялась непосредственно к рабочему месту, подталкивая к бесперебойной работе или же позволяя выкроить дополнительные минуты отдыха, чтобы "повысить производительность труда"» [1, с. 326]. Рабочее пространство, безусловно, является общественным, однако питание на рабочем месте не способствовало развитию самого института питания в качестве общественного:

механизировалась сама алиментарная традиция.

Однако, характерным стало расхождение официального дискурса питания, транслируемого властью, и фактического повседневного быта советского человека. Развитие общественного питания тормозилось и организационными составляющими, из-за которых советский человек вынужденно возвращался к домашней кухне.

В этот период образовалось 3 основных фактора возврата к домашнему питанию:

- Отсутствие системного вкуса и качества в столовой пище. Пища в столовых, доступная для ежедневного употребления простыми гражданами, была лишена кулинарной полноценности: «Такой критерий оценки готовой пищи, как вкус, был заменен критериями веса вложенных продуктов и «выхода», что позволяло оправдывать любое нарушение классических кулинарных правил» [6, с. 492]
- Отсутствие «общественной» составляющей в системе общественного питания. Во-первых, этому способствовала модернизация и автоматизация, появление магазинов и столовых самообслуживания. Во-вторых, в заведениях зачастую посетителей подсаживали друг к другу, стремясь заполнить и оптимизировать питание массово, что порождало обратный эффект: «В результате подобных манипуляций за столиком, рассчитанным на четверых, могли оказаться совершенно незнакомые люди, не особенно стремящиеся к общению друг с другом» [1, с. 332].
- В-третьих, этому способствовало общее закрепление модели «человек-товар», а не «человек-человек» в сфере общепита. Советский человек не являлся посетителем, гостем заведения, он приходил утолить голод посредством определенных товарных (кулинарных) единиц. В некоторых заведениях специально устанавливались высокие столики, не подразумевавшие долгого времяпрепровождения. Даже в ресторанах, более дорогих заведениях, зачастую не проводили торжества. Поэтому дом становился местом антинормы, отсутствия временных ограничений в сфере питания. В пример можно привести фрагмент из фильма «Я шагаю по Москве» – именно дом становится полноценным общественным пространством, и свадьбу молодожены празднуют именно в домашней обстановке, а танцы происходят во дворе. Атрибуты праздника переносились в домашнее пространство, то есть скорее дом, и шире – дворовое пространство, становились центром притяжения общественности, его повседневного и праздничного взаимодействия.

Период 1950–1960-х годов ознаменовался перехо-

дом советской алиментарной культуры от послевоенного дефицита к рационализму, где механическое насыщение и функционализм доминировали над вкусовым разнообразием, формируя специфические пищевые привычки. Модернизация общепита через фабрики-кухни, домовые кухни, доставку и автоматизацию – отражала идеологические приоритеты равенства, урбанизации и женской эмансипации, однако столкнулась с организационными барьерами: монотонностью рациона, отсутствием подлинной общности и расхождением между номенклатурным дискурсом и повседневной реальностью. Это привело к развитию домашней кухни как пространства антинормы, где вкус, праздник и социальность формировали самость советского быта. Таким образом, эволюция алиментарной культуры этого периода иллюстрирует продолжение тенденции к сочетанию артикулируемого проекта «нового человека» и устойчивостью традиционных практик, задавая основу для дальнейших трансформаций в позднесоветскую эпоху.

Результаты

Проведенный анализ показывает, что алиментарная культура СССР 1950–1970-х годов характеризуется рядом ключевых особенностей, отражающих специфику советской социальной и идеологической системы.

Во-первых, структура повседневного рациона оставалась относительно однообразной. Основу питания большинства населения составляли хлеб, картофель и крупы, тогда как доля мяса, рыбы, фруктов и овощей оставалась ограниченной. Это формировало модель питания, ориентированную прежде всего на калорийное насыщение, а не на гастрономическое разнообразие.

Во-вторых, важным направлением развития стало расширение системы общественного питания. В 1950–1960-е годы увеличивается количество столовых, развиваются фабрики-кухни, распространяются полуфабрикаты и появляются новые формы организации питания, такие как домовые кухни и доставка готовых блюд на дом. Эти процессы отражали стремление государства рационализировать бытовую сферу и освободить население, прежде всего женщин, от значительных затрат времени на приготовление пищи.

В-третьих, характерной чертой периода становится внедрение различных форм автоматизации. Распространяются магазины самообслуживания и автоматы по продаже продуктов и напитков, что свидетельствует о попытках модернизации бытовой инфраструктуры и оптимизации процессов снабжения населения.

Однако развитие системы общественного питания сопровождалось рядом противоречий. Между официальным дискурсом изобилия и реальными практиками

питания существовал заметный разрыв. Качество и вкусовые характеристики пищи в столовых часто уступали домашней кухне, что приводило к постепенному возвращению населения к домашнему приготовлению пищи.

Дополнительным фактором выступало отсутствие полноценной социальной атмосферы в системе общественного питания. Столовые функционировали преимущественно как места быстрого утоления голода, а не как пространства общения и досуга. В результате именно домашнее пространство сохраняло функции социальной и праздничной коммуникации.

Заключение

Таким образом, эволюция алиментарной культуры СССР в 1950–1970-е годы отражает сложное взаимодействие идеологических установок, институциональных изменений и повседневных практик. Несмотря на активное развитие системы общественного питания и попытки модернизации бытовой инфраструктуры, советская

модель питания сохраняла ряд противоречий.

С одной стороны, государство стремилось сформировать рационализированную и коллективную систему питания, основанную на принципах равенства, научности и функциональности. С другой стороны, реальные практики питания продолжали опираться на домашнюю кухню, которая обеспечивала вкусовое разнообразие, социальную коммуникацию и возможность индивидуализации гастрономического опыта.

В результате в советском обществе сформировался своеобразный баланс между общественным и домашним питанием. Этот баланс отражал как идеологические проекты модернизации повседневности, так и устойчивость традиционных культурных практик. Рассматриваемый период стал важным этапом формирования позднесоветской алиментарной культуры, определившим дальнейшие трансформации системы питания и бытовых привычек населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Запорожец О., Крупец Я. Советский потребитель и регламентированная публичность: новые идеологемы и повседневность общепита конца 50-х // Советская социальная политика: сцены и действующие лица: 1940–1985 / Под ред. Е. Ярской-Смирновой и П. Романова. М.: Вариант, ЦСПГИ, 2008. 316 с.
2. Лебина Н. Хрущевка: советское и несветское в пространстве повседневности. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 424 с.
3. Ленинградская правда. – 1958. – 8 окт.
4. Лившиц, М.О. Кулинария. / под ред. Лившица М.О. М.: Госторгиздат, 1955. 960 с.
5. Молчанова О. П. Книга о вкусной и здоровой пище / Молчанова О.П., Лобанов Д.И., Лифшиц М.О., Цыпленков Н.П.; Пищепромиздат, - М., - 1952. 440 с.
6. Похлебкин В. В. Кухня века. М.: Полифакт, 2000. 616 с.
7. Правда. – 1957. – 15 сент.
8. Сюткин П., Сюткина О. Непридуманная история советской кухни. М.: ЛитРес: Самиздат, 2013. 296 с.
9. Фоломеев Д.С. Новые направления развития общественного питания СССР в послевоенный период // Гуманитарный акцент. 2021. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-napravleniya-razvitiya-obschestvennogo-pitaniya-sssr-v-poslevoennyy-period> (дата обращения: 12.12.2025).
10. Юрчак. А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 664 с.

© Парфенов Василий Андреевич (st064052@student.spbu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОБРАЗ ДОРОГИ В РУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ КАК АРХЕТИПИЧЕСКИЙ ЛОКУС ОТ БЫЛИННЫХ ТРОПИНОК ДО СКАЗОЧНЫХ ПЕРЕПУТИЙ

Саратовский Сергей Владимирович

Аспирант, Саратовский
национальный исследовательский государственный
университет им. Н.Г. Чернышевского
sesar75@inbox.ru

THE IMAGE OF THE ROAD IN RUSSIAN FOLKLORE AS AN ARCHETYPAL LOCUS FROM EPIC PATHS TO FABULOUS CROSSROADS

S. Saratovsky

Summary: The article examines the image of the road in Russian folklore as an archetypal locus. The author analyzes the road through the Jungian theory of archetypes and the concept of the collective unconscious, defining it as a universal spatial image rooted in the Russian national consciousness. The article consistently explores three key factors determining the archetypal nature of the road locus. Attention is paid to the ambivalent nature of the image of the road in the Russian tradition as a space of both freedom and danger, will and uncertainty.

Keywords: archetype, locus, road, Russian folklore, collective unconscious, space-time organization, initiation, symbolic coding, fairy tale, epic, chronotope, mythology, cultural semantics.

Аннотация: Статья рассматривает образ дороги в русском фольклоре как архетипический локус. Автор анализирует дорогу через юнгианскую теорию архетипов и концепции коллективного бессознательного, определяя её как универсальный пространственный образ, укоренённый в русском национальном сознании. В статье последовательно исследуются три ключевых фактора, определяющих архетипическую природу локуса дороги. Внимание уделяется амбивалентной природе образа дороги в русской традиции как пространства одновременно свободы и опасности, воли и неопределённости.

Ключевые слова: архетип, локус, дорога, русский фольклор, коллективное бессознательное, пространственно-временная организация, инициация, символическое кодирование, сказка, былина, хронотоп, мифология, культурная семантика.

Архетипическая природа образов в культурном наследии человечества существует одновременно на всех уровнях художественного сознания, то есть включая мифологические конструкты и современное творчество. Универсальные первообразы хранятся в коллективном бессознательном (междисциплинарный термин, берущий истоки в психологии и психоанализе), образуя устойчивые структурные элементы, которые воспроизводятся в фольклоре, литературе и искусстве.

Понятие архетипа, введенное в научный оборот К.Г. Юнгом, определялось как «изначальные, врожденные психические структуры, составляющие содержание коллективного бессознательного» [Юнг, 1936: 67]. Структуры, по его мнению, являются универсальными для всего человечества и проявляются в мифах, сновидениях, художественном творчестве как «психические остатки бесчисленных переживаний одного и того же типа» [Юнг, 1936: 72].

Развивая юнгианскую концепцию, отечественный исследователь Е.М. Мелетинский в своих работах по мифологии и поэтике рассматривал архетипы как «универсальные повествовательные схемы, лежащие в основе мифологических и фольклорных сюжетов» [Мелетинский, 1976: 34]. Российский ученый рассматривал

архетип структурно-семантически как устойчивые комбинации мотивов и образов, воспроизводящиеся в различных культурных традициях.

Дж. Кэмпбелл развил идею универсального героического пути, выделив общую структуру мифологических сюжетов, которую он назвал «путем героя» [Кэмпбелл, 1949: 23]. Американский исследователь показал, что архетип дороги является центральным элементом этой структуры, представляя собой пространственную метафору процесса индивидуации и духовного становления личности.

Концепция архетипического локуса возникает на пересечении юнгианской теории архетипов и современных пространственных исследований в литературоведении. Локус в филологической традиции понимается как «ограниченное пространство художественного текста, имеющее референтную соотнесенность с действительностью» [Гольденберг, 2011: 45]. В отличие от топоса, который часто трактуется как символическое или национально-маркированное пространство, локус – конкретное место действия, функционально связанное с развитием сюжета и характеристикой персонажей. Архетипический локус, таким образом, можно определить как пространственный образ, обладающий свойствами

архетипа – универсальностью, устойчивостью воспроизведения, связью с коллективным бессознательным. Локус организует пространственную структуру произведения, задает систему координат для развития действия, служит средством характеристики персонажей через их отношение к пространству. В русской культурной традиции архетипические локусы часто образуют бинарные оппозиции (дом/дорога, лес/поле, город/деревня).

Исследование в данной статье обращено к архетипичному образу дороги.

Архетип дороги в мировой культуре – это некий хронотоп, соединивший время, пространство, действие. Дорога как архетипический локус, в первую очередь, метафорическое движение (действие). В русском национальном сознании архетип дороги сформировался как синтез географических, исторических, культурных факторов.

Особенностью русской традиции является амбивалентное отношение к дороге. То есть с одной стороны, это пространство свободы, воли, возможности изменить свою судьбу; с другой – место опасности, неопределенности, встречи с чужим и враждебным миром. В.Я. Пропп отмечал, что «отправление героя из дома является обязательным элементом сказочной композиции» [Пропп, 1946: 36], причем дорога становится пространством испытаний и обретения магических помощников.

Архетипический локус дороги русского фольклора можно определить тремя факторами: пространственно-временная организация пути, инициационный характер странствия, символическое кодирование пространства.

1) Пространственно-временная организация пути выстроена через систему оппозиций, задающих координаты движения героя. Географическое перемещение сопряжено с переходом в качественно иное состояние бытия. В сказке «Царевна-лягушка» пространственная организация пути Ивана-царевича строится по принципу вертикальной иерархии: герой должен пройти «за тридевять земель, в тридесятое царство» [Афанасьев, 2024: с. 145]. Читатель осознает, что вместе с географической удаленностью, появляется метафизическая дистанция между мирами. Временной аспект формируется через формулу «долго ли, коротко ли», которая выводит странствие в сакральное измерение мифа. Привычные временные координаты теряют силу, а физическое перемещение обретает характер духовного паломничества. Герой, отправляясь на поиски Василисы Премудрой, снаряжается «железными сапогами» и «железными хлебами» [Афанасьев, 2024: с. 146]. Здесь отражена ритуальная готовность к инициационному испытанию.

В сказке «Иван-царевич и серый волк» герой от-

правляется «в путь-дорогу» [Афанасьев, 2024: с. 150], причем движение имеет четко выраженную циклическую структуру, то есть 1) уход из родного царства – 2) странствие по чужим землям – 3) возвращение с добычей. Пространство пути здесь дифференцировано на несколько уровней, включая освоенное (родное царство), пограничное (лес, где встречается волк) и сакральное (царства, где находятся жар-птица, златогривый конь и Елена Прекрасная). Особенно показателен эпизод, когда серый волк мчится «так скоро, как стрела» [Афанасьев, 2024: с. 152], преодолевая огромные расстояния за мгновения – это, конечно же, магическая природа сказочной дороги, пространство подчиняется исключительно символическим законам.

2) Инициационный характер странствия как второй фактор архетипического локуса дороги проявляется в том, что физическое перемещение неизбежно сопряжено с духовной трансформацией героя. Дорога в русском фольклоре – это всегда пространство испытаний, происходит проверка моральных качеств, смекалки и выносливости персонажа. Например, в сказке «Пойди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что» герой получает задание, которое изначально кажется невыполнимым. [Афанасьев, 2024: с. 235]. Сама формулировка задания – метафора жизненного выбора, духовного поиска, экзистенциального странствия. Герой вынужден полагаться на внутреннюю интуицию и помощь волшебных сил. Инициационный характер пути проявляется в том, что герой, выполняя задание, фактически проходит обряд посвящения, покидает прежнюю идентичность (простого стрельца) и обретает новую (мудрого и удачливого мужа).

В сказке «Три царства – медное, серебряное и золотое» инициационный характер странствия представлен как последовательное восхождение по уровням сакрального знания. Герой должен пройти через три царства, то есть три ступени духовного развития. Дорога здесь имеет четко выраженную вертикальную организацию: герой спускается под землю, что символизирует нисхождение в хтонические глубины, контакт с праосновами бытия. Каждое царство – медное, серебряное, золотое – соответствует определенной стадии инициации: освоение базовых знаний, развитие моральных качеств, обретение высшей мудрости. Царевны каждого царства, дающие герою волшебные клубочки, выступают в роли инициационных наставниц, передающих эзотерические знания о природе мироздания. Возвращение героя с невестами символизирует успешное завершение инициации, интеграцию пройденного опыта в новую идентичность.

3) Символическое кодирование пространства как третий фактор архетипического локуса дороги проявляется в том, что путь в сказках насыщен знаками и симво-

лами. Дорога в русском фольклоре – система маркеров, ориентиров, указателей, которые структурируют повествование и задают смысловые координаты. В сказке «Марья Моревна» Кощей Бессмертный рассказывает: «За тридевять земель, в тридесятом царстве, за огненной рекою живет баба-яга; у ней есть такая кобылица, на которой она каждый день вокруг света облетает» [Афанасьев, 2024: с. 167]. Здесь дорога кодируется через ряд символов: «огненная река» как граница между мирами, «платок» как магическое средство преодоления препятствий, «кобылица» как символ сверхъестественной скорости.

В сказках о Бабе-Яге символическое кодирование пространства достигает кульминационного максимума. Избушка на курьих ножках, стоящая «на повороте» или «на перепутье» [Афанасьев, 2024: с. 189], безусловно, символ пограничного пространства. Само расположение избушки – не в глубине леса, а на перекрестке дорог – указывает на ее функцию медиатора между мирами. Дорога к Бабе-Яге всегда описывается через систему знаков: «иди по тропинке, где трава примята», «следуй за клубочком», «обращайся к ветру» [Афанасьев, 2024:

с. 190]. Особенно интересен образ «клубочка», который катится перед героем, указывая направление. Клубок, конечно же, символ судьбы, нити Ариадны, духовный ориентир.

Особый интерес представляет эволюция образа дороги. Если в былинах дорога часто имеет конкретный, «земной» характер (богатырские шляхи, торговые пути), то в волшебных сказках она обретает исключительно метафизическое измерение. Однако и в том, и в другом случае дорога сохраняет свою архетипическую основу – она остается локусом испытаний, встреч с Другим, обретения нового знания.

Фундаментальное значение дороги как архетипического локуса заключается в ее способности структурировать само сознание слушателя/читателя. Через образ пути транслируются базовые культурные коды, этические нормы, представления о добре и зле, жизни и смерти. В этом смысле сказочный путь можно рассматривать как нарративную модель процесса индивидуации, и физическое перемещение отражает внутреннее духовное путешествие к самому себе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев, А.Н. Народные русские сказки: полное издание в одном томе / А.Н. Афанасьев. – М.: Альфа-книга, 2024. – 864 с. – ISBN 978-5-9922-3541-6.
2. Гольденберг А.Х. Архетипы в русской литературе. – Волгоград: Перемена, 2011. – 256 с.
3. Кэмпбелл Дж. Герой с тысячью лиц. – СПб.: Питер, 2018. – 384 с.
4. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. – М.: Искусство, 1970. – 384 с.
5. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. – М.: Наука, 1976. – 407 с.
6. Неклюдов С.Ю. Фольклор и культурная семантика. – М.: Индрик, 2004. – 312 с.
7. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1946. – 340 с.
8. Юнг К.Г. Архетип и символ. – М.: Ренессанс, 1991. – 304 с.

© Саратовский Сергей Владимирович (sesar75@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ КУРСАНТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ МВД РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ПОДГОТОВКИ К БУДУЩЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ И СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF TRAINING CADETS IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA IN THE CONTEXT OF PREPARATION FOR FUTURE PROFESSIONAL AND SERVICE ACTIVITIES

*D. Alekseyev
D. Alieva
D. Alekseeva*

Summary: The work of employees of the Russian Federation's internal affairs agencies is complex and stressful, requiring specific psychological qualities. Certainly, some of these qualities cannot be developed through training in civilian educational institutions. Training at departmental educational institutions allows cadets to be immersed in the future professional environment, thereby enhancing their readiness for professional and service activities. This type of training has a number of psychological characteristics, which are discussed in this article.

Keywords: psychological characteristics of professional and service activities, cadets of educational institutions of the Russian Ministry of Internal Affairs, professional psychological training.

Алексеев Дмитрий Евгеньевич

кандидат психологических наук, Московский
университет МВД России имени В.Я. Кикотя
d.alexeev@list.ru

Алиева Дарья Вячеславовна

кандидат психологических наук, доцент, Московский
университет МВД России имени В.Я. Кикотя
dasha_rusik@mail.ru

Алексеева Дарья Владимировна

клинический психолог
d.alexeev@list.ru

Аннотация: Деятельность сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации носит сложный и напряженный характер, что требует от них специфических психологических качеств. Безусловно часть из этих качеств не могут быть сформированы при обучении в гражданских образовательных организациях. Обучение в ведомственных образовательных организациях позволяет погрузить курсантов в будущую профессиональную среду в целях большей их готовности к профессиональной и служебной деятельности. Такое обучение имеет ряд психологических особенностей, которые и рассмотрены в данной статье.

Ключевые слова: психологические особенности профессиональной и служебной деятельности, курсанты образовательных организаций МВД России, профессиональная психологическая подготовка.

Введение

Обучение курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России существенно отличается от такого у студентов гражданских образовательных организаций. Учебную деятельность обучающиеся образовательных организаций МВД России активно сочетают с деятельностью служебной. При этом, если учебная деятельность в большей степени похожа с таковой у студентов гражданских образовательных организаций (лекции, семинары, практические занятия, зачеты, экзамены и т.д.), то служебная деятельность является тем фактором, который в жизни студентов полностью отсутствует. Кроме того, как отмечают ряд исследователей, именно служебная деятельность курсантов связана с переживанием ими различных вариантов «негативных» эмоциональных состояний, таких, как тревога, депрессивные состояния и др. В связи с этим

предполагается целесообразным рассматривать особенности обучения в образовательных организациях МВД России в первую очередь именно через специфику служебной деятельности.

Как отмечают в своих работах И.Б. Лебедев, Л.Н. Костина, А.Ю. Федотов, В.Л. Цветков и др. специфическими чертами служебной деятельности сотрудника органов внутренних дел являются [3; 6; 7]:

— принадлежность к типу профессий «человек – человек» (по Е.А. Климову). В рамках взаимодействия сотрудника органов внутренних дел с различными категориями граждан, которые могут отличаться по полу возрасту, своему правовому положению (потерпевший, свидетель, подозреваемый и т.д.), профессии и т.д. от сотрудника полиции требуется решение ряда правовых проблем, при этом устанавливая с ними психологический

контакт для получения значимой информации, учитывая контекст ситуации и вышеуказанные особенности человека. Безусловно специфика деятельности сотрудников органов внутренних дел накладывает свой отпечаток и на общение сотрудниками со своими коллегами, в рамках обеспечения взаимодействия различных подразделений в целях реализации служебных и профессиональных задач. В деятельности курсантов это в первую очередь пока проявляется в распределении нарядов на службу, согласование деятельности постов и патрулей при охране объектов и т.д.

- правовая регламентация деятельности. Данная особенность не является уникальной для сотрудника органов внутренних дел, однако сама принадлежность к правоохранительной деятельности указывает на повышенное обязательство сотрудников органов внутренних дел руководствоваться требованиями законов, приказов, инструкций и иных нормативных правовых документов. Правовая регламентация деятельности сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации проявляется и в том, что сотрудник органов внутренних дел несет повышенную уголовную ответственность при совершении ряда противоправных деяний в сравнении с гражданскими лицами. То есть, выражаясь юридическим языком, обстоятельство принадлежности к органам внутренних дел зачастую являетсяотячающим. Понимание этого факта активно закладывается сотрудникам органов внутренних дел на этапе их обучения в ведомственных образовательных организациях, что накладывает на них повышенную ответственность, гипербдительность и делает их деятельность сложной и напряженной. Отчисление из образовательных организаций МВД России по причинам аморальных, противоправных и антисоциальных поступков происходит не реже, чем в связи с ученой неуспеваемостью.
- властные полномочия. Сотрудник органов внутренних дел при наличии необходимости и законных на то оснований имеет право, а зачастую обязан вторгаться в частную жизнь граждан, ограничивать права и свободы отдельных граждан, применять силу, специальные средства, а в критических ситуациях и огнестрельное оружие. Возможность реализации таких полномочий требует от сотрудника рациональности и высокой психической устойчивости. Безусловно более безопасным, как для гражданина, так и для сотрудника представляется решение конфликтных ситуаций за счет эмоциональных, волевых и интеллектуальных качеств.
- необходимость вступать в противоборство. Как отмечалось ранее, сотрудник органов внутренних дел при неподчинении законным требованиям со

стороны граждан обязан вступить в вербальное, а иногда и физическое противодействие. Это требует от сотрудника наличие развитой способности к преодолению таких эмоций, как страх и тревога.

- высокие психические и физические нагрузки, а также дефицит времени. Деятельность сотрудника зачастую носит оперативный характер. Задачи, которые им приходится решать часто не требуют отлагательств. Это приводит к ненормированному режиму труда, отказу от отдыха, что в свою очередь может понижать устойчивость сотрудника к воздействию стресс-факторов.
- экстремальность профессиональной и оперативно-служебной деятельности. Таковой деятельностью сотрудника делают такие факторы как опасность для жизни и здоровья, неопределенность, новизна и т.д. Подобный характер деятельности нередко развивает у сотрудника такие особенности, как сверхбдительность, подозрительность, тревожность.
- нестандартность деятельности. Безусловно решение профессиональных задач, связанных с правоохранительной деятельностью нередко связано с тем, что сотруднику полиции требуется мыслить нестандартно, в связи с уникальным рисунком противоправного действия.

В.Л. Васильева, А.В. Дулова, А.Р. Ратионова и др. в своих работах рассматривают профессиональную деятельность сотрудников органов внутренних дел в контексте четырех ее сторон: познавательно-прогностической, коммуникативной, организационно-управленческой и воспитательной [2].

Познавательно-прогностическая деятельность выражается в отборе из окружающей среды информации безусловно профессионально-значимой о лицах, совершивших правонарушение, о состоянии потерпевшего, о способе совершения правонарушения и т.д. То есть о всей той информации, которая дает возможность сформировать ему максимально точное представление о произошедшем событии. Правоохранительная деятельность требует от лица ее осуществляющего, развитие способностей установления фактов, обстоятельств, причинно-следственных связей. Это важно, как для работы по раскрытию правонарушений, так и для работы по их профилактике.

Сущность коммуникативной деятельности сотрудника органов внутренних дел заключается в том, что общение является ключевым инструментом данной деятельности. В этом смысле, что характер коммуникаций при осуществлении правоохранительной деятельности, как отмечалось раньше, зачастую носит напряженный, а нередко и откровенно конфликтный характер. Подобный характер деятельности требует от сотрудника не только развития

навыков и умений бесконфликтного общения, но и способности, справляться с астенизирующими эмоциями.

Организационно-управленческая деятельность заключается в первую очередь в организации сотрудничестве органов внутренних дел своей деятельности, принятии ответственных решений в установленные сроки. Более того, сотрудник органов внутренних дел на месте совершения правонарушения часто выступает координатором деятельности граждан (экспертов, потерпевших, свидетелей и т.д.), а также других сотрудников при наличии соответствующих руководящих полномочий.

Воспитательная деятельность включает правовую пропаганду, профилактические мероприятия, воспитательное воздействие на граждан и коллег. Данная деятельность отражает профессиональную направленность сотрудников, его мотивы, интерес к профессии, положительное эмоциональное отношение к данной профессии.

Как отмечалось ранее, деятельность сотрудников органов внутренних дел является неоднородной, как в плане выполняемых задач, так и в процессе ее осуществления.

В работах А.С. Душкина, М.В. Пряхиной, В.Л. Цветкова рассмотрены различия профессионально-значимых качеств сотрудников органов внутренних дел в зависимости преобладания у них в оперативно-служебной и профессиональной деятельности тех или иных задач [5; 8].

Для осуществления административно-профилактической деятельности данными авторами выделяются следующие профессионально важные качества:

- память на поведение и внешность человека и профессиональная наблюдательность;
- эмоциональная устойчивость (уравновешенность) и умение сохранять работоспособность под воздействием стресс-факторов;
- умение располагать к себе, устанавливать контакты с людьми, учитывать их психическое состояние;
- обладать способностью к определению, оценке и решению возникающих конфликтов и конфликтных ситуаций;
- способность действовать самостоятельно на основе осознанно принятого решения;
- умение отстаивать собственную точку зрения;
- развитые аналитические способности;
- умение воссоздавать образ на основе словесного описания;

Для осуществления оперативно-разыскной деятельности следует рассматривать следующие качества:

- адекватность оценки оперативной информации;
- способность удержания в памяти большого количества фактов;

- способность принимать решение в ситуации дефицита времени, а также информационной неопределенности;
- способность эффективно решать задачи в экстремальных условиях деятельности;
- толерантность к агрессивному воздействию со стороны лиц, имеющих асоциальную или антисоциальную направленность;
- способность к выявлению, предупреждению и оценке конфликтов;
- способность организовывать свою деятельность в условиях напряженной деятельности, в том числе с целью сохранения максимального уровня работоспособности на протяжении всего процесса ее осуществления;
- способность к импровизации и ролевому перевоплощению, в зависимости от выполняемых задач и условий ее выполнения;
- способность скрывать истинные намерения от оппонента.

Для деятельности, связанной с предварительным расследованием и дознанием, данные авторы выделяют следующие профессионально важные качества:

- гибкость мышления, профессиональная наблюдательность, способность к прогнозированию;
- умение оценивать информацию с точки зрения ее значимости для расследования конкретного дела;
- мотивация к достижению;
- развитые навыки общения с различными категориями граждан (потерпевшими, свидетелями, подозреваемыми и др.);
- учитывать культурные, гендерные, индивидуально-психологические особенности партнера по общению, а также его психическое состояние;
- способность к гибкой ролевой перестройке в процессе общения;
- скрупулезность и педантичность при выполнении профессиональных задач;
- способность мыслить самостоятельно, а также принимать самостоятельные решения;
- психическая устойчивость к воздействию профессиональных стресс-факторов;
- способность справляться с негативными эмоциями (гнев, тревога и др.).

Для сотрудников, основной обязанностью которых является обеспечения общественного порядка выделяют следующие основные профессионально важные качества:

- уверенность в себе, настойчивость, низкий уровень личностной тревожности;
- наблюдательность, развитые свойства внимания;
- склонность к осуществлению групповой работы, способность действовать в команде;
- способность оперативно принимать решения;

- способность длительно выдерживать физический и психологический дискомфорт;
- наличие навыков бесконфликтного общения.

Профессиональная деятельность сотрудника органов внутренних дел предполагает длительное выполнение сложных, трудных, а нередко и экстремальных задач. В связи с подобным характером деятельности сотрудник часто подвергается негативными изменениям собственной личности, приводящим к появлению дисфункциональных эмоциональных реакций (дисфункциональные гнев, страх, тревога, депрессивные состояния и др.). Комплексное явление, связанное с данными процессами, принято называть профессиональной деформацией. В процессе обучения в образовательных организациях МВД России курсанты и слушатели должны готовиться к факторам подобной деформации с целью сохранения собственного психического здоровья и работоспособности.

А.В. Буданов, С.П. Безносков, С.Е. Борисов, Марьян М.И. предлагают выделять три группы факторов профессиональной деформации: объективные факторы, субъективные факторы социально-психологического характера; субъективные факторы личностного свойства [4].

Объективные факторы обусловлены спецификой деятельности сотрудника органов внутренних дел. К подобной специфике следует отнести особые властные полномочия и нормативный характер деятельности, временные ограничения при выполнении задач, недостаток позитивных впечатлений, высокий уровень психических и физических нагрузок, высокая ответственность. Кроме того, для деятельности сотрудника органов внутренних дел характерно, что общество особенно бдительно и взыскательно относится к их ошибкам, а к героическим или просто позитивным проявлениям зачастую остается равнодушным. Безусловно существенным является и повышенная ответственность сотрудника перед законом. К объективным факторам профессионального выгорания также следует отнести и негативное воздействие со стороны криминальной среды и коммерческих структур. Профессиональной деформации способствуют и ситуации, в которых сотрудник может испытывать профессиональное бессилие перед складывающейся ситуацией, что нередко обусловлено наличием «пробелов в законодательстве, или фактической невозможностью реализации требований нормативных правовых актов. В силу того, что деятельность сотрудника органов внутренних дел часто носит ненормированный характер, у него могут возникать трудности, связанные с взаимодействием с семьей. Неблагоприятно на сотрудника может воздействовать и изолированность (закрытость) системы органов внутренних дел от гражданского населения.

К субъективным факторам профессиональной дефор-

мации социально-психологического характера относят неадекватный стиль руководства. При этом необходимо отметить, что, говоря о стиле руководства, необходимо учитывать, что не существует объективно плохого или объективного стиля руководства. В зависимости от контекста ситуации, уровня ее сложности или экстремальности, адекватным стилем руководства может выступать и либеральный, и демократический, а также авторитарный стиль. Актуальность авторитарного стиля руководства возрастает и обычно не вызывает негодования со стороны сотрудников в случаях повышения экстремальности деятельности сотрудника органов внутренних дел, например, если деятельность осуществляется в особых условиях. Тогда подобный стиль руководства может приводить к улучшению морально-психологического состояния коллектива сотрудников, психического состояния отдельного сотрудника, снижению тревоги, в связи с тем, что авторитарный руководитель в большей степени склонен брать на себя ответственность за единоличное принятие решений. Однако в повседневной служебной и профессиональной деятельности подобный стиль руководства, наоборот может вызывать у сотрудника раздражение, гнев, тревогу и чувство подавленности. К факторам того же рода следует отнести напряженную обстановку в коллективе сотрудников. Обычно она проявляется в том, что именуется неблагоприятным социально-психологическим климатом, выражающемся в высокой разобщенности коллектива, большом количестве изгоев, несоответствии формальных и социальных ролей в коллективе.

Субъективные факторы личностного свойства довольно разнообразны. Среди них факторы, относящиеся в первую очередь к профессиональным знаниям сотрудника органов внутренних дел, которые ведут к неадекватной оценке своих действий и своего правового статуса. К данной группе факторов также относятся и завышенные личностные ожидания. Несовпадение реальной ситуации с такими ожиданиями приводит к увеличению эмоций агрессивного, депрессивного и тревожного регистров, снижению мотивации к профессиональной деятельности, к формированию представления о ситуации, как о несправедливой по отношению к себе. Факторы искажения ценностно-мотивационной направленности нередко приводят к моральной деформации личности сотрудника, погружает его в обстоятельства, в которых он регулярно обязан испытывать напряжение и тревогу за свое материальное благосостояние, социальный статус, отношение со стороны граждан и коллег. Вместе с тем фактором профессиональной деформации может выступать профессиональный опыт (профессиональный возраст), что обычно происходит тогда, когда деятельность данного сотрудника происходит на одном рабочем месте, отсутствует профессиональное развитие и обучение, а деятельность носит однообразный характер. К субъективным факторам личностного свойства

также следует отнести разочарование в профессии, которое может иметь место уже на этапе обучения в ведомственной образовательной организации, проблемы со здоровьем, вызывающие постоянное состояние тревоги, недовольство результатами собственной профессиональной деятельности.

Как отмечают А.В. Буданов, В.Я. Кикоть, А.М. Столяренко профессиональная деформация сотрудника органов внутренних дел обычно проявляется в следующих признаках [6; 7]:

- в профессионально нравственной сфере отмечается утрата представления в нравственном и гражданском смысле профессиональной деятельности. Это проявляется в циничной позиции сотрудника по отношению к страданию граждан, равнодушному отношению к социальной справедливости и несправедливости, отсутствию интереса к социальным последствиям своей профессиональной деятельности и снижению собственной социальной ответственности;
- в профессионально-интеллектуальной сфере выгорание обычно проявляется в снижении способности самостоятельно мыслить, осуществлять организованное и долговременное планирование, прогнозировать последствия своих действий. Сотрудник становится неспособным к решению нестандартных ситуаций, что приводит к увеличению количества ошибок в своей деятельности. Вместе с тем появляется шаблонность в решении задач, как проявление снижения психологической гибкости.
- в эмоциональной и волевой сферах у сотрудника с профессиональной деформацией личности отмечается притупление чувств, огрубление, нарастание эмоционального напряжения, тревоги, беспокойство. Также теряется способность испытывать эмпатию, нарушается эмоциональный и волевой самоконтроль. Наблюдается усталость, депрессия и неудовлетворенность собой.
- в сфере профессиональных действий профессиональная деформация выражается в появлении жестких и неадекватных стереотипов, которые могут выражаться в уверенности в собственной непогрешимости, появлении обвинительного уклона в отношении граждан. Распространенным проявлением профессиональной деформации у сотрудников органов внутренних дел является перенос своей служебной роли в личную жизнь и в целом во внеслужебные взаимоотношения. Еще одним распространенным вариантом является правовой нигилизм, выражающийся в пренебрежительном или равнодушном отношении к требованиям закона, легкомысленное, пассивное отношение к выполнению своих обязанностей, замена реальной деятельности, направленной на

помощь людям, псевдоактивностью, бюрократическими проволочками или нефункциональным педантизмом. Также признаками профессиональной деформации, проявляющимися в сфере профессиональных действий, авторы считают подозрительность, проявляемая в отношении широкого круга лиц, предпочтение силового способа решения профессиональных задач, появляющаяся на фоне возрастания цинизма корыстно-утилитарная мотивация к службе, укоренение связей с криминальными элементами, появление склонности к «профессиональному предательству».

Однако, как отмечает ряд исследователей, тревога в деятельности сотрудников органов внутренних дел, в целом, и в деятельности курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России, в частности, далеко не всегда связана с процессами личностной деформации или с профессиональным выгоранием. Как отмечает Балугев А.С. тревога в той или иной мере сопровождает многие направления профессиональной подготовки сотрудников [1]. Особенно это характерно для физической, тактико-специальной и огневой подготовки. Нередко в практике огневой подготовки курсантов и слушателей наблюдается такая картина, что в процессе отработки навыков работы с оружием самостоятельно в учебном классе, курсанты выполняют все необходимые действия достаточно эффективно, не выражая в поведении признаков повышения тревоги. Однако, при выходе на огневой рубеж те же курсанты испытывают трудности, которые выражаются в эмоциональных и поведенческих проявлениях тревоги. У них начинают трястись колени, потеть ладонки, снижается концентрация внимания, действия становятся более хаотичными и т.д. Алексеев Д.Е. и Д.В. Деулин, опираясь на закон Йеркса-Додсона установили, что существенным фактором тревоги у курсантов при необходимости выполнения подобных профессиональных действий связано с тем, что мотивация курсантов в таких ситуациях часто превышает средний уровень, что приводит к повышению уровня тревоги, и в результате ухудшению показателей выполнения этих действий.

Заключение

Таким образом, на основе анализа представлений о профессиональной и служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел, сформулированных в работах ряда исследователей, можно сделать следующие выводы об особенностях обучения в образовательных организациях МВД России:

- курсанты и слушатели, обучаясь в образовательных организациях МВД России, совмещают учебную, служебную, а иногда и профессиональную деятельность;
- существенных отличий в учебной деятельности

курсантов и слушателей в образовательных организациях МВД России в сравнении с учебной деятельностью студентов гражданских образовательных организаций высшего образования не отмечается;

- основные отличия между студенческим и курсантским бытом проявляются в связи с наличием у курсантов совмещения служебной и учебной деятельности;
- в связи с этим, уже на этапе обучения в ведомственной образовательной организации, курсанты и слушатели в МВД России сталкиваются с частью тех трудностей, которые могут проявляться в их будущей профессиональной и служебной деятельности;
- среди таких трудностей следует отметить общие для деятельности сотрудников органов внутрен-

них дел особенности деятельности, такие как сложность, напряженность, иногда экстремальность условий деятельности; ненормированность рабочего времени, строгая регламентация деятельности, с соблюдением строгой иерархии подчинения, воздействие факторов профессиональной деформации; частные особенности, детерминированные специальностью подготовки, а значит и предполагаемой профессиональной деятельностью, с преобладанием административной, оперативно-разыскной, экспертной или иной деятельности.

- среди последствий подобной напряженности важное место занимают тревожные состояния, которые оказывают существенное влияние на учебную и служебную деятельность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балуев А.С., Хомяков В.Н. Психологические аспекты, влияющие на результаты при стрельбе из боевого оружия //Наука-2020. – 2021. – №. 2 (47). – С. 10-14.
2. Дулов А.В., Батышев А.С. Психологическое обеспечение учебно-воспитательного процесса в системе образовательных учреждений МВД России //Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2000. – №. 2. – С. 35-45.
3. Лебедев И.Б. Психологические механизмы, стратегии и ресурсы стресс преодолевающего поведения (копинг-поведения) специалистов экстремального профиля (на примере сотрудников МВД России) : дис. – Московская академия МВД России, 2002.
4. Марьин М.И. и др. Профилактика профессиональной деформации личности сотрудника органов внутренних дел. – 2004.
5. Пряхина, М.В. Профессиографическое описание основных видов деятельности в системе МВД России: Учебно-методическое пособие / М.В. Пряхина, А.С. Душкин. – Москва: Департамент государственной службы и кадров МВД России, 2013. – 112 с.
6. Психология в деятельности сотрудников органов внутренних дел: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлениям подготовки «Правовое обеспечение национальной безопасности» и «Правоохранительная деятельность» / И.А. Калиниченко, В.Л. Цветков, Л.Н. Костина [и др.]. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «Юнити-Дана», 2019. – 207 с.
7. Психология оперативно-розыскной деятельности / И.И. Аминов, Д.А. Иванов, Л.Н. Костина [и др.]. – 3-е издание, переработанное и дополненное. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «Юнити-Дана», 2023. – 392 с. – ISBN 978-5-238-03631-1. – EDN NDDUVY.
8. Цветков, В.Л. Психология профессионального общения / В.Л. Цветков, В.А. Юренкова. – Москва: Редакционно-издательское объединение «Новая юстиция», 2021. – 242 с.

© Алексеев Дмитрий Евгеньевич (d.alexeev@list.ru), Алиева Дарья Вячеславовна (dasha_rusik@mail.ru), Алексеева Дарья Владимировна (d.alexeev@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КРИТЕРИИ И ПОКАЗАТЕЛИ ОЦЕНКИ ГОТОВНОСТИ СТУДЕНТОВ-ДЕФЕКТОЛОГОВ К САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ

CRITERIA AND INDICATORS FOR ASSESSING THE READINESS OF DEFECTOLOGY STUDENTS FOR INDEPENDENT WORK: THEORETICAL JUSTIFICATION

L. Belova
A. Danilova
A. Ustyantseva

Summary: The article provides a fundamental theoretical justification for the criteria and indicators for assessing the readiness of defectology students for independent professional activity in the conditions of modern inclusive and special education. The authors analyze the cause-and-effect relationships between the components of professional training, relying on current domestic and foreign studies from 2021-2026. The motivational-value, cognitive, operational-activity, personal-psychological, and reflexive criteria are identified, with specific indicators determined for each. Particular attention is paid to the integration of psychological aspects (sensory-motor reactions, emotional intelligence, temperament) with theoretical knowledge and practical skills. The proposed assessment model is of an applied nature and is aimed at optimizing the content of higher defectological education, contributing to the formation of specialists capable of independently solving complex tasks of psychological and pedagogical support for children with disabilities. The conclusions emphasize the need for a humanistic approach focused on individual trajectories of student development.

Keywords: readiness criteria, assessment indicators, defectology students, defectological education, psychological and pedagogical support, inclusive education, emotional intelligence.

Белова Лариса Андреевна

старший преподаватель, Югорский государственный университет, (г. Ханты-Мансийск)
l_belova@ugrasu.ru

Данилова Анастасия Дмитриевна

старший преподаватель, Югорский государственный университет, (г. Ханты-Мансийск)
adustyanseva@mail.ru

Устьянцева Анна Дмитриевна

старший преподаватель, Югорский государственный университет, (г. Ханты-Мансийск)
an_ustyanseva@ugrasu.ru

Аннотация: В статье проводится фундаментальное теоретическое обоснование критериев и показателей оценки готовности студентов-дефектологов к самостоятельной профессиональной деятельности в условиях современного инклюзивного и специального образования. Авторы анализируют причинно-следственные связи между компонентами профессиональной подготовки, опираясь на актуальные отечественные и зарубежные исследования 2021-2026 годов. Выделяются мотивационно-ценностный, когнитивный, операционально-деятельностный, личностно-психологический и рефлексивный критерии, для каждого из которых определяются конкретные показатели. Особое внимание уделяется интеграции психологических аспектов (сенсорно-моторные реакции, эмоциональный интеллект, темперамент) с теоретическими знаниями и практическими умениями. Предлагаемая модель оценки носит прикладной характер и направлена на оптимизацию содержания высшего дефектологического образования, способствуя формированию специалистов, способных самостоятельно решать сложные задачи психолого-педагогического сопровождения детей с ограниченными возможностями здоровья. Полученные выводы подчеркивают необходимость гуманистического подхода, ориентированного на индивидуальные траектории развития студентов.

Ключевые слова: критерии готовности, показатели оценки, студенты-дефектологи, дефектологическое образование, психолого-педагогическое сопровождение, инклюзивное образование, эмоциональный интеллект.

Введение

В современном образовательном пространстве, где процессы инклюзии и ранней комплексной помощи детям с ограниченными возможностями здоровья приобретают все большую глубину и системность, вопрос подготовки студентов-дефектологов к самостоятельной профессиональной деятельности выходит на передний план как одна из ключевых научных и практических задач. Мы, как исследователи, давно наблюдаем, как между динамично меняющимися требованиями образовательной практики и реаль-

ным уровнем готовности выпускников педагогических вузов сохраняется заметный разрыв. С одной стороны, концептуальные документы, определяющие развитие образования до 2030 года, акцентируют внимание на необходимости формирования устойчивых компетенций в сфере психолого-педагогического сопровождения, индивидуализации образовательных маршрутов и профилактики вторичных нарушений развития [1]. С другой стороны, многие молодые специалисты при переходе к автономной работе сталкиваются с трудностями в принятии самостоятельных решений, что проявляется в неуверенности при проведении диагно-

стики, проектировании коррекционных программ, выстраивании партнерских отношений с семьями и оперативной адаптации к непредсказуемым проявлениям дизонтогенеза у детей.

Размышляя над этими реалиями, мы пришли к убеждению, что теоретическое обоснование критериев и показателей оценки готовности должно стать не просто систематизацией известных подходов, а глубоким анализом причинно-следственных связей, лежащих в основе формирования профессиональной компетентности. Именно поэтому в центре нашего внимания оказалась разработка целостной модели, где каждый компонент готовности проистекает из предыдущего, образуя единую динамическую систему. Такой подход позволяет преодолеть фрагментарность существующей подготовки и обеспечить переход от репродуктивного усвоения знаний к осознанному, гуманистически ориентированному профессиональному становлению. Цель настоящей работы состоит в теоретическом обосновании критериев и показателей оценки готовности студентов-дефектологов к самостоятельной работе с акцентом на оригинальную научную новизну — предложении causal-интегративной модели готовности, учитывающей онтогенетическую пластичность личности будущего специалиста и синергетические эффекты взаимодействия ее подсистем.

Материалы и методы решения задачи

Для достижения поставленной цели нами был проведен всесторонний теоретический анализ научных источников, опубликованных в период с 2021 по 2026 год, включая как отечественные, так и зарубежные исследования по проблемам профессиональной готовности педагогов специального образования. Методологическую основу составили системный, деятельностный, гуманистический и причинно-следственный подходы, позволившие рассматривать готовность как многоуровневый, динамический феномен, где мотивационные процессы закономерно обуславливают когнитивную вовлеченность, которая, в свою очередь, определяет операциональную эффективность, подкрепляемую психологической устойчивостью и завершаемую рефлексивной саморегуляцией.

Мы активно применяли методы сравнительно-сопоставительного анализа, синтеза научных данных, моделирования структурных компонентов и построения причинно-следственных цепочек. Особое место занял анализ эмпирических материалов из исследований мотивационной и деятельностной готовности студентов к работе с детьми раннего возраста с ОВЗ [1], а также психологических аспектов операторской деятельности, включая комплексную зрительно-моторную реакцию, эмоциональный интеллект и особенности темперамен-

та. Это позволило не только выявить ключевые связи, но и предложить новые смыслы: например, понимание готовности как emergentного свойства, возникающего в результате взаимодействия личностных ресурсов студента в контексте профессионального онтогенеза. Такой нарратив подчеркивает гуманистическую сущность процесса — развитие не как механическое накопление навыков, а как раскрытие индивидуального потенциала будущего дефектолога в служении другому человеку.

Результаты

В ходе проведенного анализа мы пришли к обоснованию пяти взаимосвязанных критериев готовности, каждый из которых обладает четкой системой показателей и внутренними причинно-следственными отношениями. Эта модель представляет собой оригинальный вклад, поскольку раскрывает готовность не как статичный набор характеристик, а как процессуальную целостность, где один элемент неизбежно порождает следующий.

Базовым выступает мотивационно-ценностный критерий, коренящийся в глубоком осознании социальной и гуманистической значимости профессии дефектолога. Он проистекает из внутренней потребности в оказании помощи, ценностного отношения к инклюзии и эмпатической направленности личности. Показателями здесь служат уровень внутренней мотивации (измеряемый через индекс профессиональной готовности, аналогичный PRI [1]), стремление к непрерывному саморазвитию, устойчивость ценностных ориентаций на гуманизацию образовательного процесса и способность к эмоциональному сопереживанию как основе профессиональной идентичности. Без сильной мотивации, как показывают причинно-следственные связи, когнитивные усилия студента остаются поверхностными, а практическая деятельность — формальной, что в конечном итоге приводит к профессиональному выгоранию на ранних этапах самостоятельной работы.

Прямо из мотивационно-ценностного основания вытекает когнитивный (теоретический) критерий, предполагающий не просто владение знаниями, а их глубокое осмысление в контексте современной дефектологической парадигмы. Здесь ключевыми показателями становятся глубина понимания механизмов дизонтогенеза, нозологических особенностей нарушений, нормативно-правовых основ специального образования, а также способность к аналитическому синтезу научных данных для прогнозирования траекторий развития ребенка. Мы подчеркиваем новизну подхода: когнитивная готовность рассматривается нами как мост между ценностной сферой и практикой, обеспечивающий осознанный выбор стратегий сопровождения в условиях высокой вари-

ативности проявлений ОВЗ.

Далее логично следует операционально-деятельностный критерий, напрямую зависящий от теоретической базы и проявляющийся в умении самостоятельно проектировать индивидуальные образовательные и коррекционные программы, проводить комплексную диагностику, реализовывать вариативные формы психолого-педагогического взаимодействия и адаптировать предметно-развивающую среду. Показатели включают эффективность подбора методов и приемов коррекции, скорость и точность принятия решений в нестандартных ситуациях, а также способность к гибкой перестройке деятельности с учетом обратной связи от ребенка и семьи. Этот критерий, как мы видим из анализа [2], особенно критичен для самостоятельной работы, поскольку именно здесь теоретические знания трансформируются в реальные действия, предотвращающие вторичные отклонения в развитии.

Особое место в предлагаемой модели занимает личностно-психологический критерий, интегрирующий психологические ресурсы специалиста как необходимое условие устойчивости всей системы. Опираясь на данные о сенсорно-моторных реакциях, эмоциональном интеллекте и темпераментальных особенностях, мы выделяем показатели высокого уровня операторской безошибочности, развитой эмоциональной регуляции, эмпатической чувствительности и волевой устойчивости. Три типа психологической готовности (высокий, средний и низкий по операторской деятельности и эмпатии) позволяют не только диагностировать, но и прогнозировать успешность самостоятельной практики. Новизна здесь заключается в понимании этого критерия как гуманистического ядра: специалист-дефектолог — это не только профессионал, но и носитель эмоциональной зрелости, способный создавать пространство доверия и безопасности для ребенка с ОВЗ.

Наконец, рефлексивный критерий завершает структуру, обеспечивая непрерывную самокоррекцию и профессиональный рост. Показателями выступают способность к глубокому анализу собственной деятельности, оценке промежуточных результатов, корректировке методов на основе рефлексивной обратной связи и планированию индивидуальной траектории саморазвития. Рефлексия, по нашим наблюдениям, замыкает причинно-следственную цепь, превращая накопленный опыт в осознанную компетентность и предотвращая стагнацию профессионального развития.

Предлагаемая causal-интегративная модель обладает выраженным прикладным потенциалом и может быть реализована через диагностические комплексы на разных этапах обучения.

Обсуждение полученных результатов

Полученные результаты гармонично соотносятся с данными актуальных исследований, одновременно внося элементы оригинальной новизны. Так, работы по изучению профессиональной готовности студентов педагогических вузов [1] убедительно демонстрируют преобладание мотивационной компоненты над деятельностной, что полностью подтверждает логику нашей модели. Однако мы продвигаемся дальше, интегрируя психологические показатели и раскрывая синергетические эффекты, объясняющие, почему даже при высоких значениях индекса готовности практическая компонента часто остается недостаточной.

Сопоставление с исследованиями формирования готовности к работе с детьми со сложными нарушениями [2] показывает, что наши критерии расширяют понимание, вводя рефлексивный аспект как ключевой механизм перехода к самостоятельности. Зарубежные данные о самоэффективности педагогов в инклюзивном контексте [3, 6] подчеркивают роль личностно-психологического компонента, особенно эмоционального интеллекта, в предотвращении профессиональных барьеров. Мы добавляем новый нарратив: готовность как процесс онтогенетического становления, где гуманистические ценности выступают катализатором всех причинно-следственных связей.

Обсуждая ограничения, мы отмечаем преимущественно теоретический характер исследования и видим перспективы в его эмпирической верификации на базе педагогических вузов.

Заключение

Проведенное теоретическое обоснование позволяет с уверенностью утверждать, что оценка готовности студентов-дефектологов к самостоятельной работе требует комплексной системы критериев и показателей, глубоко учитывающей фундаментальные и прикладные аспекты профессионального становления. Мы рекомендуем внедрять causal-интегративную модель в учебные планы через специализированные модули, рефлексивные практикумы и мониторинг индивидуальных траекторий. Такой подход будет способствовать подготовке специалистов, способных не только эффективно выполнять профессиональные задачи, но и гуманно, с глубоким пониманием человеческой природы, поддерживать развитие каждого ребенка с ОВЗ. Таким образом, наша работа вносит вклад в развитие теории и практики дефектологического образования, подчеркивая, что истинная готовность — это гармоничное единство личности, ориентированной на служение и непрерывное самосовершенствование.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дружинина Л.А., Осипова Л.Б., Цилицкий В.С., Лапшина Л.М. Профессиональная готовность студентов педагогического вуза к реализации психолого-педагогического сопровождения детей раннего возраста с ограниченными возможностями здоровья // Перспективы науки и образования. 2024. № 1 (67). С. 420-440.
2. Кабушко А.Ю. Формирование готовности студентов-дефектологов к работе с детьми со сложными нарушениями в развитии // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2021.
3. Sapiets S., Totsika V., Hastings R. Factors influencing access to early intervention for families of children with developmental disabilities: A narrative review // Journal of Applied Research in Intellectual Disabilities. 2021. Vol. 34. Issue 3.
4. Tollan K., Jezrawi R., Underwood K., Janus M. A Review on Early Intervention Systems // Current Developmental Disorders Reports. 2023. Vol. 10. Issue 2.
5. Айвазян Е.Б. Культурно-исторический подход к исследованию психического развития слепых детей раннего возраста: дис. . . . д-ра психол. наук. М., 2023.
6. Smith F., Perera S., Marella M. The Journey to Early Identification and Intervention for Children with Disability in Fiji // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2023. Vol. 20.
7. Кантор В.З. и др. Инклюзивные профессиональные компетенции: оценочная парадигма педагогического сообщества // Клиническая и специальная психология. 2021. Т. 10. № 3.
8. Fernandes P.R.D.S., Lopes M.C.D.S., Jardim J. The soft skills of special education teachers: evidence from the literature // Education Sciences. 2021. Vol. 11. Issue 3.
9. Галкина В.А. Оценка готовности к профессиональному саморазвитию обучающихся по направлению специальное (дефектологическое) образование // Специальное (дефектологическое) образование. 2023.
10. Артемова Е.Э., Тишина Е.В. Анализ результатов самооценки готовности к решению профессиональных задач студентами-дефектологами // Психолого-педагогические исследования. 2025.

© Белова Лариса Андреевна (l_belova@ugrasu.ru), Данилова Анастасия Дмитриевна (adustyanceva@mail.ru),
Устьянцева Анна Дмитриевна (an_ustyanceva@ugrasu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕХАНИЗМЫ МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКОЙ ПЕРЕДАЧИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАВМЫ ПРИ ЭМОЦИОНАЛЬНОМ НАСИЛИИ В СЕМЕЙНОЙ СИСТЕМЕ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

MECHANISMS OF INTERGENERATIONAL TRANSMISSION OF PSYCHOLOGICAL TRAUMA IN EMOTIONAL ABUSE IN THE FAMILY SYSTEM: A PSYCHOLOGICAL ANALYSIS

T. Belova

Summary: Relevance. This empirical study aims to identify the psychological mechanisms of intergenerational transmission of traumatic experiences in the context of emotional abuse within the family system. Purpose of the Study. To study the mechanisms of intergenerational transmission of psychological trauma in the context of emotional abuse within the family system. Research Objectives: to present theoretical information on the development of psychological trauma, to collect information using a questionnaire and a set of diagnostic methods, to present the research results and the relationships between the indicators. An extended questionnaire, administered via the Google Forms online platform, served as the methodological basis. This format ensures high convenience for respondents, expands the geographic coverage, and guarantees the anonymity of the information provided. The obtained correlational results clarify and empirically confirm previously identified patterns, demonstrating a holistic system of linear relationships between symptomatic, personality, and resource indicators in the study participants. The identified correlation structure creates a reliable empirical basis for subsequent interpretation of the mechanisms of intergenerational transmission of psychological trauma and supports a multi-level, integrative approach to analyzing this phenomenon. Overall, the obtained correlation results clarify and empirically confirm previously identified patterns, demonstrating a holistic system of linear relationships between symptomatic, personality, and resource indicators in the subjects.

Keywords: mechanism, emotion, violence, family, questionnaire, survey.

Белова Татьяна Григорьевна,

Аспирант, Онлайн Институт Смарт;
Master degree FMT, California Southern University
bialovat@gmail.com

Аннотация: Актуальность. Эмпирическое исследование направлено на выявление психологических механизмов межпоколенческой передачи травматического опыта в условиях эмоционального насилия в семейной системе. Цель исследования: изучение механизмов межпоколенческой передачи психологической травмы при эмоциональном насилии в семейной системе. Задачи исследования: представление теоретических сведений по проблеме формирования психологической травмы, осуществление сбора информации при помощи метода анкетирования и комплекса диагностических методик, представление результатов исследования и взаимосвязей между показателями. В качестве методологической основы был избран расширенный анкетный опрос, реализованный посредством онлайн-платформы Google Forms. Такой формат обеспечивает высокую степень удобства заполнения для респондентов, расширяет географию охвата и гарантирует анонимность предоставляемой информации. полученные корреляционные результаты уточняют и эмпирически подтверждают выявленные ранее закономерности, демонстрируя целостную систему линейных взаимосвязей между симптоматическими, личностными и ресурсными показателями у исследуемых. Выявленная структура корреляций создаёт надёжную эмпирическую основу для последующей интерпретации механизмов межпоколенной передачи психологической травмы и служит аргументом в пользу многоуровневого, интегративного подхода к анализу данного феномена. В целом полученные корреляционные результаты уточняют и эмпирически подтверждают выявленные ранее закономерности, демонстрируя целостную систему линейных взаимосвязей между симптоматическими, личностными и ресурсными показателями у исследуемых.

Ключевые слова: механизм, эмоция, насилие, семья, анкета, опрос.

Введение

Фундамент для осмысления травматического опыта как источника психопатологических проявлений был заложен традиционными теоретическими концепциями. Первые системные взгляды на травматическую природу невротических расстройств возникли именно в психоаналитической традиции на стыке XIX–XX в. З. Фрейд стал одним из первооткрывателей в установлении взаимосвязи между пережитыми травмирующими событиями и психическими нарушениями. В своём труде

1896 года «Этиология истерии» он представил концепцию, получившую название «теория соблазнения», ключевая идея которой заключалась в том, что истерическая симптоматика формируется на основе подавленных памятных следов о действительных случаях сексуального насилия, пережитых в детские годы [1].

Ключевыми факторами, определяющими развитие травматических реакций, признаны такие явления, как нарушенные паттерны привязанности, утрата фундаментального ощущения безопасности, эмоциональная

нестабильность в отношениях и деструктивные родительские модели поведения [2].

В исследовательских работах понятие психологического (эмоционального) насилия трактуется как регулярное разрушительное влияние на психику человека со стороны другого лица, результатом которого становится дестабилизация душевного равновесия пострадавшего и ухудшение его ментального благополучия [3, 4, 5].

Среди типичных проявлений психологического насилия в семейных отношениях выделяются словесные оскорбления, систематические унижения, угрозы, запугивание, изоляция от социальных связей, а также поведенческий и эмоциональный контроль, направленный на манипулирование жертвой [6].

Такие формы деструктивного взаимодействия могут включать постоянную критику, обесценивание партнёра, насмешки, использование уничижительных прозвищ, игнорирование или отказ от признания эмоциональных потребностей другого [7].

Вербальные и символические проявления со стороны родителей или лиц, осуществляющих уход, классифицируются в DSM-5 как психологическое насилие над несовершеннолетним, если они способны причинить значительный ущерб его эмоциональному и психическому становлению. Такие методы воздействия направлены на установление и удержание власти агрессором внутри семьи через создание у жертвы ощущений собственной незначительности, страха, неспособности к самостоятельным действиям и полной подчинённости [8].

Ключевым признаком, отличающим психологическое насилие от отдельных вспышек агрессивного поведения, выступает продолжительность и регулярность подобного воздействия. Отдельные случаи конфликтов, проявления резкости или вспыльчивости не рассматриваются в качестве насилия, поскольку не создают постоянной среды эмоционального угнетения и не оказывают влияния на психологическое состояние домочадцев на протяжении значительного временного периода [9].

Дж. Туччи и А. Томисон акцентируют внимание на том, что для психологического насилия типично присутствие стабильной модели поведения, которая воспроизводится многократно и формирует в рамках семейных отношений перманентную обстановку запугивания, психологического дискомфорта и оскорбления достоинства [10].

Материалы и методы исследования

Данное исследование фокусируется на изучении того, каким образом травматичный опыт передается от одного поколения к другому через механизмы пси-

хологического воздействия, особенно когда речь идет об эмоциональном насилии внутри семьи. Для сбора информации использовался метод анкетирования в электронном формате через платформу Google Forms. Исследование включало 200 участников, отобранных посредством стратифицированной целевой выборки, где критериями служили пол и возраст, что гарантировало возможность аналитического сравнения результатов и представительность группы. Применение анонимного интернет-опроса оказалось оправданным методом сбора достоверной информации о пережитом насилии и его влиянии на психологическое состояние [11].

Распределение по возрастным категориям следующее: молодые люди от 18 до 25 лет представили 34% выборки (68 респондентов), наиболее представительной оказалась группа среднего возраста 26-45 лет - 36% (72 респондента), а старшая возрастная когорта от 46 лет и старше охватила 30% участников (60 респондентов). Подобное возрастное распределение создало возможность для сравнительного анализа межпоколенческих различий в восприятии и переработке травматического опыта, включая изучение способов передачи такого опыта в рамках семейных отношений. Женщин в исследовании участвовало 60% от общего количества (120 человек), мужчин участвовало 40% (80 человек).

Объем выборки, включающий 200 участников, обеспечивает достаточную статистическую мощность для проведения надежных межгрупповых сравнений и факторного анализа, что в свою очередь повышает достоверность и обобщаемость результатов эмпирического исследования.

Для сбора эмпирических данных в исследовании используется комплекс стандартизированных психодиагностических методик, дополненный авторской анкетой с открытыми вопросами, направленной на углублённое качественное изучение субъективного опыта респондентов.

Так, опросник детской травмы – сокращённая форма (Childhood Trauma Questionnaire-Short Form, CTQ-SF) применяется для ретроспективной оценки негативного опыта, связанного с насилием и пренебрежением в детском возрасте.

В качестве одного из валидных инструментов психодиагностики в исследовании использована шкала переживаний в близких отношениях, то есть структура отношений (Experience in Close Relationships – Relationship Structures, ECR-RS), разработанная на основе теории привязанности для оценки индивидуальных различий в паттернах межличностных отношений. Особенности воспринимаемой семейной обстановки оценивались с помощью опросника «Шкала семейного окружения», разработанного Р.Х. Моозом и Б.С. Мооз (Moos R.H., 1974;

Moos R.H. & Moos B.S., 1994) и адаптированного для русскоязычной выборки.

Шкала устойчивости Коннор-Дэвидсона (Connor-Davidson Resilience Scale, CD-RISC-25) применялась нами в клинической практике для измерения способности справляться со стрессом. Такая способность может быть важной целью лечения при тревоге, депрессии и стрессовых реакциях. Шкала демонстрирует, что устойчивость к внешним воздействиям поддается изменению и может улучшаться при лечении.

Результаты исследования

Для проведения анализа была сформирована выборка из 200 респондентов. Оценка травматического опыта осуществлялась посредством специального инструментария - полшкалы, интегрированной в сокращённый вариант опросника CTQ SF, которая фокусируется на диагностике эмоционального насилия. Методический инструмент содержит 5 пунктов, каждый из которых предполагает оценку по пятибалльной шкале, что позволяет получить суммарный балл от 5 до 25. На основании критериального показателя участники были дифференцированы на два кластера. Респонденты, достигшие порога в 13 баллов и выше, вошли в экспериментальную выборку ЭН - это лица, столкнувшиеся с эмоциональным насилием средней либо значительной интенсивности. Остальные участники с результатами ниже установленной границы образовали контрольную группу, представляющую индивидов без подобного травматического опыта. Ниже приводится статистическая обработка собранной информации и её детальная интерпретация.

При анализе данных по шкале «Эмоциональное насилие» (пороговое значение - 13 баллов) были получены следующие результаты. В экспериментальную группу с высокими показателями ЭН вошли 60 человек, что составило 30% от всех участников. Остальные 140 респондентов (70%) показали значения ниже критического уровня и сформировали контрольную группу (см. таблицу 1).

Результаты исследования показали заметные различия в уровнях психологической травматизации между контрольной и экспериментальной группами. Средний

показатель по всей выборке (N = 200) составил 11,72 при стандартном отклонении 4,65. В то же время участники, которые в детстве столкнулись с эмоциональным насилием (n = 60), набрали в среднем 16,84 балла по методике CTQ SF, при этом разброс значений был относительно небольшим (SD = 2,21). Такие данные свидетельствуют о стабильно высокой интенсивности детской психологической травмы в данной подгруппе.

В контрольной выборке из 140 участников обнаружены более низкие показатели: средний балл равнялся 9,35 со стандартным отклонением 2,89. Статистическая обработка данных выявила достоверные расхождения между основной и контрольной выборками относительно показателей эмоционального насилия, зафиксированных посредством сокращённого варианта методики оценки детских травматических переживаний. Полученное распределение показателей свидетельствует о том, что у большинства обследованных отмечается умеренная степень психологической травматизации.

Примененная методика категоризации участников исследования подтверждается полученными статистическими результатами. У представителей данной группы не обнаруживаются значимых с клинической точки зрения маркеров эмоционального насилия, перенесенного в детские годы, что отражается в представленных числовых показателях. Такая дифференциация испытуемых открывает возможности для детального компаративного анализа сформированных подгрупп с целью выявления психологических механизмов передачи травматического опыта от одного поколения к другому.

Для проведения анализа использовалась шкала FES (Family Environment Scale) - специфический диагностический метод, целью которого является выявление индивидуального восприятия каждым участником семьи ключевых характеристик внутрисемейных отношений. Методика позволяет получить количественные показатели по таким критериям, как степень сплоченности семейной группы, присутствие эмоциональной поддержки между её членами, выраженность противоречий и столкновений, организованность бытового порядка, а также общий психологический климат в семье. Когда итоговые баллы по данной шкале оказываются повы-

Таблица 1.

Описательные характеристики по подшкале «Эмоциональное насилие» (CTQ SF).

Показатель	Общая выборка (N=200)	Группа с опытом ЭН (n=60)	Контрольная группа (n=140)
Среднее значение (M)	11,72	16,84	9,35
Стандартное отклонение (SD)	4,65	2,21	2,89
Минимальное значение	5	13	5
Максимальное значение	25	25	12
Пороговое значение (клиническое)	≥13	≥13	<13

шенными, это рассматривается как индикатор благополучной семейной системы, характеризующейся эмоциональной поддержкой и психологической безопасностью для её участников. Результаты сопоставления характеристик функционирования семьи между участниками исследования, пережившими психологическое насилие в детские годы, и теми, кто не сталкивался с подобными ситуациями, а также основные статистические данные по этим группам отражены в таблице 2 (таблица 2).

Анализ полученных данных выявил выраженные и статистически значимые различия между исследуемыми группами. В группе с опытом эмоционального насилия среднее значение суммарного показателя семейной среды составило $M = 46,89$ при стандартном отклонении $SD = 11,61$, тогда как в контрольной группе данный показатель был существенно выше и составил $M = 66,31$ при $SD = 9,59$. Проведённый t критерий Стьюдента подтвердил статистическую значимость выявленных различий ($t = -13,53$; $p < 0,001$).

Участники исследования, которые в детстве сталкивались с психологическим насилием, в целом описывают свою семью как неблагополучную. По их словам, им не хватало тепла, поддержки, чувства безопасности и принятия со стороны родителей.

В таблице 3 представлены результаты сравнения уровня резилентности у двух групп: у тех, кто переживал эмоциональное насилие, и у тех, у кого такого опыта не было.

У респондентов с опытом эмоционального насилия средний уровень резилентности составил $M = 20,55$, что близко к нижней границе шкалы. Такие значения говорят о том, что этим участникам сложнее адаптироваться к трудным ситуациям, им не всегда хватает навыков самоконтроля и устойчивости к стрессу.

Участники без подобного опыта показали более высокий результат - $M = 28,22$. Это указывает на то, что они

лучше справляются со стрессом и в целом более устойчивы к жизненным трудностям.

Сравнение данных (таблица 3) показывает заметную разницу между группами. Статистический анализ с использованием t -критерия Стьюдента подтвердил, что эта разница значима ($p < 0,001$; $t = -9,90$).

Для изучения взаимосвязей между показателями использовался коэффициент корреляции Пирсона. Он позволил определить, насколько сильно и в каком направлении связаны между собой различные психологические характеристики участников.

Для удобства восприятия результаты представили в виде цветовой схемы: яркие красные оттенки показывают сильную прямую связь, синие - обратную, а слабые связи обозначены светлыми, почти белыми цветами (рисунок 1).

Заключение

В целом можно сказать, что люди, которые пережили эмоциональное насилие, хуже справляются со стрессом и менее устойчивы к трудностям по сравнению с теми, у кого такого опыта не было. Это объясняется несколькими взаимосвязанными причинами. В детском возрасте такие индивиды испытывали недостаток поддерживающих отношений со значимыми взрослыми, что негативно повлияло на формирование здоровых эмоциональных связей. Постоянное чувство угрозы и повышенная тревожность становились их обыденным состоянием. Подобные обстоятельства не позволяли сформироваться эффективным навыкам управления собственными переживаниями и уверенности в личных возможностях. Следствием становится то, что во взрослой жизни такие люди плохо справляются со стрессовыми нагрузками и часто страдают от заболеваний психосоматического характера. Адаптационные возможности человека существенно ослабевают, а подверженность негативным факторам окружающей действительности возрастает под

Таблица 2.

Показатели семейного функционирования по шкале FES у респондентов с опытом эмоционального насилия и без него.

Группа	M	SD	Min	Max	t-критерий Стьюдента	p-значение
С опытом ЭН	46,89	11,61	15,91	75,32	t = -13,53	p < 0,001
Без опыта ЭН	66,31	9,59	36,51	86,42		

Таблица 3.

Уровень резилентности по шкале CD-RISC-10 в исследуемых.

Группа	M	SD	Min	Max	t-критерий	p-значение
С опытом ЭН	20,55	6,51	2,62	34,64	-9,90	p < 0,001
Без опыта ЭН	28,22	4,84	17,24	40,00		

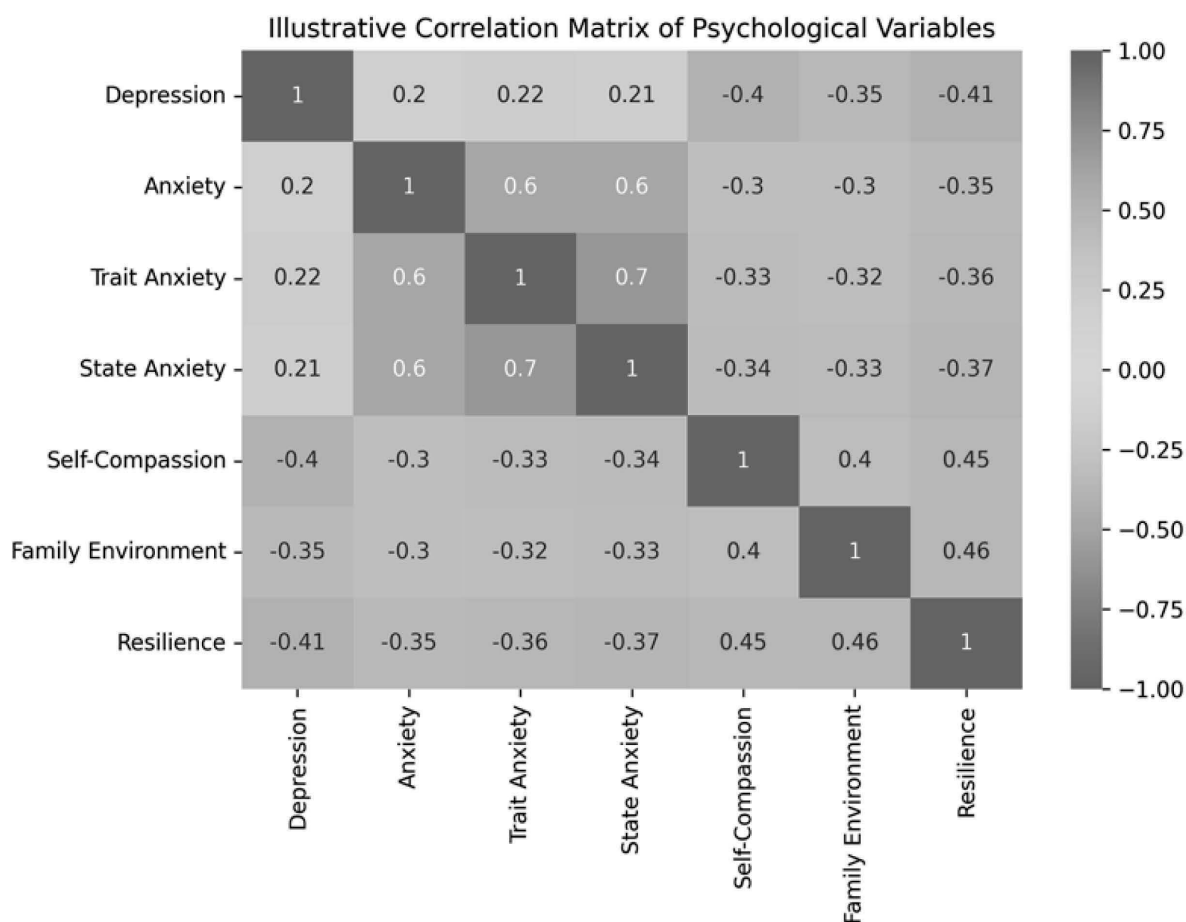

Рис. 1. Визуальное представление взаимосвязей между показателями: тёплые цвета отражают прямую зависимость, холодные - обратную

воздействием пережитого психологического насилия, последствия которого сохраняются длительное время и подрывают эмоциональную стабильность индивида – к такому выводу позволяют прийти данные исследования.

Проведённый корреляционный анализ на полной выборке из 200 испытуемых позволил выявить устойчивую систему линейных взаимосвязей между ключевыми показателями эмоционального функционирования, особенностями привязанности, защитными механизмами личности и ресурсными психологическими факторами. Обнаруженная взаимосвязь подтверждает то, что дав-

но известно практикующим психологам и консультантам. Тревожные состояния и депрессивные проявления часто сосуществуют у одного человека. Исследование выявило стабильные линейные зависимости между изучаемыми психологическими характеристиками. Когда человек испытывает физиологическое перенапряжение и чувство надвигающейся угрозы одновременно с опустошением эмоциональной сферы, негативными паттернами восприятия и переживанием беспомощности, это указывает на параллельное развитие тревожно-депрессивной симптоматики, что и отразилось в полученных данных корреляционного анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bulut, S. Freud's Approach to Trauma [Электронный ресурс] / Sefa Bulut // Progress in Psychology and Psychological Research. – 2021. – Vol. 4, Issue 1. – Режим доступу: <https://crimsonpublishers.com/pprs/pdf/PPRS.000554.pdf>
2. Yehuda, R. et al. Holocaust Exposure Induced Intergenerational Effects on FKBP5 Methylation // Biol Psychiatry. – 2016. – №80(5). – P. 372–380. doi: 10.1016/j.biopsych.2015.08.005
3. Hoffman, P. Psychological abuse of women by spouses and live-in lovers // Women and Therapy. – 1984. – № 3. – P. 37–49
4. Loring, M.T. Emotional abuse. – New York: Lexington, 1994; 14. Marshall L.L. Physical and psychological abuse. In: Cupach W.R., Spitzberg B.H. (Eds.) The dark side of interpersonal communication. – Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1994.

5. NiCarthy G. Getting free: A handbook for women in abusive relationships. – Seattle, WA: Seal Press, 1986.
6. Фурманов И. А., Дмитриева Д. Я. Взаимосвязь психологического насилия и эмоционального состояния супругов в семье // Белорусский психологический журнал. – 2005. – № 1 (5). – С. 33–40.
7. Бондаренко, О. С. Психологічне насильство як форма домашнього насильства // Правові горизонти. – 2019. – Вип. 16 (29). – С. 12–17. - DOI: 10.36695/2219-5521.2.2023.21
8. American Psychiatric Association. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders, Fifth Edition – Text Revision (DSM-5-TR). Arlington, VA: American Psychiatric Association Publishing, 2022.
9. Резнік, І.С. Домашнє насильство як прояв психологічного насильства // Психологічні та педагогічні проблеми професійної освіти та патріотичного виховання персоналу системи МВС України. Харків, 2020. – С. 330–333.
10. Tomison A. M., Tucci J. Emotional Abuse: The Hidden Form of Maltreatment. NCJ No. 195020. – 1997. – 36 pp.
11. Murdoch M., Simon A.B., Polusny M.A., Bangerter A.K., Grill J.P., Noorbaloochi S., Partin M.R. Impact of different privacy conditions and incentives on survey response rate, participant representativeness, and disclosure of sensitive information: a randomized controlled trial // BMC Medical Research Methodology. – 2014. – Vol. 14. – Art. 90. – DOI: 10.1186/1471-2288-14-90.

© Белова Татьяна Григорьевна (bialovat@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНТЕГРАЦИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В МЕДИЦИНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВОСПРИЯТИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И ВРАЧЕЙ-ОРДИНАТОРОВ

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF INTEGRATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE INTO MEDICAL EDUCATION: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE PERCEPTIONS OF TEACHERS AND MEDICAL RESIDENTS

**O. Zhuchenko
N. Galiakhmetova
I. Chuchalina**

Summary: This article analyzes the psychological aspects of how medical students perceive artificial intelligence. It was found that among medical residents, the use of neural networks helps optimize internal resources and reduce emotional stress associated with deadlines. Among faculty, artificial intelligence heightens anxiety and triggers psychological defenses, such as devaluing new technologies. Ambivalence in emotional reactions was found in both groups, combining cognitive interest with caution.

Keywords: artificial intelligence, educational process, perception, medical residents, faculty, medical school.

Жученко Ольга Александровна

*К.псх.н., доцент, ФГБОУ ВО «Ижевский государственный
медицинский университет» Министерства
здравоохранения Российской Федерации
adlog@mail.ru*

Галиахметова Наталья Павловна

*К.п.н., доцент, ФГБОУ ВО «Ижевский государственный
медицинский университет» Министерства
здравоохранения Российской Федерации
n.gali671958@mail.ru*

Чучалина Инна Борисовна

*К.м.н., ассистент, ФГБОУ ВО «Ижевский государственный
медицинский университет» Министерства
здравоохранения Российской Федерации
innacucalina@gmail.com*

Аннотация: В статье анализируются психологические аспекты восприятия искусственного интеллекта субъектами образовательного процесса в медицинской сфере. Обнаружено, что у врачей-ординаторов применение нейросетей способствует оптимизации внутренних ресурсов и снижению эмоционального напряжения, связанного с дедлайнами. У преподавателей искусственный интеллект актуализирует тревогу и порождает психологические защиты в виде обесценивания новых технологий. Выявлена амбивалентность эмоциональных реакций в обеих группах, сочетающих познавательный интерес с осторожностью.

Ключевые слова: искусственный интеллект, образовательный процесс, восприятие, врачи-ординаторы, преподаватели, медицинский вуз.

В настоящее время, когда актуализируется режим многозадачности деятельности, искусственный интеллект (ИИ) все активнее используется людьми как при решении вопросов в личной жизни, так и в профессиональной сфере и образовательном процессе, чему посвящено уже большое количество исследований [1; 2; 3; 5; 7; 8]. Так, В.Д. Ивахненко и С.В. Слесарев выявили, что для оказания помощи студентам в решении различных задач чаще всего используются чат-боты [3]. Кроме того, ИИ помогает создавать индивидуальные учебные планы, виртуальные классы, позволяющие заниматься дистанционно. В медицинском образовании ИИ может персонализировать обучение, улучшать диагностические навыки с помощью моделирования, применения виртуальных симуляционных лабораторий, расширять доступ к базам данных [7; 11].

В научном мире психологии, социологии становится

популярной объединенная теория принятия и использования технологий (UTAUT), разработанная Venkatesh с коллегами [10]. Согласно данной модели, поведенческие намерения людей использовать технологию определяются ожиданием эффективности, усилий и социальным влиянием, тогда как фактическое использование зависит от облегчающих условий. В рамках этой концепции Alqaisi с коллегами [6] изучали факторы, влияющие на внедрение ChatGPT в медицинское образование в Иордании. Ученые пришли к выводу, что на отношение к ИИ существенно влияли ожидаемая эффективность и ожидаемые усилия. При этом полезность применения нейросетей перевешивала опасения по поводу дезинформации или конфиденциальности. Другими словами, внедрение ChatGPT в медицинское образование в Иордании обусловлено воспринимаемой полезностью и простотой использования, при этом отношение играет ключевую роль.

Исследователи [1; 4; 5; 7] подчеркивают неоднозначное восприятие субъектами образовательного процесса нейросетей: с одной стороны, ИИ позволяет эффективно решать рутинные задачи, с другой стороны, у обучающихся необходимо развивать критическое, системное мышление, способность принимать взвешенные решения в нестандартных ситуациях, соблюдая при этом этические принципы, что особенно актуально в медицинской сфере.

Обращает на себя внимание работа N. Kosmyana, E. Hauptmann E., Y.T. Yuan, J. Situ [8], применивших электроэнцефалографию (ЭЭГ), НЛП (для обработки естественного языка), преподавателей и ИИ-эксперта для анализа эссе, написанных как с помощью LLM (больших языковых систем, основанных на нейросетях), так и без всяких инструментов, самостоятельно («only brain»). Ими выявлено, что когнитивная активность испытуемых снижалась в зависимости от использования внешних инструментов. При этом самооценка авторства эссе была самой низкой в группе LLM и самой высокой в группе, писавших эссе самостоятельно. Отмечено, что пользователи LLM также испытывали трудности с точным цитированием собственных работ. В течение четырех месяцев пользователи LLM постоянно демонстрировали низкие результаты на нейронном, лингвистическом и поведенческом уровнях. Авторы утверждают, что полученные результаты вызывают опасения по поводу долгосрочных образовательных последствий зависимости от LLM, подчеркивая необходимость более глубокого изучения роли ИИ в обучении.

X. Zhao с коллегами [11] обнаружили, что для студентов-медиков внутренняя ценность образовательного инструмента на основе ИИ (его полезность и простота использования) является доминирующим фактором при принятии ими решений о внедрении, значительно превосходящим социальное влияние сверстников или авторитетов. Следовательно, ключ к успешному продвижению таких технологий заключается в формировании внутреннего доверия пользователей, снижении воспринимаемых ими рисков и обеспечении увлекательного, захватывающего опыта обучения.

В связи с тем, что нейросети — система, быстро обучающаяся и моментально меняющаяся, психологи, педагоги, программисты пишут и о перспективах их использования. Так, например, M. Qin, A.K. Chaldanbaeva [9] отмечают среди перспектив ИИ возможность выставления диверсифицированной, целостной, интеллектуальной оценки, которая позволит более всесторонне, объективно и точно оценивать результаты обучения студентов и их всестороннее качество; глубокую интеграцию профессионального образования и предприятий, способствующую связи между подготовкой кадров и потребностями предприятий.

Теоретический анализ литературы позволяет сделать вывод об актуальности заявленной тематики.

Цель исследования — выявить и сравнить особенности восприятия интеграции искусственного интеллекта в медицинское образование преподавателями и врачами-ординаторами.

Цель достигалась через решение задач:

1. анализ теоретической литературы по заявленной проблематике;
2. разработка авторской анкеты, направленной на определение восприятия интеграции ИИ в образовательном процессе медицинского вуза;
3. сравнительный анализ восприятия интеграции ИИ в образовательный процесс преподавателей и врачами-ординаторами.

Объект исследования — интеграция ИИ в образовательный процесс медицинского вуза.

Предмет исследования — сравнительный анализ восприятия интеграции ИИ в образовательном процессе медицинского вуза преподавателями и врачами-ординаторами.

Гипотеза: врачи-ординаторы чаще и продуктивнее используют ИИ в учебном процессе, испытывая при этом положительные эмоции, чем преподаватели медицинского вуза.

Методы: анализ, обобщение, интерпретация результатов, анкетирование, описательная статистика, критерий Колмогорова-Смирнова, коэффициент ранговой корреляции Спирмена, U-критерий Манна-Уитни. Для статистической обработки данных применен набор компьютерных программ IBM SPSS Statistics 23.0.

Выборку составили 72 врача-ординатора (из них 82% женщин, 18% мужчин; средний возраст 26,5 лет) и 44 преподавателя (из них 68% женщин, 32% мужчин; средний возраст 50 лет, средний педагогический стаж 26 лет) ФГБОУ ВО Ижевский ГМУ Минздрава России.

В авторскую анкету для врачей-ординаторов входили вопросы:

1. Как часто вы используете ИИ в своих учебных целях? а) постоянно, б) часто, в) редко, г) никогда.
2. Какие задачи вы решаете с помощью ИИ? а) поиск и систематизация информации по учебным темам, б) подготовка конспектов, рефератов, презентаций, в) помощь в написании статей, тезисов, г) объяснение сложных тем (как репетитор), д) перевод текстов с / на иностранный язык, е) анализ медицинских ситуаций (кейсов), ж) для личных целей, з) другое

3. Оцените по 5 б шкале, насколько вы согласны с утверждением, что ИИ позволяет экономить время.
4. Оцените по 5 б шкале, насколько вы согласны с утверждением, что ИИ помогает сделать результат работы лучше и глубже.
5. Оцените по 5 б шкале, насколько вы согласны с утверждением, что ИИ помогает устраняет недостаток знаний.
6. Оцените по 5 б шкале, насколько вы согласны с утверждением, что ИИ – интересная технология.
7. Согласны ли вы, что ИИ способствует обучению? Да / нет
8. Как вы обычно формулируете промпты (запросы) к ИИ? а) простые вопросы (например, напиши реферат по кардиологии), б) развернутые, с указанием контекста и требуемого формата (например, объясни для пациента 50 лет, как работает препарат, в формате памятки), в) метод «цепочки рассуждений» (задаю уточняющие вопросы), г) формулирует другой сайт ИИ, д) другое.
9. Какие эмоции, чувства вы испытываете во время использования ИИ? а) любопытство и азарт, б) уверенность, в) энтузиазм, г) раздражение и фрустрация, д) тревога, е) другое.
10. Какие эмоции, чувства вы испытываете после использования ИИ? а) удовлетворение, б) радость от сэкономленного времени и сил, в) вина, г) тревога, д) энтузиазм, е) скептицизм и разочарование, ж) уверенность, з) неуверенность, и) никакие.
11. Оцените по 5-б шкале, как, на ваш взгляд, повлияло использование ИИ на вашу академическую успеваемость?
12. Когда ИИ предоставляет вам ответ, как часто вы проверяете его на точность и достоверность? а) всегда, б) часто, в) иногда, г) никогда, д) не использую ИИ.
13. Оцените по 5б шкале, согласны ли вы с утверждением, что ИИ вызывает разочарование, что уже все известно и открыто, что снижает мотивацию к исследованиям, учебе?
14. Оцените по 5б шкале, насколько использование ИИ снизило ваш стресс, связанный с дедлайнами и учебной / профессиональной нагрузкой?
15. Появляется ли у вас тревога, что без использования ИИ сегодня человек не конкурентоспособен? а) постоянно, б) часто, в) иногда, г) никогда.
16. Как давно вы используете ИИ? а) до полугода, б) 1-2 года, в) 3-5 лет, г) больше 5 лет, д) не использую активно.
17. Если вы не используете ИИ, то почему? а) не доверяю информации, б) считаю это обманом, в) не хватает знаний, навыков, г) не вижу пользы, д) опасуюсь последствий, е) не интересно, ж) я пользуюсь.

В анкету для преподавателей добавлены вопросы:

1. Как часто вы используете ИИ в своих профессиональных целях? а) постоянно, б) часто, в) редко, г) никогда
2. Насколько вы, как преподаватель, осведомлены о том, как студенты и ординаторы используют ИИ? А) я интересуюсь ИИ, б) хорошо знаю способы использования искусственного интеллекта студентами и ординаторами, в) почти не сталкиваюсь с проявлением использования ИИ, г) затрудняюсь ответить)
3. С какими формами использования ИИ студентами вы сталкивались лично (возможны несколько ответов)? а) подготовка докладов, написание рефератов, б) подготовка презентаций, в) решение задач, г) генерация идей для научных проектов, д) ответы на вопросы во время самостоятельной работы, е) прямое использование ИИ на занятиях, ж) не сталкивался
4. Какова ваша первоначальная эмоциональная реакция, когда вы обнаруживаете работу, выполненную с помощью ИИ (возможны несколько ответов)? а) раздражение, б) негодование, в) разочарование в студенте, в системе образования, г)любопытство,д) злость, е) зависть, ж) Интерес, з) радость, и) тревога, к)равнодушие, безразличие, л)другое
5. Нуждаетесь ли вы в дополнительном обучении по использованию ИИ? а) да, б) нет, в) не уверен.

С помощью критерия Колмогорова-Смирнова выявлено отсутствие нормального распределения полученных данных, что определило выбор статистического аппарата.

При сравнении показателей врачей-ординаторов и преподавателей выявлено статистически значимое различие по следующим положениям:

- врачи-ординаторы чаще используют ИИ в учебных / профессиональных целях, чем преподаватели ($U=703,00, p=0,000$);
- ИИ позволяет экономить время ($U=1204,00, p=0,023$): с этим утверждением больше согласны врачи-ординаторы, чем преподаватели;
- ИИ признают интересной технологией чаще обучающиеся, чем преподаватели ($U=1186,50, p=0,011$);
- у преподавателей ИИ чаще вызывает разочарование, что уже все известно и открыто, что снижает мотивацию к исследованиям, учебе, чем у врачей-ординаторов ($U=1050,00, p=0,005$);
- у преподавателей чаще появляется тревога, что без использования ИИ сегодня человек не конкурентоспособен ($U=214,00, p=0,000$).

Полученные результаты свидетельствуют, что существует значительный разрыв в уровне интеграции ИИ

в образовательный процесс и профессиональную деятельность между врачами-ординаторами и преподавателями медицинского вуза. Так, обучающиеся активнее внедряют нейросети в рутинные процессы, воспринимая его как эффективный инструмент для оптимизации времени. Преподаватели зачастую, вероятно, в этом случае испытывают психологические (чаще возникает тревога из-за снижения конкурентоспособности) и технические барьеры: 77,3% респондентов указали, что нуждаются в дополнительном обучении по использованию ИИ. При этом только 36% педагогов не хватает знаний и навыков в данной сфере. Если старшее поколение, формулируя промт нейросети, чаще (56,8%) использует метод «цепочки рассуждений», задавая уточняющие вопросы, то у обучающихся одинаково популярны как данный способ (63,5%), так и развернутый запрос, с указанием контекста и требуемого формата (62,7%).

Следует отметить, что обе группы субъектов образовательного процесса чаще всего во время использования ИИ испытывают любопытство и азарт, с одной стороны, недоверие, - с другой стороны, что, разумеется, заставляет их проверять точность информации, полученную с помощью ИИ. 26,7% педагогов и 22,2% обучающихся делают это всегда, а треть каждой выборки — часто. После получения информации из нейросетей у всех респондентов преобладают, в первую очередь, радость от сэкономленного времени и сил (54,5% преподавателей, 57,8% обучающихся). Однако, удовлетворение испытывают чаще врач-ординаторы (50,2%), чем педагоги 34,1%, что объясняется отсутствием соответствующих навыков у большинства преподавателей.

С помощью корреляционного анализа выявлены прочные взаимосвязи восприятия ординаторами и преподавателями ИИ в рамках учебного процесса вуза. Чем чаще обучающиеся используют нейросети в учебной / профессиональной деятельности, тем больше они склонны рассматривать ИИ как интересную технологию ($r_s = -0,38$, $p = 0,001$), позволяющую экономить время ($r_s = -0,25$, $p = 0,044$). Вот почему врачи-ординаторы не согласны с тем, что активное применение нейросетей демотивирует ($r_s = -0,29$, $p = 0,016$), а наоборот, способствует снижению уровня психического напряжения, связанного с дедлайнами в учебной / профессиональной деятельности ($r_s = -0,28$, $p = 0,022$), помогая сделать результат работы лучше, глубже ($r_s = -0,42$, $p = 0,000$), улучшая, соответственно, академическую успеваемость ($r_s = -0,32$, $p = 0,006$). При этом следует подчеркнуть наличие критического мышления у молодежи, вследствие чего, с их точки зрения, положительное влияние на учебу ИИ возможно только при проверке информации на точность ($r_s = -0,32$, $p = 0,009$). Установлено, что, с их точки зрения, ИИ позволяет не только сберечь ресурсы, но устранять недостаток знаний ($r_s = -0,53$, $p = 0,000$).

Преподаватели согласны с врачами-ординаторами в том, что применение ИИ в профессиональной деятельности позволяет экономить время, снижая уровень стресса, связанный с лимитом ресурсов ($r_s = 0,36$, $p = 0,017$), устраняет недостаток знаний ($r_s = 0,57$, $p = 0,000$), делая результат работы глубже ($r_s = 0,71$, $p = 0,000$), повышает производительность труда ($r_s = -0,53$, $p = 0,000$), являясь важным навыком будущего врача ($r_s = 0,47$, $p = 0,001$). Следует отметить, что так воспринимают нейросети молодые педагоги ($r_s = -0,33$, $p = 0,026$), применяющие их, проверяющие информацию на точность ($r_s = 0,47$, $p = 0,001$) и хорошо знающие, как обучающиеся их используют ($r_s = -0,53$, $p = 0,000$).

В то же время стоит отметить, что, с точки зрения преподавателей, активное применение ИИ обучающимися в образовательном процессе мешает развитию критического и клинического мышления, демотивирует их ($r_s = 0,54$, $p = 0,000$), снижая собственные усилия при формировании компетенций ($r_s = 0,32$, $p = 0,032$), увеличивая при этом неравенство среди обучающихся вследствие разного уровня соответствующих навыков и технических возможностей ($r_s = 0,37$, $p = 0,013$). Возможно, это объясняется особенностями выборки: средний возраст педагогов 50 лет, 22,7% респондентов никогда не пользуются ИИ, а 54,5% - делают это иногда. Другими словами, отсутствие навыков эффективного использования ИИ у преподавателей вызывает искаженное восприятие новых технологий. Однако, ИИ не отменяет мышление, а переносит его на другой уровень (умению эффективно задавать вопросы, критическому анализу, проверке фактов). Чтобы контактировать с этим, преподаватели должны идти на опережение в усвоении новых технологий, параллельно обучаясь с молодым поколением.

Таким образом, можно заключить, что гипотеза подтвердилась частично. Врачам-ординаторам применение ИИ в учебной / профессиональной деятельности позволяет перераспределять ресурсы, частично снижая психическое напряжение от дедлайнов. А более высокий уровень их удовлетворения коррелирует с их навыками использования нейросетей. Преподаватели же чаще воспринимают ИИ как объект оценки, а не как инструмент, что подтверждается их тревогой по поводу собственной конкурентоспособности.

Выявлена амбивалентность эмоциональных реакций в обеих группах (любопытство и недоверие), однако, обнаружены значимые различия в негативных переживаниях.

Молодые преподаватели, которые сами используют ИИ, признают его пользу: экономия времени, углубление результата, повышение производительности труда. В то же время следует отметить, что педагоги полагают, что ИИ мешает развитию клинического мышления и демотивирует студентов. Это можно объяснить тем, что

преподаватели оценивают результат, не видя процесса сложной когнитивной работы обучающихся по составлению промптов и верификации данных.

Хочется подчеркнуть, что эффективное взаимодействие с инструментами ИИ актуализирует все мыслительные операции, критическое, творческое мышление. Для снижения тревоги и фрустрации у преподавателей необходима организация системы повышения квалификации, направленной не столько на технические

аспекты, сколько на дидактику ИИ и освоение успешных стратегий промптинга (в том числе тех, которыми уже пользуются обучающиеся). Обучение должно идти параллельно, что позволит трансформировать роль преподавателя из «транслятора знаний» в «архитектора познания» в условиях цифровой среды.

Полученные результаты могут быть интересны преподавателям, студентам, врачам-ординаторам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жученко О.А. Эмоциональные состояния студентов при применении ими искусственного интеллекта в учебном процессе // Психология психических состояний: сборник материалов XX Всероссийской научно-практической конференции для студентов, магистрантов, аспирантов, молодых ученых и преподавателей вузов (Казань, 26–27 февраля 2026 г.) / под общ. ред. Л.В. Артищевой. – Казань: Издательство Казанского университета, 2026. – Вып. 20. – Том 1. – С. 280–285.
2. Жученко О.А., Комкова О.Г., Галияхметова Н.П. Многозадачность деятельности врачей-ординаторов как фактор риска развития профессионального стресса // Материалы VII межд. Научно-практ. Конф. «Психология стресса и совладающего поведения: ресурсы и устойчивость в мире неопределенности» 18–20 сентября 2025г. – Кострома: Костромской государственный университет, 2025. – С. 394 – 398.
3. Ивахненко В.Д., Слесарев С.В. Применение искусственного интеллекта в системе медицинского образования // Week of Russian science (WeRuS-2024): Сб. материалов XIII Всерос. недели науки с межд. участием, посвященной Национальному дню донора, Саратов, 16–19 апреля 2024 года. – Саратов: Саратовский государственный медицинский университет имени В.И. Разумовского, 2024. – С. 657–659.
4. Корепанова П.П., Малахова О.Н. Аксиология цифровой среды в образовании: антропологические риски // Молодежная наука: тенденции развития. – 2024. – № 1. – С. 6–13.
5. Савгачев В.В., Плешев И.Е., Шубин Л.Б. Искусственный интеллект: использование современных технологий при подготовке домашних заданий в медицинском образовании // Педагогическое образование. – 2025. – Т. 6, № 11. – С. 172–177.
6. Alqaisi N, Alshwayyat S, Aburumman S, Qassim N, Almasri N, Algroosh F, Alkhatib M, Hanifa H, AlRyalat SA. Assessing ChatGPT adoption in Jordanian medical education: a UTAUT model approach. // BMC Med Educ. - 2025 May 22. - No 25(1). - P. 750 - 765. doi: 10.1186/s12909-025-07336-y.
7. Kokayeva E., Baimagambetova A., Dossanova A. Prospects of Artificial Intelligence Application in Medical Education in the Republic of Kazakhstan: A Literature Review // Journal of Health Development. – 2025. – Vol. 4, No. 60. – P. jhd012. – DOI 10.32921/2663-1776-2025-60-4-jhd012.
8. Kosmyna N., Hauptmann E., Yuan Y.T., Situ J. Your Brain on ChatGPT: Accumulation of Cognitive Debt when Using an AI Assistant for Essay Writing Task, 2025. – URL: https://www.researchgate.net/publication/392560878_Your_Brain_on_ChatGPT_Accumulation_of_Cognitive_Debt_when_Using_an_AI_Assistant_for_Essay_Writing_Task (дата обращения 03.03.2026)
9. Qin M., Chaldanbaeva A.K. The Application and Challenges of Artificial Intelligence in Vocational Education. // Bulletin Kyrgyz State University named after I. Arabaev. – 2025. – No. 4/2. – P. 369–379. – DOI 10.33514/1694-7851-2025-4/2-369-379.
10. Venkatesh, V., Morris, M. G., Davis, G. B., Davis, F. D. User acceptance of information technology: Toward a unified view. // MIS Quarterly. - 2003. - No 27(3). - P. 425–478.
11. Zhao X, Liu W, Yue S, Chen J, Xia D, Bing K, Xia X, Wang K. Factors influencing medical students' adoption of AI educational agents: an extended UTAUT model. // BMC Med Educ. - 2025. Dec 5. - No 25(1). - P. 1678 - 1682. doi: 10.1186/s12909-025-08234-z.

© Жученко Ольга Александровна (adlog@mail.ru), Галияхметова Наталья Павловна (n.gali671958@mail.ru),
Чучалина Инна Борисовна (innacacalina@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ГРУППОВОЙ РАБОТЫ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ОТКЛОНЯЮЩЕГОСЯ ПОВЕДЕНИЯ СРЕДИ ПОДРОСТКОВ

Исагулова Елена Юрьевна

Кандидат психологических наук, директор НМУ
«Клинический центр психического здоровья»
9477877@gmail.com

FEATURES OF GROUP WORK ON THE PREVENTION OF DEVIANT BEHAVIOUR AMONG ADOLESCENTS

E. Isagulova

Summary: The article reveals the peculiarities of group work on the prevention of deviant behaviour among adolescents. The bases of group psychotherapy are analysed. Possibilities and problems of application of group forms of psychotherapy in general and in work on prevention of deviant behaviour among adolescents are specified. The effectiveness of programmes of psychological prevention of adolescents' predisposition to deviant behaviour through group work is noted.

Keywords: addictive behaviour, deviant behaviour, adolescence, group psychotherapy, group counselling.

Аннотация: Статья раскрывает особенности групповой работы по профилактике отклоняющегося поведения среди подростков. Проанализированы основы проведения групповой психотерапии. Уточнены возможности и проблемы применения групповых форм психотерапии в целом, так и в работе по профилактике отклоняющегося поведения среди подростков. Отмечена эффективность программ психологической профилактики предрасположенности подростков к отклоняющемуся поведению посредством групповой работы.

Ключевые слова: аддиктивное поведение, отклоняющееся поведение, подростковый возраст, групповая психотерапия, групповое консультирование.

Введение

В подростковом возрасте средняя часть мозга (лимбическая система), которая участвует в обработке эмоций и вознаграждении, миелинизируется, посылает и получает сигналы быстрее, чем префронтальная кора – область мозга, отвечающая за саморегуляцию, рациональное мышление и целенаправленное поведение [4]. Рискованность, стремление к новизне, импульсивность, стремление к исследованиям и экспериментированию также повышаются в подростковом возрасте по сравнению со взрослым возрастом, при этом считается, что социальные факторы играют решающую роль. Считается, что это затянувшееся развитие навыков саморегуляции лежит в основе некоторых из наиболее неадаптивных импульсивных форм поведения, которые обычно наблюдаются в детстве и раннем подростковом возрасте. Поэтому многие виды зависимого поведения начинаются в подростковом возрасте [9]. Кроме того, помимо функционирования мозга, подростки также в значительной степени подвержены влиянию социальных вознаграждений и взаимодействия со сверстниками, поэтому присутствие сверстников, занимающихся потенциально аддиктивным поведением, также увеличивает риск личной вовлеченности [2]. В свете текущего состояния отклоняющегося поведения среди подростков, крайне важно сосредоточиться на профилактике [19].

Групповая терапия часто недооценивается с точки зрения ее эффективности при работе с подростками, имеющими отклоняющееся поведение. Групповая психо-

терапия приобрела популярность после Второй мировой войны, когда терапевты вместе лечили группы ветеранов боевых действий и наблюдали положительные эффекты от групповых сеансов. Но групповая работа так же эффективна, как и индивидуальная психотерапия для широкого спектра симптомов и состояний, и она более действенна, позволяя одному терапевту охватить одновременно группу пациентов со многими расстройствами. Во многих случаях группы могут быть более эффективны благодаря снижению стигмы и солидарности, которые подростки испытывают в присутствии своих сверстников [15].

Исследования групповой терапии за последние 30 лет были обобщены в 11 метаанализах, включая 329 рандомизированных контролируемых исследований и 370 сравнений групповой терапии с различными контрольными группами, в которых в общей сложности приняли участие более 27 000 пациентов. Исследования сравнивали групповую и индивидуальную терапию, и групповая терапия была признана эффективной. В связи с этим, существует возможность эффективного применения групповой психотерапии с подростками со склонностью к развитию различных форм отклоняющегося поведения [22].

Цель публикации: раскрыть особенности групповой работы по профилактике отклоняющегося поведения среди подростков.

Основы проведения групповой психотерапии

Модель, которая идентифицировала потенциаль-

ные переменные, влияющие на результаты группового лечения, включает пять факторов: формальную теорию изменений, групповую динамику, структурные аспекты групп, характеристики участников группы и характеристики лидера группы. Вместе эти переменные работают над определением группового процесса и предоставляют информацию о форме и функции групп.

Следуя этой модели, проведение групповой терапии построено на концепции, в которой различные типы терапевтических групп отличаются друг от друга. Эта модель описывает три основных типа терапевтических групп: группы без лидера (которые в основном играют роль в самопомощи и лечении зависимостей), психообразовательные группы (которые важны в психиатрических учреждениях и все чаще в дневных стационарах) и терапевтические группы, которые либо основаны на руководстве, либо на моделях [5]. Группы, основанные на руководстве, обычно краткосрочны и в первую очередь разрабатываются в соответствии с конкретными терапевтическими ориентациями или формальными теориями изменений (например, групповой анализ или когнитивно-поведенческая терапия [КПТ]) [16]. Например, в краткосрочном групповом анализе методы фокусируются на конкретной конфликтной теме, и применяются методы КПТ, такие как экспозиция или когнитивная реструктуризация. Группы, основанные на моделях, менее структурированы и фокусируются на принципиальных вмешательствах, адаптированных к стадии развития группы в целом в дополнение к таковым у отдельных ее членов. Создание успешной группы подразумевает обдумывание ее структуры, взаимодействия между членами группы и того, как наилучшим образом поддержать терапевтический процесс [5].

Люди – социальные существа, и как социальные существа, потребность подростков собираться в группы может быть мощным терапевтическим инструментом. Формальные терапевтические группы могут быть убедительными и поддерживающими. Группы, организованные вокруг отклоняющегося поведения, могут предложить подросткам понимание, руководство и утешение. Под руководством психотерапевта группы подростков могут способствовать формированию здоровых привязанностей, а также обучать их новым социальным навыкам. Хотя групповая терапия может быть столь же эффективна в лечении зависимостей, как и индивидуальная терапия, появляется все больше доказательств того, что групповая терапия является более полезной во время работы по профилактике отклоняющегося поведения среди подростков [8].

Терапевты могут использовать различные модели группового лечения для удовлетворения потребностей группы подростков-аддиктов во время работы по профилактике отклоняющегося поведения:

Психообразовательные группы. Основной целью этих групп является просвещение и информирование подростков о аддиктивном поведении, психическом здоровье, связанном с этим поведением и последствиях такого поведения. Психообразовательные группы обычно учат подростков, что им нужно научиться определять, избегать и в конечном итоге справляться с определенными внутренними состояниями и внешними обстоятельствами, связанными с отклоняющимся поведением. Это обучение часто сопровождается навыками преодоления трудностей (такие как управление гневом или использование «я»-утверждений), которым обычно обучают в группе развития навыков. Психообразовательные группы, как правило, сосредоточены на разработке информационной базы, на основе которой можно принимать решения и предпринимать действия [6].

Одной из важных задач, которая решается в процессе группового психологического консультирования является организация деятельности подростка. Как отмечается Ивановым Д.В. и Красновой А.А. необходимо организовать деятельность, которая стала бы альтернативной аддиктивному поведению. Групповое психологическое консультирование позволяет создать условия, способствующие успешной социально-психологической адаптации подростков. К таким условиям, создаваемым психологом в консультировании, можно отнести развитие умений конструктивной коммуникации и саморегуляции подростков; возможности в относительно безопасной среде отработать различные способы реагирования в межличностном взаимодействии, в том числе в конфликтных ситуациях. Профилактическая работа в процессе консультирования наиболее эффективна в форме воздействия на условия и причины, вызывающие аддиктивное поведение, на ранних этапах проявления проблем. Выбор формы психологического консультирования зависит от особенностей подросткового возраста и от выраженности аффективных проблем. Для подростков наиболее привлекательной является групповая форма психопрофилактической работы, поэтому эффективными являются групповые психологические консультации, на которых могут быть использованы модельные ситуации, творческие задания, тренинговые упражнения, направленные на поиск альтернатив девиантному (аддиктивному) поведению, а также упражнения, ведущие к расширению возможностей в социальной жизни [3].

Группы развития навыков. Эта модель достаточно гибкая. Терапевт может адаптировать обучение навыкам в зависимости от потребностей отдельных лиц в группе. Навыки фокусируются на поддержании воздержания от аддикций и предполагают большее взаимодействие между членами группы. Из-за степени индивидуальных различий в потребностях подростков конкретные навыки, которым обучают, должны зависеть от оценки, которая учитывает индивидуальные характеристики, способ-

ности и опыт. Пригодность клиента для группы развития навыков будет зависеть от уникальных потребностей, а также от обучаемых навыков. Большинство подростков могут извлечь пользу из развития или улучшения определенных общих навыков, таких как контроль сильных эмоций или улучшение навыков отказа от оклоняющегося поведения. Навыки также могут быть весьма специфичными для определенных подростков, например, обучение релаксации. Хотя группы развития навыков часто включают элементы психообразовательной деятельности и поддержки, их основная цель заключается в создании или укреплении поведенческих или когнитивных ресурсов для лучшего совладания с окружающей средой.

Группы КПТ работают над изменением усвоенного поведения путем изменения моделей мышления, убеждений и восприятия. Группы также работают над развитием социальных сетей, которые поддерживают постоянное воздержание, чтобы подросток с зависимостью осознавал поведение, которое может привести к рецидиву, и разрабатывал стратегии для продолжения восстановления [21]. Терапевт работает над выявлением проблемного мышления и поведения, которые способствуют отклоняющемуся поведению, и обучает участников группы новым моделям мышления и поведения. Эти группы также фокусируются на обучении профилактике рецидивов [10].

Группы поддержки. Как следует из названия, эта модель обеспечивает поддержку и заботу для участников, одновременно обучая их навыкам межличностного общения посредством групповых обсуждений, обмена опытом и совместного решения проблем. Направленность групп поддержки может варьироваться от групп под руководством сильного лидера, сосредоточенных на решении проблем на ранних стадиях восстановления, которые фокусируются на достижении воздержания и управлении повседневной жизнью, до групп под руководством группы, ориентированных на эмоции и межличностные отношения, на средних и поздних стадиях восстановления. Группы поддержки могут работать с различных теоретических позиций. Многие отражают традицию 12-шаговой программы в области злоупотребления психоактивными веществами, но другие инструменты восстановления, такие как профилактика рецидивов, могут стать основой группы поддержки. Некоторые группы поддержки основаны на теоретических основах, таких как когнитивная терапия или духовные пути. Программы могут даже разрабатывать группу поддержки, комбинируя теории или философии [14].

Группы межличностных процессов. Групповая терапия межличностного процесса углубляется в основные проблемы развития, ища закономерности, которые способствуют зависимости или мешают выздоровлению.

Модель межличностной групповой психотерапии связывает подход к лечению, основанный на воздержании, с современными психологическими принципами лечения, при этом оставаясь совместимым с теорией и практикой 12-шаговой программы. В этой модели терапевт наблюдает за групповыми взаимодействиями, функциональностью и производительностью. Терапевт помогает членам группы в их эмоциональном развитии и решает их подростковые и более ранние детские проблемы, которые могут привести к принятию ими неверных решений и импульсивным тенденциям [4].

Группы экспрессивной терапии обычно способствуют социальному взаимодействию между подростками, поскольку они занимаются либо вместе, либо по отдельности творческой деятельностью. Таким образом, эти группы могут улучшить социализацию и развитие творческих интересов. Кроме того, позволяя подросткам выражать себя способами, которые они не могли бы сделать в традиционной разговорной терапии, экспрессивная терапия может помочь изучить истоки отклоняющегося поведения, влияние, которое оно оказало на их жизнь, и новые возможности для преодоления. Эти группы также могут помочь подросткам разрешить травму (например, жестокое обращение с детьми или домашнее насилие), которая могла быть причиной их отклоняющегося поведения. Экспрессивная терапия может использовать искусство, музыку, драму, психодраму, гештальт, биоэнергетику, психомоторику, игры, танцы, свободное движение или поэзию.

Эти модели являются вариативными. Терапевты могут использовать их в зависимости от потребностей и целей группы и даже могут переходить от одной модели к другой в течение одного сеанса групповой терапии.

Основная цель групповой работы – применить то, чему научились в групповой терапии, к жизни вне терапии. Это означает, что подростки-аддикты способны корректировать поведение, применять полученные навыки межличностного общения в новых и существующих отношениях, а также использовать профилактические меры и навыки преодоления трудностей, когда это необходимо, чтобы избежать развития отклоняющегося поведения.

Все группы можно классифицировать по цели

Проблемно-ориентированная группа – это особая форма когнитивно-поведенческой группы, используемая для устранения или изменения одной конкретной проблемы, такой как застенчивость, потеря любимого человека или злоупотребление психоактивными веществами. По количеству эти группы являются наиболее распространенными. Кроме того, группы решения проблем направляются из когнитивно-поведенческой структуры. Они сосредоточены на проблемах повсед-

невной жизни людей на раннем и среднем этапе восстановления, помогая членам группы освоить навыки решения проблем, справляться с повседневными трудностями и развивать способность оказывать и получать поддержку в групповой обстановке. Когда подростки обсуждают проблемы, с которыми они сталкиваются, эти проблемы обобщаются на опыт членов группы, которые предлагают поддержку и понимание.

Группы экспрессивной терапии способствуют социальному взаимодействию, поскольку участники занимаются творческой деятельностью.

Преимущества и недостатки групповой работы по профилактике отклоняющегося поведения среди подростков

Групповая терапия при профилактике отклоняющегося поведения имеет ряд преимуществ, в том числе:

Уверенность в том, что подростки не одиноки. У других подростков схожие проблемы и трудности. Можно назвать это принципом универсальности.

Возможность получать и оказывать поддержку. Оба эти понятия важны в лечении. Получение поддержки от других является частью связи или терапевтического альянса, который происходит в группах; тогда как оказание поддержки другим позволяет повышать свой потенциал и учиться.

Более широкий терапевтический альянс, позволяющий учитывать различные точки зрения.

Развитие навыков общения и социализации, позволяющее подросткам научиться выражать свои проблемы и принимать критику от других.

Развитие самосознания, которое происходит путем слушания других подростков, имеющих схожие проблемы.

Терапевтический характер, который сопровождает обмен опытом с другими подростками, имеющими схожие проблемы.

Ощущение наличия широкой сети безопасности для подростков, которые в противном случае не решались бы обсуждать свои чувства и предполагаемые слабости.

Подростки в группах часто устанавливают связи с другими членами группы на длительный период времени.

Способность моделировать успешное поведение других подростков, которые прошли через похожий опыт. Моделирование — это форма обучения, при которой подростки учатся, копируя или имитируя действия других сверстников.

Недостатки групповой терапии включают:

Уровень вмешательства не такой сфокусированный и интенсивный для любого отдельного подростка, как индивидуальная терапия.

Меньше конфиденциальности. Хотя участники группы обычно получают инструкции о том, что информация и события, происходящие в группе, должны оставаться конфиденциальными и сообщаться только членам группы во время терапии, вероятность нарушения конфиденциальности выше.

Потенциал социальной лености. Некоторые подростки в группах на самом деле не вносят изменений, а просто пользуются успехом других. Группы могут позволять немотивированным подросткам скрывать свои проблемы и избегать ответственности.

Менее целенаправленный терапевтический альянс.

Меньше гибкости. Группы обычно встречаются в определенное время. Меньше возможностей вписать терапию в личный график.

Групповая терапия может быть неподходящей для определенных типов подростков, например, для тех, которые крайне асоциальны, крайне застенчивы, импульсивны и пассивно-агрессивны.

Иногда определенные союзы формируются в группах, и эти подгруппы нацеливаются на других членов группы и принижают их. Опытный и компетентный терапевт способен избегать таких союзов, которые наносят ущерб всей группе; однако неизбежно, что некоторые подростки в группе будут сильнее идентифицировать себя друг с другом и не идентифицировать себя с другими членами.

Исследования эффективности групповой работы по профилактике отклоняющегося поведения среди подростков

Благодаря давней традиции исследований групповой психотерапии и растущей важности стандартов, основанных на доказательствах, доступно большое количество рандомизированных контролируемых исследований (РКИ) эффективности групповой психотерапии отклоняющегося поведения [12].

КПТ, один из наиболее тщательно исследованных видов психотерапии психических расстройств, является научно обоснованным методом лечения ряда аддитивных расстройств (как связанных, так и не связанных с употреблением веществ) [20]. Хотя уникальные механизмы не совсем ясны, предполагается, что КПТ рабо-

тает отчасти путем передачи обобщаемых навыков для осуществления большего когнитивного и поведенческого контроля над привычными моделями поведения, включая навыки снижения импульсивного реагирования [11, 18]. Имеющиеся данные из РКИ, оценивающих КПТ при аддиктивных расстройствах, не предполагают влияния на импульсивность. Однако лишь немногие испытания напрямую проверяли влияние КПТ на показатели импульсивности, подчеркивая необходимость более комплексного изучения эффектов лечения на основные характеристики аддиктивных расстройств [17].

Глушкевич Ю. А. был представлен социально-педагогический комплекс мероприятий по предупреждению аддиктивного поведения подростков посредством групповой игровой деятельности, который по результатам исследования является эффективным и рекомендуется автором для работы по первичной профилактике, т.е. еще на начальном этапе обозначенной проблемы [1].

Рогожниковой Н.А. была проведена апробация и доказана эффективность программы групповой формы психологического консультирования, направленной на психологическую профилактику аддиктивного поведения у подростков средствами групповой формы психологического консультирования [7].

Кроме того, проектная работа направлена на профи-

лактическую работу с подростками учебных заведений с целью развития креативности, спонтанности, эмпатии, толерантности, интересу к самопознанию, групповой сплоченности; формирования адекватной реакции на новую, нестандартную ситуацию [8].

Интегрированная когнитивно-поведенческая терапия с мотивационным подходом, основанным на силе воли, согласно данным Ji Y. и соавт. позволила сократить симптомы игрового расстройства и время, затрачиваемое на игру, за 6 месяцев за счет снижения неадаптивной игровой мотивации и когнитивных функций [13].

Заключение

Таким образом, для подростков-аддиктов групповая профилактика должна быть с упором на конкретное поведение, познания и ситуации, в которых расстройство контроля импульсов вызывает наибольшие трудности. Кроме того, важным фактором является продолжительность профилактической программы, учитывая обнадеживающие результаты исследований большей продолжительности.

Вместе с благоприятным соотношением затрат и выгод групповой работы, имеющиеся доказательства должны побудить психотерапевтов увеличить использование групповой терапии в практике по профилактике отклоняющегося поведения среди подростков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глушкевич, Ю.А. К вопросу о предупреждении аддиктивного поведения подростков в условиях игровой деятельности / Ю.А. Глушкевич // EUROPEAN RESEARCH: сборник статей XXI Международной научно-практической конференции: в 2 ч., Пенза, 07 июня 2019 года. Том Часть 2. – Пенза: «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г.Ю.), 2019. – С. 226-228. – EDN LKKWTG.
2. Егоров, А.Ю. Нехимические (поведенческие) аддикции: вопросы типологии, диагностики и классификации // Вопросы наркологии. 2020. № 4 (187). С. 7-23.
3. Иванов, Д.В. Психологическая профилактика аддиктивного поведения подростков средствами группового консультирования / Иванов Д.В., Краснова А.А. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание, 2019. – № 02. – С. 48-53
4. Ильин, Е.П. Психология общения и межличностных отношений. СПб.: Питер, 2010. 576 с.
5. Кернберг, О.Ф. Тяжелые личностные расстройства: Стратегии психотерапии / О.Ф. Кернберг / М.: Независимая фирма «Класс», 2014. – 464 с.
6. Моница, Г.Б. Психологическое консультирование детей и подростков. – СПб., 2011. – 210 с.
7. Рогожников, Н.А. Групповая форма психологического консультирования как эффективное средство для профилактики аддиктивного поведения подростков / Н.А. Рогожников // Научные горизонты. – 2023. – № 10(74). – С. 34-39. – EDN WDTXG.
8. Ушакова, Г.Г. Работа с девиантными подростками: программы и стратегии. – Бийск: ФГБОУ ВПО «АГАО», 2012. – 111 с.
9. Ashwell, K. The brain book: Development, function, disorder, health (2nd ed.). (2019). Buffalo, NY: Firefly Books.
10. Beck, J.S. Cognitive Behavior Therapy: Basics and Beyond. 3rd Ed. (2021). New York: The Guilford Press.
11. Carroll, K.M. Cognitive behavioral interventions for alcohol and drug use disorders: through the stage model and back again. / Carroll KM, Kiluk BD. // Psychol Addict Behav. – 2017. – Vol. 31. – P. 847-861.
12. Du, Y.S. Longer term effect of randomized, controlled group cognitive behavioural therapy for Internet addiction in adolescent students in Shanghai. / Du YS, Jiang W, Vance A. // Aust N Z J Psychiatry. 2010. – Vol. 44. – № 2. – P.129-134. DOI:10.3109/00048670903282725
13. Ji, Y. Effectiveness of an integrated motivational cognitive-behavioral group intervention for adolescents with gaming disorder: a randomized controlled trial. / Ji Y, Wong DFK. // Addiction. 2023. – Vol. 118. – № 11. – P. 2093-2104. DOI:10.1111/add.16292
14. Kaya, A. Online Gaming Addiction and Basic Psychological Needs Among Adolescents: The Mediating Roles of Meaning in Life and Responsibility. / Kaya A, Türk N, Batmaz H, Griffiths MD. // Int J Ment Health Addict. Published online January 10, 2023. DOI:10.1007/s11469-022-00994-9
15. King, D.L. Internet Gaming Disorder Theory, Assessment, Treatment, and Prevention. / King, D.L., Delfabbro, P.H. // 2019. Cambridge: Academic Press.
16. Liese, B.S. Cognitive Behavioral Therapy of Addictive Disorder. / Liese, B.S., Beck, A.T. // 2022. New York: The Guilford Press.

17. Loya, J.M. The Effect of Cognitive Behavioral Therapy on Impulsivity in Addictive Disorders: A Narrative Review. / Loya JM, Benitez B, Kiluk BD. // *Curr Addict Rep.* 2023. – Vol. 10. – № 3. – P. 485-493. DOI: 10.1007/s40429-023-00491-6.
18. Magill, M. A meta-analysis of cognitive-behavioral therapy for alcohol or other drug use disorders: treatment efficacy by contrast condition. / Magill M, Ray L, Kiluk B, Hoadley A, Bernstein M, Tonigan JS, et al. // *J Consult Clin Psychol.* 2019. – Vol. 87. – P. 1093-1105.
19. McLaughlin, S.P.B. Group psychotherapy for borderline personality disorder: A meta-analysis of randomized-controlled trials. / McLaughlin SPB, Barkowski S, Burlingame GM, Strauss B, Rosendahl J. // *Psychotherapy (Chic).* 2019. – Vol. 56. – № 2. – P. 260-273. DOI:10.1037/pst0000211
20. Mun, S.Y. Effects of an integrated Internet addiction prevention program on elementary students' self-regulation and Internet addiction. / Mun, S. Y., Lee, B. S. // *Journal of Korean Academy of Nursing.* 2015. – Vol. 4. – № 2. – P. 251-261. DOI:10.4040/jkan.2015.45.2.251
21. Narullita, D. The Effect of Cognitive Behaviour Therapy (CBT) and Acceptance Commitment Therapy (ACT) to Reduce of Game online Addiction in Adolescents. / Narullita, D., Yuniati, E. // 2021.
22. Rosendahl, J. Recent Developments in Group Psychotherapy Research. / Rosendahl J, Alldredge CT, Burlingame GM, Strauss B. // *Am J Psychother.* 2021. – 74. – № 2. – P. 52-59. DOI: 10.1176/appi.psychotherapy.20200031.

© Исагулова Елена Юрьевна (9477877@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СТРАТЕГИИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: ДИАЛЕКТИКА АУТЕНТИЧНОСТИ И ПЕРФОРМАТИВНОСТИ

Пушкарь Галина Александровна

кандидат филологических наук, доцент, МГИМО МИД России; аспирант, МГУ им. М.В. Ломоносова, pushkar2014@yandex.ru

IDENTITY CONSTRUCTION STRATEGIES IN THE DIGITAL ENVIRONMENT: THE DIALECTIC OF AUTHENTICITY AND PERFORMATIVITY

G. Pushkar

Summary: This article analyzes the processes of identity construction and protection within digital spaces and social networks. In the context of the transformation of modern society into a «control society,» the problem of the interrelationship between social identity, its performative aspects, and the issue of personal authenticity under the conditions of digital sociality is examined. The author's synthesis of the achievements of symbolic interactionism (E. Goffman), the theory of social identity (H. Tajfel, J. Turner), and research on digital socialization (E.P. Belinskaya, G.V. Soldatova, S. Turkle) allows for the identification of specific mechanisms underlying the construction of multiplicative identities in the context of mixed reality. Attention is paid to the transformation of trust and empathy in the context of interaction with artificial intelligent agents, which poses new challenges for social psychology and social philosophy. The article contributes to the development of the Russian psychological discourse on digital identity, emphasizing the need for a humanistic approach to technological development and the prioritization of human dignity in the digital age.

Keywords: digital identity, identity construction, artificial intelligence, mixed reality, authenticity.

Аннотация: Статья посвящена анализу процессов конструирования и защиты идентичности в цифровых пространстве и социальных сетях. В контексте трансформации современного общества в «общество контроля» рассматривается проблема взаимосвязи между социальной идентичностью, её перформативными аспектами и вопросом аутентичности личности в условиях цифровой социальности. Авторский синтез достижений символического интеракционизма (И. Гофман), теории социальной идентичности (А. Тэшфел, Дж. Тёрнер) и исследований цифровой социализации (Е.П. Белинская, Г.В. Солдатова, Ш. Тёркл) позволяет выявить специфические механизмы конструирования мультипликативных идентичностей в условиях смешанной реальности. Уделяется внимание трансформации доверия и эмпатии в контексте взаимодействия с искусственными интеллектуальными агентами, что ставит новые вызовы перед социальной психологией и социальной философией. Статья вносит вклад в развитие российского психологического дискурса о цифровой идентичности, подчеркивая необходимость гуманистического подхода к технологическому развитию и приоритизации человеческого достоинства в цифровую эпоху.

Ключевые слова: цифровая идентичность, конструирование идентичности, искусственный интеллект, смешанная реальность, аутентичность.

Введение: идентичность в условиях цифровой трансформации

Вторая половина XX века обозначила переход от представления об идентичности как о сравнительно стабильном социально-психологическом ядре к пониманию её как динамического, контекстуально опосредованного процесса, подверженного постоянному переконструированию и реинтерпретации [6, 7]. В индустриальном обществе личность мыслится встроенной в относительно жёсткие институциональные рамки, иерархии и нормативные ожидания, задающие относительно предсказуемые траектории жизненного пути. В условиях постмодернистского и сетевого поворота идентичность оказывается множественной, фрагментированной и принципиально рефлексивной: субъект вынужден непрерывно соотносить себя с изменчивыми дискурсами, образами и режимами принадлежности [1].

Цифровая трансформация радикализирует эту

тенденцию, переводя конструирование Я-концепции в режим перманентного онлайн-перформанса. Эмпирические данные о повседневных практиках молодежи показывают, что значительная часть бодрствования протекает в цифровых средах, где границы между «онлайн» и «офлайн» утрачивают прежнюю чёткость [18]. В результате идентичность больше не может рассматриваться как продукт исключительно «материального» социального взаимодействия: она в возрастающей степени формируется в логике цифровых интерфейсов, социальных сетей, мессенджеров, игровых и профессиональных платформ. Это ставит ряд ключевых вопросов: каким образом субъект осуществляет самопрезентацию в условиях почти неограниченных технических возможностей редактирования и тиражирования собственного образа? При каких условиях цифровая идентичность может претендовать на аутентичность, а когда она редуцируется до перформативного, алгоритмически поддерживаемого конструкта?

Теоретико-методологические основания анализа цифровой идентичности

Анализ стратегий конструирования идентичности в цифровой среде опирается на несколько пересекающихся теоретических традиций социальной психологии и смежных дисциплин. Символический интеракционизм Дж. Мида акцентирует роль «значимых» и «обобщённого» Другого в становлении самости, подчёркивая, что Я-концепция формируется в процессе интериоризации оценочных ожиданий и социальных норм [14]. В цифровом контексте функции такого Другого частично берут на себя не только реальные участники взаимодействия, но и агрегированные аудитории, считываемые по метрикам видимости и одобрения (просмотры, лайки, комментарии), а также алгоритмические системы, задающие структуру доступного социального опыта [20].

Драматургическая модель Э. Гоффмана предлагает продуктивную оптику для рассмотрения цифровой идентичности как специфической формы «публично-го представления себя» в условиях множественных и технически тиражируемых сцен. В классической схеме различие «фронтальной сцены» и «закулисы» предполагало возможность относительного разведения публичного образа и интимного, «подлинного» Я [11]. В цифровых средах это разведение радикально проблематизируется: социальные платформы множат иерархию сцен, аудитории становятся перемешанными и частично невидимыми для субъекта, а цифровой след уничтожает привычные режимы забвения и приватности. Идентичность в этом случае всё в меньшей степени выступает как предшествующее выражению психологическое содержание и всё в большей актуализируется как результат последовательных, адресованных воображаемой и реальной аудитории актов перформативной самопрезентации.

Теория социальной идентичности А. Тэшфела и Дж. Тёрнера [24, 25] позволяет интерпретировать цифровые платформы как пространство конструирования иерархии внутригрупповых и межгрупповых границ [4]. Социальная идентичность, понимаемая как аспект Я-концепции, производный от принадлежности к значимым группам, в онлайн-среде материализуется через участие в сообществах, фан-базах, профессиональных и идеологических объединениях. Сетевые среды упрощают поиск «своих» и интенсифицируют внутригрупповой фаворитизм, одновременно обостряя символические и аффективные дистанции с «чужими». Таким образом, цифровая идентичность выступает не только как индивидуальный проект, но и как продукт коллективных процессов категоризации, сравнения и символического соперничества.

Ш. Тёркл, анализируя феномен множественных виртуальных «Я», показала, что цифровые технологии создают

относительно безопасное пространство экспериментирования с идентичностью, позволяя субъекту проигрывать альтернативные роли и сценарии самости, затруднённые в офлайн-контекстах. Для подростков и молодёжи эти эксперименты выполняют функцию возрастной задачи - поиск и интеграция эго-идентичности. В то же время Тёркл указывает на риск фрагментации и трудностей интеграции разнородных Я-репрезентаций в целостный нарратив, особенно в условиях, когда логика платформ сдвигается от анонимных и псевдонимных пространств к режиму «реальной идентичности» с политиками верификации профиля и визуальной аутентификации. [3].

Встраивание этих подходов в современную проблематику цифровой идентичности требует учёта не только межличностного и межгруппового уровней анализа, но и алгоритмического измерения, в рамках которого платформы и ИИ-системы выступают как специфические акторы, структурирующие поле возможных идентификаций и самопрезентаций [2, 12].

Цифровая идентичность: конструирование, многослойность и защита в социальных сетях

Современные концепции цифровой идентичности предлагают рассматривать её как особый вариант социальной идентичности, возникающий в результате глубокой интеграции субъекта в информационно-коммуникационную среду. Л.Б. Шнейдер и В.В. Сыманюк подчёркивают, что цифровая идентичность перестаёт быть лишь надстройкой над «реальной» идентичностью и становится неотъемлемым компонентом общей Я-концепции, особенно для поколений, чья социализация изначально протекает в онлайн [21].

Эмпирические исследования Г.В. Солдатовой и коллег демонстрируют, что для подростков цифровая составляющая социальной идентичности нередко приобретает статус ведущей: юные пользователи описывают себя преимущественно через роли, актуализирующиеся в сети - пользователя, контент-создателя, модератора, участника сообществ. При этом репертуар самоописаний в онлайн- и офлайн-контекстах существенно расходится: в цифровой среде преобладают более позитивные, эстетически и статусно оптимизированные образы, что указывает на высокую субъективную привлекательность виртуальной сцены как пространства признания и самоутверждения [10, 18].

Ключевым измерением цифровой идентичности становится стратегия её защиты и управления уязвимостью. Платформы, ориентированные на «реальную идентичность» (например, VKontakte), предъявляют субъекту требование поддерживать консистентный публичный образ перед гетерогенной аудиторией, включающей родственников, коллег, одноклассников и незнакомцев.

Это усиливает значимость селективного самораскрытия, управления приватностью и дифференцированных линий самопрезентации в различных сегментах сети.

Е.П. Белинская показывает, что виртуальная коммуникация предоставляет пользователю расширенные возможности самоконструирования благодаря технологическим характеристикам среды: потенциальной анонимности, асинхронности взаимодействия, опции многократного редактирования и курирования контента перед публикацией [5]. С психологической точки зрения это означает смещение от спонтанной, ситуативно детерминированной самопрезентации к более рефлексивным и стратегическим формам «работы над образом», где субъект одновременно выступает и как автор, и как редактор, и как аудитория собственного цифрового Я.

Одновременно политика «реальных имён», обязательная визуальная аутентификация и накопление цифровых следов формируют ситуацию радикальной прозрачности. Любое действие пользователя (лайки, комментарии, репосты и т.п.) оказывается потенциально фиксируемым, архивируемым и поддающимся алгоритмическому анализу. Это стимулирует развитие превентивной самоцензуры и конформизации: страх негативной оценки, «отмены» или стигматизации усиливает давление социальных и платформенных норм, ограничивая диапазон допустимых проявлений и, как следствие, сужая пространство аутентичной самопрезентации.

В условиях смешанной реальности граница между онлайн- и офлайн-идентичностями теряет бинарный характер. Речь всё чаще идёт о сложной конфигурации «перекрывающихся» идентичностных слоёв, где одни аспекты Я (когнитивные интересы, творческие способности, профессиональные компетенции) актуализируются и укрепляются в обоих контекстах, тогда как другие (семейные, религиозные или академические роли) могут быть селективно репрезентированы в сети. Такая неоднородность требует от субъекта высокоразвитых рефлексивных и регуляторных способностей для интеграции разнородных фрагментов опыта в относительно согласованный нарратив о себе [23].

Общество контроля, перформативность и коммодификация идентичности

Для понимания макросоциального контекста цифровых трансформаций идентичности продуктивным оказывается различие дисциплинарного общества и общества контроля, предложенное Ж. Делёзом. В дисциплинарной логике М.Фуко субъектность формируется в институционально ограниченных пространствах (школе, армии, фабрике, психиатрической клинике), где индивид интериоризирует нормы и становится носителем собственной дисциплины. В обществах контроля,

по Делёзу, власть распределяется через сетевые инфраструктуры, потоки данных и алгоритмы прогнозирования поведения. Контроль становится распределённым, проникающим во все поры жизни общества [22].

Цифровые платформы, социальные сети, поисковые системы и системы аналитического трекинга реализуют эту логику, превращая повседневные действия пользователей в массив предиктивных данных. В такой конфигурации традиционная иерархия между «закулисным» и «фронтальным» Я размывается: то, что субъект воспринимает как временную, незначимую или «приватную» активность, оказывается включённым в долговременный цифровой архив (след).

Понятие перформативности в этом контексте приобретает радикализованный смысл. Цифровое Я не просто выражает существующее внутреннее содержание, но актуально конституируется в самом акте публичной презентации, которая подчинена форматам платформы, алгоритмическим приоритетам, нормам сообщества и экономической логике монетизации внимания. Молодой пользователь оказывается в ситуации, когда от него ожидается конструирование идентичности, одновременно переживаемой как «подлинная» (соответствующая субъективному опыту и ценностям) и «успешная» (конвертируемая в лайки, репосты, подписчиков и символический социодигитальный капитал) [9, 17]. Напряжение между этими двумя полюсами (аутентичностью и перформативной эффективностью) становится центральным психологическим конфликтом цифровой эпохи.

Анализ Д. Харви феномена фетишизма в позднем капитализме позволяет по-новому осмыслить экономическое измерение цифровой идентичности [19]. В логике цифровой экономики идентичность сама превращается в товар: данные о предпочтениях, связях, образе жизни и эмоциональных реакциях пользователя собираются, агрегируются и продаются как коммерчески значимый ресурс. Психологически это означает сдвиг от субъективного владения собственным образом к его функциональной эксплуатации внешними акторами. При этом большинство пользователей остаётся в неведении относительно объёма, структуры и путей использования своих данных, поскольку эти процессы скрыты в «закулисье» алгоритмических операций [13].

Технологии синтетического контента (deepfake) радикализируют проблему аутентичности: цифровой образ личности может быть сконструирован безотносительно к её реальному поведению и высказываниям [26]. На уровне идентичности это создаёт ситуацию, в которой симулякр не просто маскируется под оригинал, но функционально замещает его, становясь для части аудитории единственным доступным «источником» информации о человеке [8]. Такая возможность подрывает доверие

к визуальным и аудиодоказательствам, усложняя процессы формирования и защиты репутации, а также усиливая тревогу по поводу утраты контроля над собственным образом.

Трансформация доверия, эмпатии и опыта признания в диалогах с искусственными агентами

Классическое социально-психологическое понимание доверия исходит из ожидания доброжелательности, честности и предсказуемости поведения значимого Другого. Взаимодействие с цифровыми платформами и искусственно-интеллектуальными системами качественно трансформирует это представление. Чат-боты, виртуальные ассистенты и рекомендательные системы, опирающиеся на генеративные модели, имитируют диалогичность, эмоциональную отзывчивость и персонализированное внимание к пользователю. Субъект нередко приписывает таким системам намерения, понимание и даже эмпатию, несмотря на отсутствие у них субъективного опыта и сознания.

С позиции психологического осмысления чат-боты и другие ИИ-агенты функционируют как инструменты нарративной ко-конструкции идентичности. Пользователь раскрывает элементы жизненного опыта, ценностей и переживаний, получая в ответ структурированный, грамматически выверенный отклик, который интерпретируется как форма признания, даже если он является результатом алгоритмической обработки текста. В таких взаимодействиях формируется иллюзия диалогического Другого: ИИ-система «отвечает» на самопрезентацию, подкрепляя определённые самоописания и интерпретации. Однако в сартровском смысле она не способна «встретить» субъекта как радикально иного: ей недостаёт трансцендентности, относительной непредсказуемости и экзистенциального риска, которые характеризуют межчеловеческие отношения [16].

Практические импликации и горизонты исследований цифровой идентичности

Цифровые платформы, на которых разворачиваются основные процессы конструирования и презентации идентичности, не являются нейтральной инфраструктурой. Они воплощают в себе определённые ценностные предпосылки и организационные интересы, в которых приоритетом выступают удержание внимания, рост вовлечённости и монетизация пользовательской активности [15]. Психологическое благополучие, развитие рефлексивной автономии и поддержка аутентичной самости чаще всего оказываются побочными или декларативными целями.

Отсюда вытекает необходимость развёрнутого междисциплинарного диалога между психологами, социо-

логами, философами, специалистами по данным и разработчиками цифровых продуктов [27], [28]. Речь идёт не только о критике существующих практик, но и о совместном проектировании таких архитектур цифровой среды, которые способствовали бы формированию интегрированной, для внутренних и внешних контекстов согласованной идентичности, а не только конформной, адаптированной к требованиям финансово грамотной и алгоритмической рациональности.

Психологическая наука в этом контексте оказывается призвана не только описывать и объяснять трансформации идентичности, но и участвовать в выработке этических и регуляторных рамок, обеспечивающих защиту автономии, достоинства и права субъекта на контроль над своими данными и образом [29]. Особую значимость приобретает развитие критического цифрового мышления и метакомпетенций у пользователей, позволяющих распознавать манипулятивные практики, дифференцировать аутентичные и перформативные аспекты собственной самопрезентации и выстраивать более осознанные стратегии участия в цифровых экосистемах.

Этическое измерение цифровых взаимодействий становится необходимой рамкой разработки стратегий конструирования идентичности. Нормативная регуляция практик платформ должна учитывать возрастные, когнитивные и уязвимые группы пользователей, поддерживая их автономию в выборе траекторий самопрезентации и самоописания. Принципы прозрачности алгоритмов, ответственности платформ за психическое благополучие аудитории, ограничения манипулятивных технологий и защиты права на забвение непосредственно связаны с задачей сохранения пространства для подлинной, а не исключительно перформативной самореализации в сети.

Отдельного исследовательского внимания заслуживает взаимодействие с искусственными интеллектуальными агентами как новым типом «значимого» или, по крайней мере, регулярно присутствующего Другого. По мере роста «социальной» сложности и относительной автономности таких систем необходимо анализировать спектр активируемых психологических механизмов (проекции, интроекции, переносов, антропоморфизации) и их влияние на структуру идентичности, дифференциацию границ между Я и технологическим окружением, а также на опыт аутентичности и самопринятия.

Заключение: к новой этике цифровой субъектности

Конструирование идентичности в цифровой среде представляет собой не просто адаптацию классических психологических механизмов к новым технологическим условиям, но качественное изменение форм существо-

вания личности в современном обществе. Цифровая идентичность одновременно более пластична и более жёстко структурирована, чем идентичность в традиционных социальных контекстах: она открывает беспрецедентные возможности для самовыражения и экспериментирования, но помещает субъекта в пространство усиленного давления алгоритмических систем управления, групповых норм и экономики внимания.

Теоретические рамки, предложенные Гоффманом, Тэшфелом и Тёрнером, Тёркл и другими исследователями, сохраняют объяснительный потенциал, однако требуют существенного расширения с учётом влияния алгоритмов, логики коммодификации личности и необходимости новой этики цифровых отношений. Ключевое противоречие современности состоит в следующем: расширение технологического инструментария, призванного обеспечить аутентичность и многомерность самопрезентации личности, одновременно провоцирует усиление отчуждения индивида от собственной идентич-

ности. Последняя фрагментируется на множество цифровых следов, которые впоследствии подвергаются внешней интерпретации, прогнозированию и управлению.

Вопрос о стратегиях конструирования идентичности в цифровой среде оказывается напрямую связан с сохранением человеческого достоинства, автономии и условий для подлинного диалога в эпоху алгоритмического управления. Гуманитарная экспертиза (психологическая, социологическая, философско-этическая) должна не только описывать последствия цифровой трансформации, но и задавать вектор развития технологических систем, участвуя в их этическом и нормативном проектировании.

В этом смысле психология цифровой идентичности становится исследовательским полем, призванным концептуализировать и взять на себя ответственность за становление новых модусов субъектности в цифровой среде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Г.М. К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. — 2011а. — Т. 4, № 20. — URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/804> (дата обращения: 04.03.2026). — DOI:10.54359/ps.v4i20.804.
2. Андреева Г.М. Презентации идентичности в контексте взаимодействия [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. — 2012. — Т. 5, № 26. — URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/731?fontstyle=f-larger> (дата обращения 04.03.2026) — DOI:10.54359/ps.v5i26.731.
3. Аристархова И.Л. Теркл Ш. Жизнь на экране: идентичность в эпоху Интернета. Turkle S. life on the screen: identity in the age of the Internet. New York: Simon & Schuster, 1995. 347 с. // Социологический журнал. — 1998. — № 3—4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tekl-sh-zhizn-na-ekrane-identichnost-v-epohu-interneta-turkle-s-life-on-the-screen-identity-in-the-age-of-the-internet-new-york-simon-schuster> (дата обращения 04.03.2026)
4. Баклушинский С.А., Белинская Е.П. Развитие представлений о понятии «социальная идентичность» // Социальная психология: Хрестоматия: учеб. пособие для студентов вузов / сост. Е.П. Белинская, О.А. Тихомандрицкая. — М.: Аспект Пресс, 2003. — С. 356—364.
5. Белинская Е.П. Психология Интернет-коммуникации: учеб. пособие / Е.П. Белинская. — М.: МПСУ; Воронеж: МОДЭК, 2013. — 192 с. — (Серия «Социальная психология»).
6. Белинская Е.П. Кризис идентичности в условиях радикальных социальных изменений // Идентичность и организация в изменяющемся мире: сб. науч. тр. / отв. ред. В.С. Дудченко. — М.: ГУ-ВШЭ, 2009. — С. 10—25.
7. Белинская Е.П. Современные исследования идентичности: от структурной определенности к процессуальности и незавершенности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. — 2018. — Т. 8, вып. 1. — С. 6—15. — DOI:10.21638/11701/spbu16.2018.101. URL: https://psyjournals.ru/journals/vspu_psychology/archive/2018_n1/Belinskaya (дата обращения 05.03.2026)
8. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. А. Качалова. — М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. — 240 с.
9. Голубева Н.А. Особенности цифровой идентичности подростков и молодежи в современном технологическом обществе // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». — 2020. — № 1. — С. 130—150. — DOI:10.28995/2073-6398-2020-1-130-150. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-tsifrovoy-identichnosti-podrostkov-i-molodezhi-v-sovremennom-tehnologicheskom-obschestve> (дата обращения 05.03.2026)
10. Социальные взаимодействия в контексте цифровой социализации молодежи [Электронный ресурс] / О.В. Гончарова, А.В. Липатова, Г.В. Напреенко. — Электрон. текстовые дан. — Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2024. — Кн. 4. — 203 с. — (Цифровая социализация и цифровая компетентность молодежи в условиях глобальных системных изменений). — Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. — URL: <https://drive.google.com/drive/folders/1CWt1dTqH8jmaD3GHK1ssHiTdtD2xlZN?usp=drive-link> (дата обращения: 05.03.2026). — ISBN 978-5-00130-863-8.
11. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман; пер. с англ. А.Д. Ковалева. — М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2000. — 304 с. — (Малая серия «LOGICA SOCIALIS» в серии «Публикации Центра Фундаментальной Социологии»). URL: [https://cfs.hse.ru/data/2016/04/07/1127142131/Гофман%20-%20Представление%20себя%20другим%20в%20повседневной%20жизни%20\(2000\).pdf](https://cfs.hse.ru/data/2016/04/07/1127142131/Гофман%20-%20Представление%20себя%20другим%20в%20повседневной%20жизни%20(2000).pdf) (дата обращения: 05.03.2026).
12. Кондаков А.М., Костылева А.А. Цифровая идентичность, цифровая самоидентификация, цифровой профиль: постановка проблемы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования. — 2019. — Т. 16, № 3. — С. 207—218. — DOI:10.22363/2312-8631-2019-16-3-207-218. URL: <https://journals.rudn.ru/informatization-education/article/viewFile/22165/17388> (дата обращения 05.03.2026)
13. Манович Л. Язык новых медиа / Лев Манович. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. — 400 с.

14. Мид Дж.Г. Разум, Я и общество (Главы из книги). G.H. Mead. Mind, Self and Society. Chicago, 1934. P. 135—144, 164—178, 192—200 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: Реферативный журнал. — 1997. — С. 162—195. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/97-04-041-dzh-g-mid-razum-ya-i-obschestvo-glavy-iz-knigi-g-h-mead-mind-self-and-society-chicago-1934-p-135-144-164-178-192-200> (дата обращения: 04.03.2026).
15. Паризер Э. За стеной фильтров. Что Интернет скрывает от вас? / Эли Паризер; пер. с англ. А. Ширикова. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2012. — 304 с. — URL: https://autor-com.narod.ru/za_stenoi_filtrov.pdf (дата обращения: 04.03.2026).
16. Сартр Ж.П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Ж.П. Сартр; пер. с фр., предисл., примеч. В.И. Колядко. — М.: Республика, 2000. — 639 с. — (Мыслители XX века). — ISBN 5-250-02729-6.
17. Солдатова Г.У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. — 2018. — Т. 9, № 3. — С. 71—80. — DOI:10.17759/sps.2018090308. URL: https://psyjournals.ru/journals/sps/archive/2018_n3/Soldatova (дата обращения 05.03.2026)
18. Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Илюхина С.Н. Я-реальное и Я-виртуальное: идентификационные матрицы подростков и взрослых // Культурно-историческая психология. — 2022. — Т. 18, № 4. — С. 27—37. — DOI:10.17759/chp.2022180403. URL: https://psyjournals.ru/journals/chp/archive/2022_n4/Soldatova_et_al (дата обращения 05.03.2026)
19. Харви Д. Состояние постмодерна: Исследование истоков культурных изменений / Д. Харви; пер. с англ. Н. Проценко; под науч. ред. А. Павлова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — 2-е изд. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. — 576 с. — (Социальная теория). — ISBN 978-5-7598-4180-7 (в пер.). — ISBN 978-5-7598-4260-6 (e-book).
20. Чубаров И.М., Попова Т.А., Сенцова К.А. Цифровой другой: проблемы идентичности в парадигме искусственного интеллекта // Международный научно-исследовательский журнал «Философская антропология, философия культуры». — 2024. — № 3 (141). — DOI:10.23670/IRJ.2024.141.54. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-drugoy-problemy-identichnosti-v-paradigme-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения 05.03.2026)
21. Шнейдер Л.Б., Сыманюк В.В. Пользователь в информационной среде: цифровая идентичность сегодня [Электронный ресурс] // Психологические исследования. — 2017. — Т. 10, № 52. — С. 7. — URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n52/1406-shneider52.html> (дата обращения: 04.03.2026).
22. Deleuze G. Post-scriptum sobre las sociedades de control [Электронный ресурс] // Polis [En línea]. — 2006. — № 13. — URL: <http://journals.openedition.org/polis/5509> (дата обращения: 04.03.2026).
23. Joseph J. The algorithmic self: how AI is reshaping human identity, introspection, and agency // Frontiers in Psychology. — 2025. — Vol. 16. — P. 1645795. — DOI:10.3389/fpsyg.2025.1645795. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2025.1645795/full> (дата обращения: 05.03.2026).
24. Tajfel H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behavior // Psychology of Intergroup Relations / ed. W.G. Austin, S. Worchel. — 2nd ed. — Chicago: Nelson-Hall, 1986. — P. 7—24.
25. Tajfel H., Turner J.C. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // Political Psychology. — 2004. — P. 276—293.
26. Westerlund M. The Emergence of Deepfake Technology: A Review [Электронный ресурс] // Technology Innovation Management Review. — 2019. — Vol. 9, № 11. — P. 39—52. — URL: https://www.researchgate.net/publication/337644519_The_Emergence_of_Deepfake_Technology_A_Review (дата обращения: 04.03.2026).
27. Бакланова О.А., Фархиева С.А., Федотова М.Ю. Философские и экономико-математические предпосылки истории использования искусственного интеллекта // Дискуссия. — 2025. — № 2(135). — С. 34–40.
28. Кривчун Н.А., Уманская О.Л. Научные исследования идентичности в реалиях современного мира // Евразийский юридический журнал. — 2025. — № 1(200). — С. 598.
29. Даитова П.И. Языковой аспект в определении идентичности // Human Progress. — 2025. — Т. 11, № 4. — DOI 10.46320/2073-4506-2025-4a-28.

© Пушкарь Галина Александровна (pushkar2014@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОФЕССИОГРАММА КАК ИНСТРУМЕНТ ОЦЕНКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРИГОДНОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

PROFESSIONAL PROGRAM AS A TOOL FOR ASSESSING THE PROFESSIONAL COMPETENCE OF INFORMATION SECURITY SPECIALISTS

**V. Stepankova
D. Alieva
D. Alekseyev**

Summary: In this article, a professionogram of specialists in the field of information security is proposed for consideration. Normative legal acts, job descriptions of specialists of the specified profile, as well as educational programs of training in this area, were used as materials for analysis, expert assessments were carried out. According to the results of processing, we present a generalized, including an extensive content of blocks, visual professionogram.

Keywords: information security specialists, professionogram, professionogram of information security specialists, IT specialists, and information security specialists.

Степанкова Виктория Алексеевна

кандидат психологических наук, преподаватель,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
i@vstepankova.ru

Алиева Дарья Вячеславовна

кандидат психологических наук, доцент, Московский
университет МВД России имени В.Я. Кикотя
dasha_rusik@mail.ru

Алексеев Дмитрий Евгеньевич

кандидат психологических наук, Московский
университет МВД России имени В.Я. Кикотя
d.alexeev@list.ru

Аннотация: В данной статье предлагается к рассмотрению профессиограмма специалистов в области информационной безопасности. В качестве материалов для анализа были использованы нормативно-правовые акты, должностные регламенты специалистов указанного профиля, а также образовательные программы подготовки данного направления, проведены экспертные оценки. По результатам обработки нами представлена обобщенная, включающая в себя обширное содержание блоков, наглядная профессиограмма.

Ключевые слова: специалисты информационной безопасности, профессиограмма, профессиограмма специалистов информационной безопасности, IT-специалисты, ИБ-специалисты.

Введение

Современный мир очень тяжело представить без информационных технологий, глобальной цифровизации, нейросетей, IT-специалистов и тд. Повсеместное использование сетей-интернет обязывает нас соблюдать осторожность как обычных пользователей, чтобы наши данные не попали в руки злоумышленников, интернет-хакеров, мошенников. Именно деятельность последних бросает вызов для качественной подготовки специалистов информационной безопасности и делает деятельность сотрудников указанного профиля особенно важной в структуре органов внутренних дел. Необходимо не просто готовить специалистов с определенным набором soft и hard skills, а четко определить требования к ним.

На начальных этапах исследования в области развития профессионального психологического отбора идеи оставались разрозненными, однако постепенно стали формироваться научные школы, закладывавшие фундаментальные основы психологии служебной деятельности. Существенный прорыв в развитии данной тематики связан с работами И.Б. Лебедева [5], А.М. Столяренко [13] и В.Л. Цветкова [14]: учёные сформулировали ключевые

принципы психологического сопровождения на всех этапах профессионального пути сотрудника — начиная с первичного отбора кандидатов и заканчивая программами развития компетенций для действующих специалистов.

В 1990-х годах исследовательский фокус сместился в сторону практических задач. Благодаря усилиям Б.П. Бархаева, В.И. Хальзова и Ю.В. Чуфаровского [15] появилась первая дифференцированная классификация профессионально важных качеств, учитывающая специфику различных подразделений МВД. Этот научный результат стал важным шагом вперёд — он позволил отказать от абстрактных представлений о профессиональной пригодности и перейти к чётким, измеримым критериям оценки персонала.

Новый этап развития исследований пришёлся на 2000-е годы. М.И. Марьин, В.С. Медведев и В.Ф. Перевалов [8] сосредоточились на создании детализированных моделей профессиональной деятельности для разных специальностей сотрудников полиции. Разработанные ими профессиограммы и психогаммы не ограничивались простым перечислением формальных требований к должности — они выделяли личностные качества, кри-

тически важные для успешного выполнения служебных задач в реальных условиях.

Параллельно углублялось понимание роли психологической устойчивости в профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов. В работах А.Г. Караяни указывается, что в экстремальных ситуациях эффективность сотрудника во многом определяется способностью сохранять самообладание, оперативно принимать решения при дефиците информации и осознанно контролировать эмоциональные реакции [4]. Эти качества постепенно стали неотъемлемой частью общепринятого представления о профессионально важных характеристиках сотрудников силовых структур.

Практическим результатом многолетних исследований стало внедрение в 2012–2015 гг. профессиональных стандартов в системе МВД РФ (сотрудники патрульно-постовой службы, участковые уполномоченные, следователи) были чётко прописаны необходимый уровень знаний и умений, требуемый набор профессионально важных качеств и критерии оценки эффективности деятельности. Таким образом, научные наработки обрели практическое воплощение: сформировалась единая система оценки и подготовки кадров, обеспечивающая высокий уровень профессионализма в органах внутренних дел.

Специфика анализа профессиональной деятельности специалистов в области информационной безопасности органов внутренних дел заключается в учете не только специально-технических умений, но и объединение некоторых профессионально важных качеств с сотрудниками полиции.

Если обратиться к Федеральному закону от 07.02.2011 № 3 ФЗ «О полиции», можно проследить пересечение требований к специалистам в области информационной безопасности органов внутренних дел с профессионально важными качествами сотрудников полиции [12]. Цели и задачи полиции — защита жизни, здоровья, прав и свобод граждан, обеспечение общественного порядка, выявление и пресечение правонарушений — предполагают высокий уровень правосознания, социальной ответственности и гражданской зрелости. Сотрудник, как и специалист информационной безопасности, должен уметь принимать решения в сложных, порой конфликтных ситуациях, демонстрируя при этом стрессоустойчивость и профессиональную компетентность [12].

Принципы деятельности — соблюдение прав человека, законность, беспристрастность, открытость, доверие общества, взаимодействие с другими структурами, использование современных технологий — задают рамку морально-этических требований.

Специалисту в области информационной безопасно-

сти необходимо не только знать необходимые нормативно-правовые акты, но и уметь на практике использовать и применять их положения в своей профессиональной деятельности.

Ключевым элементом профессиональной подготовки выступает понимание природы угроз и уязвимостей современных информационных систем. Специалист должен не просто распознавать типовые атаки, но и разбираться в механизмах их реализации, а также уметь выявлять слабые места защищаемых объектов ещё до того, как они станут мишенью злоумышленников. Это предопределяет необходимость владения навыками комплексного анализа рисков: от тщательной идентификации потенциальных угроз до взвешенной оценки их вероятности и возможных последствий. На основе проведённого анализа разрабатываются превентивные и оперативные меры, позволяющие минимизировать потенциальный ущерб.

Не менее значимым аспектом профессиональной деятельности является способность проектировать, внедрять и сопровождать комплексные системы защиты информации [12]. В их состав входят разнообразные технические решения: от средств противодействия несанкционированному доступу и антивирусных программ до систем обнаружения вторжений и иных инструментов, обеспечивающих многоуровневую защиту. Существенную роль при этом играет регулярное проведение аудитов информационной безопасности. Систематическая проверка соответствия текущих процессов законодательным и нормативным требованиям позволяет заблаговременно обнаруживать пробелы в системе защиты и оперативно их устранять, не дожидаясь возникновения реальных инцидентов [12].

Особого внимания заслуживает способность специалиста оперативно реагировать на возникающие угрозы. В случае компрометации данных критически важно не только быстро выявить сам факт нарушения, но и провести первичное расследование для установления его причин и масштабов, а затем принять меры по ликвидации последствий и скорейшему восстановлению работоспособности систем. Успешное выполнение этих задач невозможно без глубокого понимания принципов работы сетевых технологий и операционных систем — именно на их уровне чаще всего реализуются как угрозы, так и контрмеры. Кроме того, специалист должен уверенно владеть специализированными инструментами информационной безопасности: сканерами уязвимостей, анализаторами сетевого трафика, системами мониторинга и реагирования на инциденты.

При этом технические и нормативные компетенции, сколь бы значимыми они ни были, не исчерпывают требований к современному специалисту. Не меньшую

роль играют личностные качества, напрямую влияющие на эффективность профессиональной деятельности.

Способность управлять собственным эмоциональным состоянием позволяет не только выдерживать периоды пиковой нагрузки, но и поддерживать высокий уровень работоспособности в долгосрочной перспективе.

Информационная безопасность — одна из самых динамично развивающихся областей. Угрозы, технологии, методы атак и защитные механизмы меняются практически ежедневно. Компетентность указанных специалистов является ключевым понятием, существующие системы безопасности данных очень уязвимы и постоянно находятся в зоне риска, обучение новому и интерес к развитию способствуют актуализации знаний. Благодаря этому IT-специалисты могут быть готовыми к любым, даже новым атакам. Умение работать в условиях ограниченного времени, а также точно обрабатывать поступающую информацию является неотъемлемой частью профессионально важных качеств специалистов указанного профиля [12].

Во время расследования инцидента ИБ-специалист способен быстро синтезировать данные из нескольких систем мониторинга, оценить угрозу и запустить процедуру реагирования, минимизируя время ответа.

Методы

Для достижения объективизации полученных результатов был выбран метод экспертных оценок. Этот метод представляет собой комплекс логических и математико-статистических процедур, позволяющих осуществлять оценку степени адаптации различных параметров на основе мнений группы экспертов.

На основе анализа нормативно-правовых актов, должностных регламентов, образовательных программ подготовки специалистов информационной безопасности и научной литературы, был сформирован список когнитивных и личностных характеристик, необходимых для успешной работы в указанной сфере. Экспертами являлись высококвалифицированные специалисты в области информационной безопасности, включая руководителей отделов, практикующих аналитиков, аудиторов, а также преподавателей вузов, специализирующихся на кибербезопасности.

Результаты и их обсуждение

Профессиограмма представляет собой компиляцию полученных в ходе анализа и математико-статистической обработки результатов, и состоит из 4 блоков: особенности профессии; содержание служебной деятельности; условия службы, особенности ее регламента;

основные требования к профессиональной деятельности и личности сотрудника.

Каждый блок разделен на смыслообразующие дефиниции, обладающие характеристиками.

Первый блок представлен особенностями профессии и разделен на специальность «Специалист по защите информации» и род деятельности оперативно-служебная деятельность в сфере обеспечения информационной безопасности, защиты государственной и служебной информации, противодействия киберугрозам.

Второй блок содержит подробное описание ключевых составляющих содержания служебной деятельности, к ним относится объект деятельности, которым, в зависимости от поставленной задачи, могут являться:

- персональные данные сотрудников и граждан, обрабатываемые в системах МВД;
- инфраструктура связи и передачи данных;
- информационные ресурсы и системы МВД (базы данных, ведомственные сети);
- электронные доказательства и цифровые следы преступлений;
- объекты критической информационной инфраструктуры ведомства.
- электронные доказательства и цифровые следы преступлений;
- объекты критической информационной инфраструктуры ведомства.

Предмет деятельности специалистов в области информационной безопасности:

- уязвимости информационных систем и сетей;
- нормативно-правовая база в сфере информационной безопасности и защиты информации;
- угрозы информационной безопасности (кибератаки, утечки, вредоносное ПО, социальная инженерия);
- методы и средства защиты информации (криптография, czi, dlp, siem и др.);
- инциденты информационной безопасности и их расследование.

Цель деятельности данных специалистов - обеспечение конфиденциальности, целостности и доступности информации в системах МВД; предотвращение, выявление и пресечение неправомерного доступа к информации; защита от деструктивных воздействий на информационные ресурсы ведомства; поддержание устойчивого функционирования критической информационной инфраструктуры МВД.

Задачи деятельности достаточно обширны, представляют собой: мониторинг и анализ угроз информационной безопасности в реальном времени; выявление

и устранение уязвимостей информационных систем; расследование инцидентов информационной безопасности, сбор цифровых доказательств; организация криптографической и технической защиты информации; контроль соблюдения требований информационной безопасности сотрудниками и подрядчиками; разработка и актуализация регламентов, инструкций, политик информационной безопасности; проведение аудитов и тестирований на проникновение; взаимодействие с другими подразделениями министерства внутренних дел и внешними структурами по вопросам информационной безопасности; обучение персонала основам информационной безопасности и кибергиены;

Функции специалиста в области информационной безопасности:

- аналитическая: анализ угроз, рисков, инцидентов, логов, трафика;
- оперативная: реагирование на инциденты, блокировка угроз, восстановление сервисов;
- нормативно-методическая: разработка и внедрение регламентов, стандартов, инструкций;
- техническая: настройка и администрирование СЗИ, мониторинг систем;
- следственно-розыскная: сбор и фиксация цифровых доказательств, взаимодействие со следственными подразделениями;
- контрольно-надзорная: проверки, аудиты, контроль доступа и учёта;
- просветительская: обучение и инструктаж персонала.

Стороны деятельности подразделяются на правовую: соблюдение законов, приказов МВД, требований ФСТЭК/ФСБ/Роскомнадзора; техническую: работа с СЗИ, сетями, серверами, ПО; оперативно-розыскную: выявление и документирование противоправных действий; организационно-управленческую: планирование, координация, отчётность;

Третий блок раскрывает условия службы, особенности ее регламента, и содержит описание характера деятельности - преимущественно умственный (анализ, принятие решений, моделирование угроз); с элементами оперативного реагирования (круглосуточный мониторинг, ликвидация инцидентов); регламентированный (строгие нормативы, приказы, процедуры); высокоответственный (защита гостайны, персональных данных, критической информационной инфраструктуры); инновационный (освоение новых технологий, методов защиты, тактик злоумышленников)

Напряженность деятельности: высокая информационная нагрузка (анализ больших объёмов данных, собитий); стрессовость при реагировании на критические инциденты (утечки, атаки); необходимость быстрого

принятия решений в условиях неопределённости; ответственность за сохранность гостайны и персональных данных; давление сроков при расследовании и ликвидации последствий атак; необходимость круглосуточной готовности (для дежурных смен);

Основные требования к профессиональной деятельности и личности сотрудника составляет самый важный блок профессиограммы. Наиболее важные профессиональные качества специалистов в области информационной безопасности представлены когнитивной сферой, включающей интуитивное распознавание аномалий; аналитическое мышление; когнитивный контроль; способность к многозадачности и удержанию в памяти множества данных; критическое мышление; умение работать с большими объёмами информации; наблюдательность; внимательность к деталям; креативность;

Наиболее важные личностные включают регулятивную сферу, а именно: саморегуляция и эмоциональный контроль; адаптивная ригидность; дисциплинированность и соблюдение процедур; умение планировать и организовывать работу; самоконтроль и внимание к деталям; и ценностно-мотивационную сферу: скептический оптимизм; ориентация на безопасность и защиту информации; стремление к постоянному развитию; лояльность к организации и соблюдение этических норм; нацеленность на результат; чувство долга и служения государству.

Психологическая составляющая профессиональной деятельности специалистов информационной безопасности обусловлена комплексом взаимосвязанных факторов, определяющих роль и позицию субъектов этой деятельности в рамках поставленной исследовательской проблемы. В качестве детерминирующих условий выступает нормативно-регулятивная обусловленность, так как профессиональная деятельность специалистов информационной безопасности осуществляется в рамках установленных норм, традиций, стандартов и правил, которые оказывают существенное влияние на эффективность решения профессиональных задач и выступают критериями оценки успешности деятельности. Эти нормы и стандарты определяют границы допустимого поведения, требования к качеству выполняемой работы.

Следовательно, указанные профессионально важные качества можно отметить, как специфические и отнести их к профессиограмме специалистов в области информационной безопасности.

Заключение

В процессе традиционной профессиональной подготовки специалистов информационной безопасности

данным дополнительным компетенциям не уделяется достаточного внимания. В результате, освоение этих компетенций часто происходит стихийно, на основе личного опыта или путем получения дополнительного образования, что негативно сказывается на профессиональной деятельности и адаптации специалистов к динамично меняющимся условиям труда. Необходимо акцентировать внимание на поступательном развитии профессионально важных качеств, избегая стихийности при обучении данных специалистов.

В качестве практического применения предлагает-

ся использование представленной профессиограммы специалистов в области информационной безопасности для создания новой методики подготовки и повышения квалификации специалистов указанного профиля.

Таким образом, профессионально важные качества специалиста в области информационной безопасности министерства внутренних дел интегрируют технические, нормативные и личностные компоненты, образуя целостный профиль, который обеспечивает эффективность и надёжность защиты информации в рамках правоохранительной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гнездилов, Г.В. Актуальные проблемы психологии труда и профессиональной деятельности психолога [Текст]: монография / Г.В. Гнездилов, А. Б. Курдюмов, Ю.А. Чернавин; Современная гуманитарная акад. - Москва: Изд-во Современного гуманитарного ун-та, 2013. - 303 с.
2. Дулов, А.В. Судебная психология [Текст]: [Учеб. пособие для юрид. ин-тов и фак.]. - 2-е изд., испр. и доп. - Минск: Вышэйш. школа, 1975. - 462 с.
3. Ефимкин, С.В. Эффективность психологического отбора в высшие профессиональные образовательные учреждения МВД России: диссертация ... кандидата психологических наук: 19.00.03 / Ефимкин Сергей Васильевич; [Место защиты: Моск. ун-т МВД РФ]. - Москва, 2013. - 215 с.
4. Караяни, А.Г. Юридическая психология: от эксперимента к практике [Текст]: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности (030501) «Юриспруденция» / А.Г. Караяни, В.Л. Цветков. - Москва: ЮНИТИ, Закон и право, 2012. - 110 с.
5. Лебедев, И.Б. Копинг-поведение сотрудников органов внутренних дел, особенности его проявления в условиях СВО / И.Б. Лебедев // Вестник Московского университета МВД России. - 2024. - № 1. - С. 271-275. - DOI 10.24412/2073-0454-2024-1-271-275. - EDN OGEYU.
6. Лысаков, Н.Д. Психологические особенности цифровизации обучения в аэрокосмическом вузе / Н.Д. Лысаков // Психология обучения. - 2020. - № 6. - С. 92-99.
7. Мануйлов, Г.М. Психологическое управление в кризисном обществе: [Монография] / Г.М. Мануйлов, В.В. Новиков. - СПб.: Алетей, 1999. - 345, [2] с.
8. Перевалов, В.Ф. Офицерский психологический практикум / В.Ф. Перевалов. - Москва: Знание, 1991. - 62 с.
9. Поздняков, В.М. О совершенствовании профессионального психологического отбора в органы внутренних дел в аспекте превенции риска разглашения служебной тайны / В.М. Поздняков, В.Е. Петров, Д.В. Деулин // Прикладная юридическая психология. - 2025. - № 1 (70). - С. 005-015. - DOI: 10.33463/2072-8336.2025.1(70).005-015.
10. Петров, В.Е. Психологическая поддержка работы с резервом кадров в федеральных государственных бюджетных учреждениях / В.Е. Петров, Р.М. Рожнова // Парадигма. - 2025. - № 4-3. - С. 157-163.
11. Ратинов, А.Р. Судебная психология для следователей [Текст] / А.Р. Ратинов. - Москва: Юрлитинформ, 2008. - 349 с.
12. Степанкова, В.А. Психологические особенности проектирования системы формирования профессионально важных качеств специалистов в области информационной безопасности: дис. ... канд. псих. наук: 5.3.3 / Степанкова Виктория Алексеевна. - М., 2026. - 170 с.
13. Столяренко, А.М. Психология и педагогика: Учеб. пособие для вузов. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001 - 423 с.
14. Цветков, В.Л., Психология в деятельности сотрудников ОВД: учебное пособие / В.Л. Цветков. - Москва: Юстиция, 2019.
15. Чуфаровский, Ю.В. Психологические основы обеспечения безопасности сотрудников правоохранительных органов [учеб.-метод. пособие] / Ю.В. Чуфаровский. - М.: Социал.-полит. Мысль, 2003. - 89 с.

© Степанкова Виктория Алексеевна (i@vstepankova.ru), Алиева Дарья Вячеславовна (dasha_rusik@mail.ru), Алексеев Дмитрий Евгеньевич (d.alexeev@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТЬ И ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ СТИЛЬ ЛИЧНОСТИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ГРУПП СРЕДИ ВРАЧЕЙ-ПЕДИАТРОВ

STRESS RESISTANCE AND INDIVIDUAL EMOTIONAL STYLE OF PERSONALITY: A COMPARATIVE ANALYSIS OF TYPOLOGICAL GROUPS AMONG PEDIATRICIANS

D. Tedoradze

Summary: The article presents the results of an empirical study of the individual emotional style and stress resistance of pediatricians in conditions of high emotional and stress load of professional activity. The relevance of the work is due to the need for scientifically grounded diagnostics of psychological factors that determine the resistance to stress, the success of professional adaptation and the risk of professional burnout among medical workers.

The purpose of the study was to analyze the typological groups of pediatricians according to the parameters of individual emotional style and stress resistance, as well as to identify the nature of the relationships between these indicators. The sample included 137 pediatricians aged 25 to 45 years ($M = 26.80$; $SD = 2.74$), including 48 men and 89 women.

Keywords: individual emotional style of personality, stress resistance, dispositional optimism, personality traits of disposition.

Тедорадзе Диана Давидовна

*Соискатель, Кубанский государственный университет,
(г. Краснодар)
diana.tedoradze.97@mail.ru*

Аннотация: В статье представлены результаты эмпирического исследования индивидуального эмоционального стиля и стрессоустойчивости врачей-педиатров в условиях высокой эмоциональной и стрессовой нагрузки профессиональной деятельности. Актуальность работы обусловлена необходимостью научно обоснованной диагностики психологических факторов, определяющих устойчивость к стрессу, успешность профессиональной адаптации и риск профессионального выгорания среди медицинских работников. Цель исследования заключалась в анализе типологических групп врачей-педиатров по параметрам индивидуального эмоционального стиля и стрессоустойчивости, а также в выявлении характера взаимосвязей между этими показателями. В выборку вошли 137 врачей-педиатров в возрасте от 25 до 45 лет ($M = 26,80$; $SD = 2,74$), среди них 48 мужчин и 89 женщин.

Ключевые слова: индивидуальный эмоциональный стиль личности, стрессоустойчивость, диспозиционный оптимизм, личностные черты диспозиции.

Введение

Профессиональная деятельность врачей-педиатров в современных условиях отличается высокой степенью сложности: растут организационные, информационные и эмоциональные нагрузки, усиливается ответственность за жизнь и здоровье ребенка. Все это обостряет проблему сохранения психологической устойчивости и профессиональной эффективности педиатров. В подобных условиях значимыми оказываются не только общие показатели стрессоустойчивости, но и индивидуальные особенности эмоционального реагирования, переживания и саморегуляции, задающие характер профессионального поведения и влияющие на качество медицинской помощи.

Современные исследования стрессовых состояний и совладания показывают, что различия в реакции на стресс и выборе копинг-стратегий во многом обусловлены индивидуальными особенностями эмоциональной регуляции и стилем функционирования личности [9]. Стрессоустойчивость при этом понимается как многокомпонентный

феномен, связанный не только с частотой и интенсивностью стрессовых переживаний, но и с качественными характеристиками переработки стрессогенной информации, интеграцией эмоционального опыта в структуру личности и устойчивыми способами реагирования [9].

В медицинской практике особую значимость приобретает эмоциональная составляющая индивидуального стиля. Исследования Б.А. Ясько, посвященные личности врача, показывают, что типичные паттерны эмоционального реагирования, способы выражения и регуляции эмоций в значительной мере определяют характер взаимодействия с пациентами, стиль профессионального общения и стратегии принятия клинических решений [15]. Интеграция эмоциональных, когнитивных и мотивационных компонентов формирует индивидуальный стиль, который может выступать как ресурсом профессиональной устойчивости, так и фактором риска эмоционального выгорания. Для врачей-педиатров, постоянно включенных в эмоционально насыщенные контакты с детьми и их обеспокоенными родителями, этот аспект приобретает особую актуальность.

В последние десятилетия активно развивается понятие «индивидуальный эмоциональный стиль», позволяющее более дифференцированно описывать устойчивые особенности эмоционального функционирования личности. Под эмоциональным стилем Р. Дэвидсон понимает как относительно стабильную систему характеристик, отражающих типичный для человека способ переживания, выражения и регуляции эмоций, а также степень вовлеченности в эмоциональное взаимодействие [11]. Описываются такие параметры, как интенсивность и длительность эмоциональных реакций, скорость восстановления после эмоциональных переживаний, восприимчивость к эмоциональному заражению, выраженность эмпатии и способность формировать эмоциональный климат во взаимодействии.

Применительно к деятельности врача-педиатра сочетание стрессоустойчивости и индивидуального эмоционального стиля образует принципиально важное исследовательское поле. С одной стороны, стрессоустойчивость определяет способность специалиста сохранять надежность и эффективность в условиях хронических и острых профессиональных нагрузок. С другой стороны, индивидуальный эмоциональный стиль задает форму реализации этой способности — варианты переработки профессионально значимых переживаний, механизмы психологического самосохранения. В этих условиях сравнительный анализ типологических групп врачей-педиатров, различающихся по уровням стрессоустойчивости и параметрам индивидуального эмоционального стиля, представляется методологически и практически значимым. Он позволяет уточнить структуру взаимосвязей между указанными феноменами, выявить эмоционально-стилевые профили с различным адаптивным потенциалом и тем самым заложить основу для разработки адресных программ психологической поддержки и профилактики профессионального выгорания в педиатрической практике.

Гипотеза исследования

Гипотеза исследования заключается в предположении, что среди врачей-педиатров могут быть выделены типологические группы, различающиеся по характеристикам индивидуального эмоционального стиля и уровню стрессоустойчивости, при этом определенные параметры эмоционального стиля будут положительно или отрицательно сопряжены с показателями стрессоустойчивости.

Методы исследования

Был проведен анализ и обобщение научно психологической литературы по проблематике стрессоустойчивости, индивидуального эмоционального стиля личности. Это позволило уточнить понятийный аппарат, определить методологические основания исследова-

ния и разработать программу эмпирического изучения, включая подбор психодиагностического инструментария и логики обработки данных

В качестве диагностического инструментария использовались:

- Бостонский тест «Анализ стиля жизни» (в адаптации В. Щербатых) [14] – для оценки уровня стрессоустойчивости и выраженности стрессогенных характеристик образа жизни испытуемых.
- Опросник социальной адаптивности личности О. Посыпанова [13] – для диагностики личностных свойств, определяющих возможности успешной социальной интеграции и характер протекания адаптационных процессов.
- Тест на оптимизм Ч. Шейера и М. Карвера – для определения преобладающего типа отношения к жизненным и проблемным ситуациям и определения уровня диспозиционного оптимизма.
- Опросник «Большая пятерка 2 О.П. Джона и К.Дж. Сото в адаптации С.А. Щебетенко и А.Ю. Калугина – для оценки личности по пяти базовым факторам (открытость опыту, доброжелательность, экстраверсия, негативная эмоциональность, добросовестность), что позволяет описать структуру индивидуального эмоционального стиля в контексте широкой личностной типологии.

Выборка

Выборку на основе добровольного информированного согласия составили врачи-педиатры (137 человек) из различных лечебно-профилактических учреждений города Краснодара, включая 48 мужчин (35,0%) и 89 женщин (65,0%). Дифференциация выборки проводилась по возрасту: в возрасте до 25 лет — 36 человек, от 25 лет до 30 лет — 61 человек, свыше 30 лет — 40 чел.

Результаты исследования

При классификации врачей-педиатров по уровням стрессоустойчивости выявлено следующее распределение: высокий уровень — у 13 человек (9,5%), нормальный — у 43 (30,6%), слабый — у 77 (56,4%) и очень слабый — у 5 (3,4%), что показывает преобладание специалистов с недостаточной стрессоустойчивостью; для дальнейшего анализа были выделены три подгруппы: n_1 — высокий уровень (13; 9,5%), n_2 — нормальный (43; 31,4%), n_3 — слабый и очень слабый (81; 59,1%); интегральный показатель стрессоустойчивости по выборке составил 29,3 балла ($\sigma = \pm 12,70$), при этом в n_1 он равен 9,4 ($\sigma = \pm 1,39$), в n_2 — 17,9 ($\sigma = \pm 7,02$), а в n_3 — 38,5 ($\sigma = \pm 5,20$), что свидетельствует о четкой дифференциации по степени уязвимости к стрессу и формирует основу для анализа связи стрессоустойчивости с индивидуальным эмоциональным стилем.

По тесту оптимизма Ч. Шейера и М. Карвера у врачей-педиатров в целом зафиксирован умеренный уровень оптимизма ($M = 19,3$; $\sigma = \pm 12,63$): высокий уровень отмечен у 24 человек (17,5%), «выше среднего» — у 61 (31,0%), «ниже среднего» — у 31 (21,9%), низкий — у 22 (16,1%), при общем преобладании умеренно оптимистичных специалистов.

Сопоставление с уровнями стрессоустойчивости показало, что наименьший оптимизм характерен для наименее адаптивной подгруппы n_3 ($M = 18,9$; $\sigma = \pm 2,71$), несколько более высокий — для подгруппы n_2 с нормальной стрессоустойчивостью ($M = 19,7$; $\sigma = \pm 1,93$), и наибольший — для подгруппы n_1 с высокой стрессоустойчивостью ($M = 20,7$; $\sigma = \pm 2,59$), что позволяет рассматривать оптимизм как важный компонент психологической устойчивости и прогностический маркер адаптивности к профессиональному стрессу.

По данным исследования зафиксирован систематический рост уровня оптимизма по мере увеличения стрессоустойчивости, что подтверждает тесную связь оптимистической установки с эффективным совладанием с профессиональными нагрузками.

Интегральный показатель экстраверсии составил 33,2 балла ($\sigma = \pm 5,82$), при этом в подгруппе n_1 (высокая стрессоустойчивость) он равен 37,9 ($\sigma = \pm 5,91$), в n_2 — 35,6 ($\sigma = \pm 4,45$), а в n_3 — 31,03 ($\sigma = \pm 5,51$), что указывает на снижение коммуникативной и поведенческой активности при слабой стрессоустойчивости.

По шкале доброжелательности средний показатель в выборке составил 30,9 балла ($\sigma = \pm 5,94$); в подгруппе n_1 он достигает 34,2 ($\sigma = \pm 8,27$), в n_2 — 32,7 ($\sigma = \pm 5,50$), а в n_3 — 29,4 ($\sigma = \pm 5,31$), что свидетельствует о связи сниженной стрессоустойчивости с менее выраженной склонностью к кооперации и поддерживающему взаимодействию.

В совокупности результаты показывают, что более высокая стрессоустойчивость систематически сочетается с большей выраженностью оптимизма, экстраверсии и доброжелательности, формируя профиль психологической устойчивости врачей-педиатров.

Анализ шкалы добросовестности по опроснику «Большая пятерка 2» показал, что эта черта выражена у врачей педиатров слабее, чем экстраверсия и доброжелательность: средний показатель составил 28,3 балла ($\sigma = \pm 8,45$), что отражает относительно низкий уровень организованности, самодисциплины и целенаправленности. В подгруппах с разной стрессоустойчивостью значения добросовестности составили 33,1 балла ($\sigma = \pm 10,51$) в n_1 , 30,1 балла ($\sigma = \pm 8,74$) в n_2 и 27,6 балла ($\sigma = \pm 7,87$) в n_3 , однако различия не достигли статисти-

ческой значимости, что указывает на относительную стабильность добросовестности и ее слабую зависимость от уровня стрессоустойчивости (см. табл. 4).

По шкале негативной эмоциональности средний показатель оказался достаточно высоким: 31,2 балла ($\sigma = \pm 4,86$), что свидетельствует о выраженной склонности к напряжению, тревоге и эмоциональному дискомфорту. При стратификации по стрессоустойчивости максимальные значения получены в подгруппе n_3 — 32,43 балла ($\sigma = \pm 4,82$), средние — в n_2 (30,0 балла; $\sigma = \pm 4,43$) и минимальные — в n_1 (27,6 балла; $\sigma = \pm 3,75$) (см. табл. 4). Статистический анализ ($t = 3,02$; $t = 6,92$; $t = 6,47$; $p < 0,05$) подтвердил значимость этих различий и продемонстрировал, что повышение стрессоустойчивости связано с выраженным снижением негативной эмоциональности и ее буферной ролью по отношению к деструктивным эмоциональным состояниям.

Анализ шкалы «открытость опыту» по опроснику «Большая пятерка 2» показал, что у врачей педиатров данный параметр выражен достаточно высоко: среднее значение составило 38,6 балла ($\sigma = \pm 5,47$), что отражает когнитивную гибкость и готовность к восприятию новизны. В подгруппе n_1 (высокая стрессоустойчивость) открытость опыту равна 39,2 балла ($\sigma = \pm 6,30$), в n_2 (нормальный уровень) — 38,4 балла ($\sigma = \pm 5,42$), в n_3 (слабая и очень слабая стрессоустойчивость) — 38,6 балла ($\sigma = \pm 5,41$). Практическая идентичность этих значений свидетельствует о том, что открытость опыту является относительно автономной и устойчивой характеристикой, слабо связанной с уровнем стрессоустойчивости.

Применение кластерного анализа по методу k средних с последующей проверкой различий позволило выделить три статистически различающиеся группы респондентов. В первый кластер вошли 42 человека (30,6%), во второй — 69 человек (59,3%), в третий — 26 человек (18,9%). Существенная неоднородность внутри исходно единой профессиональной выборки потребовала дальнейшего содержательного анализа полученных кластеров.

Наибольший интерес с точки зрения профиля риска представляет кластер 2, включающий 69 врачей педиатров (59,3% выборки) со средним показателем стрессоустойчивости 37,1 балла, что отражает выраженный дефицит адаптационных ресурсов; лишь 8 человек (11,6%) имеют нормальный уровень стрессоустойчивости, при этом все случаи крайне низкой стрессоустойчивости сосредоточены в этой группе. Для кластера характерны сниженный диспозиционный оптимизм, очень высокая негативная эмоциональность, пониженные экстраверсия, доброжелательность и добросовестность, при относительно высоких, но не максимальных показателях открытости опыту. Такое сочетание — низкая стрессо-

устойчивость, высокий уровень негативного аффекта, сниженный оптимизм и ослабленные просоциальные и волевые характеристики — позволяет отнести кластер 2 к зоне повышенного психологического риска и описать его как «кластер ослабленных ресурсов совладания» (см. табл. 5).

Кластер 1 по численности занимает вторую позицию в выборке и характеризуется в целом благоприятным психологическим профилем. Средний уровень стрессоустойчивости (12,2 балла) указывает на развитую эмоциональную саморегуляцию и высокий уровень адаптационных ресурсов. В этой группе отмечаются повышенные показатели диспозиционного оптимизма, что отражает тенденцию к позитивной когнитивной оценке жизненных событий.

По модели «Большой пятерки-2» представители кластера демонстрируют максимальные значения экстраверсии, доброжелательности и добросовестности, что свидетельствует о высокой социальной активности, эмпатии, организованности и ответственности. При этом относительно низкий уровень открытости опыту указывает на опору на проверенные стратегии совладания и меньшую готовность к экспериментированию. В совокупности профиль кластера 1 позволяет охарактеризовать его как «кластер высокоресурсного профиля» с выраженным адаптационным потенциалом (см. табл. 5).

Кластер 3 представляет группу со специфическим и внутренне неоднородным психологическим профилем, при котором сниженная стрессоустойчивость (в пределах средних значений) сочетается с повышенным, но менее выраженным, чем в кластере 1, диспозиционным оптимизмом. По шкалам «Большой пятерки» для этой группы характерны умеренные значения экстраверсии и доброжелательности при высоких показателях добросовестности, а также максимально высокая открытость опыту по сравнению с другими кластерами, что отражает выраженную организованность, ответственность и

ориентацию на освоение нового опыта.

Одновременно фиксируется высокий уровень негативной эмоциональности, лишь немного уступающий значениям кластера 2, что указывает на эмоциональную уязвимость и риск дестабилизации в условиях стресса. В совокупности это позволяет охарактеризовать кластер 3 как «кластер адаптационно-ресурсного профиля», сочетающий высокий потенциал самоорганизации и познавательной активности со сниженной стрессоустойчивостью и повышенной эмоциональной чувствительностью (см. табл. 1).

Обсуждение результатов

У врачей-педиатров выявлено преобладание слабого уровня стрессоустойчивости, что свидетельствует о повышенном риске профессиональной дезадаптации и эмоционального выгорания. Дифференциация обследованных на три подгруппы по степени стрессоустойчивости подтвердила выраженную неоднородность выборки и позволила выделить наиболее адаптированных и наиболее уязвимых специалистов.

Установлено, что более высокий уровень стрессоустойчивости систематически сочетается с выраженным диспозиционным оптимизмом, большей экстраверсией и доброжелательностью, а также с более низкой негативной эмоциональностью. Таким образом, оптимизм и сниженная негативная эмоциональность выступают ключевыми психологическими предикторами устойчивости к профессиональному стрессу у врачей-педиатров, тогда как экстраверсия и доброжелательность отражают ресурсный коммуникативный профиль.

Добросовестность и открытость опыту в целом находятся на умеренно выраженном уровне и не демонстрируют значимых межгрупповых различий в зависимости от степени стрессоустойчивости. Это позволяет рассматривать их как относительно стабильные, фоновые-стаби-

Таблица 1.

Средние значения измерений переменных, обусловивших выделение трех видов (кластеров) индивидуального эмоционального стиля (метод анализа по К-средним).

Переменные	кл.1	кл.2	кл.3
	42 чел. / 30,6 %	69 чел. / 50,3%	26 чел. / 19,1%
1) Стессоустойчивость	12,2	37,1	36,0
2) Диспозиционный оптимизм	19,9	18,9	19,2
3) Экстраверсия	36,5	31,1	33,2
4) Доброжелательность	33,7	28,6	32,6
5) Добросовестность	31,2	23,7	38,5
6) Негативная эмоциональность	28,1	32,1	33,6
7) Открытость опыту	38,2	37,7	41,6

лизирующие личностные характеристики, не играющие ведущей роли в определении уровня адаптации к профессиональному стрессу.

В исследовании, основанном на понимании личности как интегральной индивидуальности, эмпирически выделены три индивидуально эмоциональных типа: «кластер ослабленных ресурсов совладания», «кластер высокоресурсного профиля» и «кластер адаптационно-ресурсного профиля». Показано, что они существенно различаются по структуре эмоциональных черт, уровню стрессоустойчивости и диспозиционного оптимизма, что подтверждает сложный, интегративный характер индивидуального эмоционального стиля.

Предложенная модель описывает эмоциональный стиль врача педиатра через совокупность параметров: стрессоустойчивость, диспозиционный оптимизм, экстраверсию, доброжелательность, негативную эмоциональность, открытость опыту и добросовестность; вариации этих показателей определяют принадлежность респондента к одному из трех кластеров и связаны с успешностью профессиональной адаптации. Эмпирический анализ показал, что наибольшую долю составляют представители «кластера ослабленных ресурсов совладания» (50,4%), далее следует «кластер высокоресурсного профиля» (30,6%) и «кластер адаптационно-ресурсного профиля» (18,9%), что указывает на высокую распространенность сниженных адаптационных ресур-

сов при наличии меньших по численности, но выраженно ресурсных и неоднородных по адаптивности групп.

Выводы

1. У врачей-педиатров преобладает слабый уровень стрессоустойчивости, что свидетельствует о высоком риске профессиональной дезадаптации и эмоционального выгорания.

2. Ключевыми психологическими предикторами устойчивости к профессиональному стрессу являются диспозиционный оптимизм и низкий уровень негативной эмоциональности, тогда как экстраверсия и доброжелательность формируют ресурсный коммуникативный профиль.

3. Добросовестность и открытость опыту выступают относительно стабильными, фоновыми стабилизирующими личностными характеристиками, слабо дифференцирующими врачей по степени стрессоустойчивости.

4. Эмпирически выделенные три кластера индивидуально-эмоциональных типов показали, что более половины выборки относятся к группе с ослабленными ресурсами совладания, а меньшую часть составляют высокоресурсные и адаптационно-ресурсные профили, что указывает на выраженную неоднородность адаптационного потенциала.

ЛИТЕРАТУРА

- Абатаева П.Н. Социальная адаптация личности // Вестник социально-педагогического института. — 2020. — № 3 (35). — С. 87.
- Абдуллаева А.С., Бусурина Л.Ю., Магомедов Р.И. Личностные особенности студентов медицинского университета с различным типом совладающего поведения // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2023. Т. 12. № 7-1. С. 179–186.
- Агапитова Е.С., Левина Н.А. Психологические ресурсы жизнестойкости и проблема предупреждения эмоционального выгорания у сотрудников МЧС // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 7–8. С. 238.
- Водопьянова Н.Е. Стресс-менеджмент. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2023. 283 с.
- Воробьев А.Г. Формирование стрессоустойчивости как фактор профилактики профессиональной деформации личности юриста // Актуальные научные исследования: сб. ст. VI Междунар. науч. практ. конф.: в 4 ч. — Пенза : Наука и образование, 2022. — Ч. 4. — С. 163–165.
- Григорьева П.М., Сапожникова Е.Е. Эмоциональное выгорание и эмоциональный интеллект у работников здравоохранения: эмпирическое исследование // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 7-2 (109). С. 133–137. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46352921> (дата обращения: 04.10.2024).
- Гришина А.В., Косцова М.В., Маричева А.В., Смирнова С.В. Последствия двухлетнего периода пандемии COVID-19: психологический аспект // Ученые записки. Научный журнал Курского государственного университета. 2022. № 1 (61). С. 1–9.
- Дьяков С.И. Психосемантика самоорганизации человека как субъекта жизни // Основы психологии субъекта: монография. СПб.: Проспект Науки, 2016. 680 с.
- Лазарус Р.С. Индивидуальная чувствительность и устойчивость к психологическому стрессу: факторы на работе и охрана здоровья. Женева, 2018. С. 121–126.
- Леонтьев Д.А. Личностный потенциал: оптика психологии // Международная лаборатория позитивной психологии личности и мотивации. — М., 2023. — № 2(94). — С. 20–31.
- Посыпанов О.Г. Методика измерения социальной адаптивности личности // Современная психология: состояния и перспективы исследований. — М.: Институт психологии РАН, 2002. — Ч. 2. — С. 93–112.
- Рогозян А.Б., Ясько Б.А. Взаимосвязь личностной направленности и устойчивости к стрессу: психологический анализ // Дни науки: материалы междунар. науч.-практ. конф. — Прага: Publishing House «Education and Science», 2012. — С. 45–54.
- Соколова К.В. Стресс и стрессоустойчивость личности // Меридиан: науч. электрон. журн. — 2020. — № 5 (39). — С. 279–281.
- Щербатых Ю.В. Психология стресса и методы коррекции. — СПб.: Питер, 2006. — 288 с. если известен объём — подставьте корректный.

15. Ясько Б.А., Казарин Б.В. и др. Жизнестойкость и персональные ресурсы врачей «красных зон» ковид-госпиталей: психологический анализ // Вестник РГМУ. 2021. № 4. С. 68–76.
16. Ясько Б.А., Омельченко Н.В., Бабичкова Е.С. Активизация эмоционально-ценностной и регуляторной сфер личности в условиях системного жизненного кризиса // Южно-российский журнал социальных наук. 2022. Т. 23, № 1. С. 96–113.
17. Ясько Б.А., Скрипниченко Л.С., Стриханов С.Н., Тедорадзе Д.Д. Личностные предикторы стрессоустойчивости медицинских работников // Российский психологический журнал. – 2023. – Т. 20, № 2. – С. 169–184. Bombs, S. Burnout // State of the Web. – 2009. – No. 284. – URL: <https://alistapart.com/article/burnout/> (date of access: 03.24.2025).
18. Matušów, R. Hardiness in Students of Helping Professions // Lifelong Education: the XXI century. – 2020. – No. 4 (32). – P. 90–101.
19. Pérez-Fuentes, M.C., Molero Jurado, M.M., Gázquez Linares, J.J. et al.. Parenting Practices, Life Satisfaction, and the Role of Self-Esteem in Adolescents // International Journal of Environmental Research and Public Health. – 2019. – Vol. 16, No. 3. – P. 429.

© Тедорадзе Диана Давидовна (diana.tedoradze.97@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СТРУКТУРА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К ИЗМЕНЕНИЯМ У СОТРУДНИКОВ ОРГАНИЗАЦИИ

Уварова Ирина Анатольевна

Директор по персоналу ООО «Спутниковая связь»,
(г. Красноярск)
irinauvarova@bk.ru

THE STRUCTURE OF PSYCHOLOGICAL READINESS FOR CHANGE AMONG ORGANIZATIONAL EMPLOYEES

I. Uvarova

Summary: Modern companies operate in an environment of continuous organizational change driven by external factors, and employees' psychological readiness for change has become a key determinant of successful performance under conditions of instability. Existing approaches in organizational psychology tend to conceptualize readiness as an attitude or a positive orientation toward change, without sufficiently accounting for personality structure.

The aim of this study is to propose a structural model of psychological readiness for change as a multicomponent personality construct, based on theoretical analysis and drawing on classical (K.K. Platonov) and contemporary approaches to personality structure, as well as the metasytem organization of the psyche (A.V. Karpov).

Methods. The theoretical and methodological framework of the study is based on Platonov's structural approach, Karpov, s metasytem approach, and contemporary research on personality integrity (S.N. Kostromina, N.V. Grishina).

Results. The structure of psychological readiness for change among employees was analyzed. A component-based model of psychological readiness was identified, including value-motivational, cognitive, regulatory, and reflective components. The role of the reflective component is substantiated as key mechanism ensuring the integration and regulation of the overall system of readiness. The proposed structural model can serve as a theoretical foundation for the development of diagnostic tools and programs aimed at enhancing employees' readiness for change.

Keywords: psychological readiness, readiness for change, personality structure, metaquality, reflection, components of readiness.

Аннотация: Сегодня современные компании работают в условиях постоянных организационных изменений под влиянием внешней среды, и психологическая готовность сотрудников к изменениям становится ключевой составляющей успешной деятельности компаний в условиях нестабильности. Существующие подходы в организационной психологии чаще рассматривают готовность как установку, позитивное отношение к переменам и не учитывают структуру личности.

Цель исследования – на основе теоретического анализа предложить структурную модель психологической готовности к изменениям как многокомпонентного личностного образования, опираясь на классические (К.К. Платонов) и современные подходы к структуре личности и метасистемной организации психики. (А.В. Карпов).

Методы. Теоретико-методологическую базу исследования составляют структурный подход К.К. Платонова, метасистемный подход А.В. Карпова и современные исследования целостности личности (С.Н. Костромина, Н.В. Гришина). *Результаты.* Проведен анализ структуры психологической готовности к изменениям у сотрудников организации. Определена компонентная структура психологической готовности к изменениям, включающая ценностно-мотивационный, когнитивный, регуляторный и рефлексивный компоненты. Обосновано выделение рефлексивного компонента, обеспечивающего интеграцию и управление всей системой готовности. Предложенная структурная модель может служить теоретической основой для разработки диагностических методов и программ развития готовности сотрудников к изменениям.

Ключевые слова: психологическая готовность, готовность к изменениям, структура личности, метакачество, рефлексия, компоненты готовности.

Введение

Современная социальная и профессиональная реальность характеризуется высокой динамичностью, неопределенностью и постоянными изменениями. Организации и сотрудники вынуждены адаптироваться к трансформациям, которые становятся не эпизодическими, а непрерывными. В условиях высокой нестабильности и неопределенности готовность к изменениям выступает не только как «базовая компетенция современного руководителя» [1], но и «важное личностное качество сотрудников организации, от которого напрямую зависит успешность организационных преобразований» [2].

Понятие «готовность к изменениям» исследуется в организационной психологии и управлении (Е.А. Наумцева, И.В., А. Armenakis, В. Weiner, D. Holt, А. Edmondson, И.В. Халитова и др.). В этих подходах готовность часто понимается как убежденность сотрудников в необходимости перемен [1, 3, 4, 5, 6, 7], в способностях воспринять изменения и реализовать их [7, с.153]. Как отмечают исследователи, «готовность к изменениям» сводится к позитивному отношению или отсутствию сопротивления и не учитывают структуру личности. В связи с этим особую актуальность приобретает изучение психологической готовности к изменениям как внутреннего ресурса личности, обеспечивающего успешность деятельности в условиях неопределенно-

сти. Цель исследования – теоретическое обоснование структурной модели психологической готовности к изменениям, в которой рефлексия выступает метауровнем, интегрирующим ценностно-мотивационный, когнитивный и регуляторный компоненты.

Для достижения поставленной цели в статье решаются следующие задачи:

1. систематизация теоретических подходов к пониманию готовности;
2. обоснование интеграции структурного (К.К. Платонов), метасистемного (А.В. Карпов) и процессуального (С.Н. Костромина, Н.В. Гришина);
3. выделение компонентов психологической готовности к изменениям и описание их содержания;
4. обоснование особой роли рефлексивного компонента как метауровня.

Методы

Исследование выполнено с использованием теоретических методов научного познания: системного анализа, сравнительного анализа, абстрагирования и обобщения. Теоретико-методологическую основу исследования составляют структурный подход К.К. Платонова, метасистемный подход А.В. Карпова и современные исследования целостности личности (С.Н. Костромина, Н.В. Гришина). На основе сравнительного анализа научных подходов выделены и описаны компоненты психологической готовности к изменениям.

Результаты и обсуждение

В психологии сложились два основных подхода к пониманию готовности: функциональный (готовность как психическое состояние, установка, обеспечивающее актуальную мобилизацию) и личностный (готовность как устойчивая характеристика, система качеств личности) (Н.Д. Левитов, М.И. Дьяченко и Л.А. Кандыбович, К.К. Платонов.). [8, 9, 10].

Для понимания долговременных стратегий поведения человека в условиях изменений наиболее продуктивным является личностный подход. С этих позиций готовность рассматривается не как ситуативное состояние или установка, а как устойчивое личностное образование, включающее совокупность качеств и личностных характеристик, сформированное в ходе жизненного и профессионального опыта.

Фундаментальной базой выступает подход К.К. Платонова, согласно которому личность представляет собой динамическую функциональную структуру, включающую четыре подструктуры [10, с.57]:

- подструктура направленности (мотивы, ценности, отношения, мировоззрение);
- подструктура опыта (знания, умения, навыки, привычки);
- подструктура психических процессов (ощущение, восприятие, память, мышление, эмоции, воля);
- подструктура психофизиологических свойств (темперамент, свойства нервной системы, половые и возрастные особенности).

Представленная структурная модель позволяет рассматривать любое сложное личностное образование как результат вертикальной интеграции свойств, относящихся к разным подструктурам. [10].

Развитием этой идеи в современной методологии выступают исследования целостности личности (С.Н. Костромина, Н.В. Гришина, Н.Л. Москвичева, В.Д. Мамаева-Найлз), в которых целостность понимается как динамическая характеристика, отражающая способность личности поддерживать равновесие между тенденциями устойчивости и изменчивости [11,12,13]. Динамический аспект приобретает особое значение в контексте нашего исследования, поскольку психологическая готовность к изменениям может быть представлена как способность личности сохранять целостность при столкновении с организационными трансформациями.

В нашем исследовании мы предлагаем рассматривать психологическую готовность к изменениям как многокомпонентное личностное образование, включающее совокупность качеств и личностных характеристик, обеспечивающее возможность личности успешно действовать в условиях неопределенности и организационных трансформаций.

Следуя логике метасистемного подхода А.В. Карпова, данное образование может быть представлено как метакачество – такое свойство личности, которое формируется на основе интеграции нижележащих качеств и приобретает функцию управления ими [14]. Психологическая готовность к изменениям не сводится к простой сумме отдельных черт (например, гибкости и стрессоустойчивости), а представляет собой системное качество, организующее их проявление в ситуации перемен. Ключевую роль в этой интеграции выполняет рефлексивный компонент, выступающий в качестве метауровня (по А.В. Карпову) и обеспечивающий осознанное управление деятельностью в условиях неопределенности.

Если метасистемный подход А.В. Карпова позволяет понять механизмы интеграции компонентов в единое метакачество, то структурный подход К.К. Платонова задает основу для выделения самих

компонентов. Опираясь на его подход к структуре личности в составе психологической готовности к изменениям могут быть выделены следующие компоненты: ценностно-мотивационный, когнитивный, регуляторный (включающий эмоционально-волевой и поведенческий аспекты) и рефлексивный.

Ценностно-мотивационный компонент соответствует подструктуре направленности в подходе К.К. Платонова. Он включает систему устойчивых мотивов, ценностей и смыслов, определяющих избирательное отношение личности к изменениям.

Основными составляющими выступают:

- внутренняя мотивация к саморазвитию и профессиональному росту;
- ценность новизны и готовность воспринимать изменения как возможность, а не угрозу;
- преобладание мотива достижения успеха над мотивом избегания неудач.

Когнитивный компонент соотносится с подструктурой психических процессов и обеспечивает адекватное восприятие, понимание и оценку ситуации изменений и включает:

- толерантность к неопределенности – способность сохранять эффективность в ситуациях с недостаточной или противоречивой информацией;
- гибкость мышления – умение перестраивать свои представления, отказываться от неэффективных стратегий, видеть альтернативные пути;
- способность к прогнозированию – предвидение возможных последствий изменений.

Каждая из выделенных характеристик играет специфическую роль в адаптации к изменениям. Толерантность к неопределенности позволяет сотруднику сохранять продуктивность и принимать взвешенные решения в условиях неполноты и противоречивости информации. Гибкость мышления обеспечивает способность пересматривать устаревшие схемы действий и находить новые.

Регуляторный компонент связан с подструктурами психических процессов (эмоционально-волевая сфера), опыта и психофизиологических свойств. Он обеспечивает управление состоянием и поведением в стрессовых условиях изменений. В его структуре могут быть выделены два взаимосвязанных аспекта.

Эмоционально-волевой аспект:

- стрессоустойчивость и эмоциональная стабильность;
- способность к саморегуляции;
- волевые качества: настойчивость, решительность, самообладание.

Самоконтроль помогает сотруднику сохранять эффективность, а волевые качества способствуют преодолению возникающих препятствий и доведению начатых действий до результата.

Поведенческий аспект:

- самостоятельность и независимость;
- убежденность в том, что результаты зависят от собственных усилий;
- адаптивность и гибкость поведенческих стратегий;
- готовность к активным действиям в новых условиях.

Независимость, готовность брать на себя ответственность и искать решения без постоянной внешней поддержки особенно важны в условиях, когда привычные алгоритмы действий перестают работать, а инициатива сотрудника становится критическим ресурсом успешной адаптации к изменениям.

Некоторые исследователи (Т.В. Кудрявцев, В.Ю. Шегурова) при анализе готовности к труду в меняющихся условиях, включают в состав регуляторного компонента рефлексию, как способность контролировать ход своих мыслей и действий, сверять промежуточные результаты с целью и корректировать программу действий (самоконтроль и рефлексивная коррекция). [15]. Мы предлагаем не включать рефлексию в состав регулятивного компонента, а выделить рефлексивный компонент в самостоятельную структуру. Эти компоненты реализуют качественно различные уровни регуляции деятельности. Рефлексия выступает как «средство реализации высшего – метасистемного - уровня организации психики» [16, с.8], а регуляторные процессы функционируют на исполнительском уровне.

Выделение рефлексивного компонента в самостоятельную структуру обусловлено, также, несколькими теоретическими и методологическими причинами.

Во-первых, в современной психологии рефлексия рассматривается не просто как один из психических процессов, а как метакогнитивный процесс, обеспечивающий управление всей системой психической активности [17]. Рефлексия позволяет личности выходить за пределы текущей деятельности, анализировать и корректировать собственные действия, мысли и состояния.

Во-вторых, на основании исследований компетенции «готовность к изменениям», рефлексивный компонент играет особую роль в осознании своего отношения к происходящим изменениям, планировании и анализе своих действий, а также в способности к регулярному анализу выполнения планов и корректировке стратегий с учетом происходящих изменений [16, с.161].

В-третьих, если рассматривать психологическую готовность к изменениям как метакачество (по А.В. Карпову), то именно рефлексия выступает тем механизмом, который обеспечивает интеграцию всех остальных компонентов в единую систему и выполняет функцию метарегуляции - управления самими процессами регуляции, позволяя личности осознанно координировать проявление ценностно-мотивационных, когнитивных и регуляторных процессов в конкретной ситуации. Как отмечает А.В. Карпов, метарегуляция – это способность субъекта осознавать особенности протекания собственной деятельности, оценивать и контролировать ее ход. [15]. Рефлексивность позволяет личности:

- осознавать собственные мотивы и соотносить их с требованиями ситуации;
- оценивать адекватность своих когнитивных стратегий;
- контролировать эмоциональное состояние и при необходимости корректировать его;
- анализировать эффективность выбранных поведенческих стратегий и вносить изменения.

Таким образом, рефлексивный компонент выполняет интегративную и метарегулятивную функции по отношению ко всем остальным компонентам готовности. Он обеспечивает целостность и осознанность психологической готовности к изменениям, переводя ее с уровня стихийной адаптации на уровень осмысленного, рефлексивно управляемого поведения в условиях неопределенности. Регуляторный компонент может работать на уровне привычных паттернов поведения, а рефлексивный компонент активируется именно в ситуациях неопределенности и новизны.

Выделенные компоненты не существуют изолированно. Они образуют систему, в которой каждый из компонентов выполняет определенную функцию:

- ценностно-мотивационный компонент выполняет функцию целеполагания (определяет направленность активности);
- когнитивный компонент - функцию ориентировки (анализ ситуации);
- регуляторный компонент - функцию управления состоянием и поведением;
- рефлексивный компонент - функцию интеграции и метарегуляции.

Именно благодаря рефлексии психологическая готовность к изменениям приобретает свойство метакачества - целостного регулируемого механизма, позволяющего личности действовать осмысленно и эффективно в условиях неопределенности.

На основании проведенных теоретических исследований можно сделать следующие выводы:

1. Психологическая готовность к изменениям представляет собой сложное, многокомпонентное личностное образование, включающее совокупность качеств и личностных характеристик, обеспечивающее возможность личности успешно действовать в условиях неопределенности и организационных трансформаций.
2. Теоретической базой для понимания структуры психологической готовности к изменениям выступают: структурный подход К.К. Платонова, задающий понимание вертикальной интеграции свойств личности, метасистемный подход А.В. Карпова, позволяющий представить готовность как метакачество с рефлексией в роли метауровня, а также, современные исследования целостности личности (С.Н. Костромина, Н.В. Гришина), раскрывающие динамический аспект – способность личности сохранять устойчивость в условиях изменчивости.
3. Структура психологической готовности к изменениям включает ценностно-мотивационный, когнитивный, регуляторный (эмоционально-волевой и поведенческий аспекты) и рефлексивный компоненты.
4. Выделение рефлексивного компонента обосновано его системообразующей функцией. В отличие от регуляторного компонента, обеспечивающего управление состоянием и поведением, рефлексивный компонент выполняет функцию интеграции и метарегуляции – осознанного управления самими процессами регуляции. Рефлексия (по А.В. Карпову), выступая в роли метауровня, обеспечивает осознанное планирование, анализ и коррекцию деятельности в ситуации изменений, интегрируя ценностно-мотивационный, когнитивный и регуляторный компоненты в единое метакачество.

Предложенная структурная модель может служить теоретической основой для разработки диагностического комплекса методик, позволяющего оценивать уровень сформированности каждого компонента, а также, программ развития психологической готовности к изменениям у сотрудников организации. Особое практическое значение имеет выделение рефлексивного компонента, поскольку именно рефлексия как метауровень может быть целенаправленно развита в процессе тренингов, коучинга и рефлексивных практик, что повышает адаптивный потенциал сотрудников в условиях организационных изменений.

Перспективой нашего дальнейшего исследования психологической готовности к изменениям является эмпирическая верификация предложенной модели, изучение взаимосвязи выделенных компонентов, выявление психологических условий корпоративной среды, способствующих формированию и развитию психологи-

ческой готовности у сотрудников в условиях организационных изменений.

Заключение

В ходе теоретического анализа уточнено понятие психологической готовности к изменениям как многокомпонентного личностного образования, обеспечивающего успешность деятельности в условиях неопределенности. Теоретической базой исследования выступили структурный подход К.К. Платонова, метасистемный подход А.В. Карпова и современные исследования целостности личности (С.Н. Костромина, Н.В. Гришина). В структуре готовности выделены ценностно-мотивационный, когнитивный, регуляторный (включающий эмоционально-волевой и поведенческий

аспекты) и рефлексивный компоненты. Показано, что рефлексия выполняет функцию метауровня, интегрируя все компоненты в единое метакачество и обеспечивая осознанную саморегуляцию в ситуациях изменений. Разработанная модель создает теоретическую основу для эмпирического изучения психологических условий формирования готовности к изменениям в корпоративной среде. Выделенные компоненты (ценностно-мотивационный, когнитивный, регуляторный и рефлексивный) могут быть операционализированы и измерены с помощью валидных психодиагностических методик. На основе выделенных компонентов могут быть разработаны целевые программы развития, направленные на формирование и развитие готовности к изменениям у сотрудников организации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Наумцева Е.А. Психологическая готовность к организационным изменениям: подходы, понятия, методики // Организационная психология. 2016. Т. 6, № 2. С. 55–74.
2. Уварова, И.А., Сафонова М.В. Особенности сформированности ценностно-мотивационного и когнитивного компонентов компетенции «готовность к изменениям» у руководителей // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2022. Т. 62, № 4. С. 169–182.
3. Armenakis A.A., Harris, S.G., Mossholder K.W. Creating readiness for organizational change // Human Relations. 1993. Vol. 46, № 6. P. 681-703.
4. Weiner B.J. A theory of organizational readiness for change // Implementation Science. 2009. Vol. 4, № 1. P. 67.
5. Holt, D.T., Armenakis, A.A., Feild, H.S., Harris, S.G. Readiness for organizational change: The systematic development of a scale // The Journal of Applied Behavioral Science. 2007. Vol. 43, № 2. P. 232–255.
6. Edmondson, A. Psychological safety and learning behavior in work teams // Administrative Science Quarterly. 1999. Vol. 44, № 2. P. 350–383.
7. Халитова И.В. Организационная готовность к изменениям: обзор методологии и практических методик оценки готовности // Государственное управление. Электронный вестник. 2013. Выпуск №39. С.152-162.
8. Левитов Н.Д. О психических состояниях человека. М.: Просвещение, 1964. 264 с.
9. Дьяченко М.И., Кандыбович Л.А. Психологическая готовность человека к деятельности. Минск, 1976. 212 с.
10. Платонов К.К. Структура и развитие личности. М.: Наука, 1986. 254 с.
11. Костромина, С.Н., Гришина, Н.В. Целостность как фундаментальная категория в описании природы личности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2024. Т. 14, № 3. С. 394–413.
12. Психология личности: пребывание в изменении / под ред. Н.В. Гришиной. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2019. 577 с.
13. Москвичева, Н.Л., Мамаева-Найлз, В.Д. Исследования целостности личности в современной зарубежной психологии: методология и методические решения // Вестник Московского университета. Серия 14. Психологич. 2025. Т.48, №4. С. 36-56.
14. Карпов А.В. Метасистемная организация уровней структур психики. М.: Институт психологии РАН, 2004. 506 с.
15. Кудрявцев Т.В., Шергунова В.Ю. Психологический анализ динамики профессионального самоопределения // Вопросы психологии. 1983. №3. С. 51-59.
16. Карпов А.В. Психология рефлексивных механизмов деятельности. М.: Институт психологии РАН, 2004. 12 с.
17. Карпов А.В. Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики // Психологический журнал. 2004. Т. 24, № 5. С. 45–57.
18. Уварова, И.А., Сафонова М.В. Особенности сформированности компетенции «готовность к изменениям» у руководителей // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2022. Т. 60, № 2. С. 151–165.

© Уварова Ирина Анатольевна (irinauvarova@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ У МУЖЧИН РАННЕЙ И СРЕДНЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

Хрептович Руслан Францевич

Аспирант, РАНХиГС, (г. Санкт-Петербург)

r.avatar@yandex.ru

Белов Василий Васильевич

доктор психологических наук, доцент, РАНХиГС,

(г. Санкт-Петербург)

vasvasbelov@yandex.ru

PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF MEN IN EARLY AND MIDDLE ADULTHOOD

**R. Khreptovich
V. Belov**

Summary: The article examines the features of the value-semantic sphere and psychological well-being in men at the stages of early and middle adulthood. The aim of the study is to identify differences in the system of life values and levels of subjective psychological well-being in representatives of the specified age groups. The empirical part of the work was carried out using valid and reliable methods of K. Riff "Scale of Psychological Well-Being" and E. B. Fantalova "Value Orientations". The results showed that men of early adulthood are more often oriented towards an active life, knowledge, self-development and are more open to new experiences, demonstrating higher rates of trusting relationships and self-acceptance. Men of middle adulthood give priority to family values, love, health care and demonstrate developed ego-well-being. Correlation analysis revealed stable relationships between values and aspects of psychological well-being: meaningfulness of life, presence of goals, activity, autonomy and emotional involvement. It has been established that internal locus of control and positive perception of what is happening influence self-esteem, confidence and satisfaction with life. The obtained results emphasize the importance of taking into account age differences in counseling practice and allow a deeper understanding of the patterns of formation of the psychological state of men in different periods of adult life. The results of the study can be useful as a counseling psychological prerequisite and in the development of certain recommendations in psychological counseling practice.

Keywords: early adulthood, middle adulthood, value-semantic sphere, psychological well-being, life-meaning orientations, value orientations, midlife crisis, development tasks..

Аннотация: В статье рассматриваются особенности ценностно-смысловой сферы и психологического благополучия у мужчин на этапах ранней и средней взрослости. Целью исследования является выявление различий в системе жизненных ценностей и уровнях субъективного психологического благополучия у представителей указанных возрастных групп. Эмпирическая часть работы выполнена с применением валидных и надёжных методик К. Риффа «Шкала психологического благополучия» и Е.Б. Фанталовой «Ценностные ориентации». Результаты показали, что мужчины ранней взрослости чаще ориентированы на активную жизнь, познание, саморазвитие и проявляют большую открытость к новому опыту, демонстрируя более высокие показатели доверительных отношений и принятия себя. Мужчины средней взрослости отдают приоритет семейным ценностям, любви, заботе о здоровье и демонстрируют развитое эго-благополучие. Корреляционный анализ выявил устойчивые взаимосвязи между ценностями и аспектами психологического благополучия: осмысленность жизни, наличие целей, активность, автономия и эмоциональная вовлечённость. Установлено, что внутренний локус контроля и позитивное восприятие происходящего оказывают влияние на самооценку, уверенность и удовлетворённость жизнью. Полученные результаты подчёркивают важность учёта возрастных различий в консультативной практике и позволяют глубже понять закономерности формирования психологического состояния мужчин в разные периоды взрослой жизни. Результаты исследования могут быть полезны в качестве консультативной психологической предпосылки и при разработке определенных рекомендаций в психологической консультативной практике.

Ключевые слова: ранняя взрослость, средняя взрослость, ценностно-смысловая сфера, психологическое благополучие, смысловые ориентации, ценностные ориентации, кризис среднего возраста, задачи развития.

Введение

Становление ценностно-смысловой сферы личности происходит под влиянием множества переменных, образующих сложную взаимосвязанную структуру. Процессы социализации способствуют усвоению общественных норм, адаптационные механизмы обеспечивают приспособление к среде, а индивидуализация формирует уникальный личностный профиль. Внешние обстоятельства, включающие социальное окружение и условия жизнедеятельности, совместно с внутренними особенностями человека определяют на-

правленность развития его ценностной системы [1].

Современные эмпирические изыскания в области ценностных ориентаций зрелых личностей демонстрируют неоднозначные результаты относительно влияния жизненных изменений на аксиологическую составляющую человека [2]. Многочисленные исследователи характеризуют период взрослости как пик личностного становления, сочетающий профессиональные успехи и серьезные испытания, что обуславливает необходимость углубленного научного анализа данной проблематики [3].

Успешное преодоление переломных моментов жизни требует глубокого анализа личностных ценностей каждого человека. Необходимо внимательно изучать индивидуальные особенности характера и мировоззрения для выработки эффективной стратегии адаптации к новым условиям.

Нравственные устремления личности находят воплощение в ценностных ориентирах, влияющих на характер социальных взаимодействий и формирующих индивидуальную картину мира. Мировоззренческие установки человека определяют выбор стратегий общения и предпочтительных моделей поведения при контакте с окружающими людьми [4].

Зрелый возраст характеризуется стабилизацией основных жизненных процессов. Психические функции достигают равновесия, профессиональная адаптация углубляется, а семейные отношения приобретают устойчивый характер. Организм максимально приспосабливается к рабочим нагрузкам, формируя оптимальные механизмы реагирования [5].

Стремление личности к творческому и духовному развитию знаменует важную веху взросления, когда человек начинает максимально раскрывать свой потенциал через созидательную деятельность.

Эмпирический анализ ценностных ориентаций выявил существенные различия между полами и возрастными группами. Мужчины преимущественно ориентированы на достижение социального статуса, личностный рост и построение романтических отношений [6]. Представители младшей возрастной группы мужского пола сосредоточены на индивидуальном успехе. Старшее поколение мужчин отдает приоритет семейному благополучию, заботе о собственном здоровье и поиску жизненных смыслов.

Внешние факторы включают в себя следующие составляющие: неудовлетворенность собственным существованием побуждает личность к переоценке жизненных приоритетов; невозможность реализовать намеченные планы и раскрыть внутренний потенциал создает глубокий внутренний конфликт, требующий пересмотра базовых установок; влияние общественной среды совместно с индивидуальными обстоятельствами способствует постепенной трансформации мировоззренческой системы человека, приводя к замещению прежних ценностных ориентаций новыми смыслами существования [7].

Жизненные трудности и испытания нередко создают почву для переоценки человеком фундаментальных моральных устоев. Личность, оказавшись под давлением неблагоприятных обстоятельств, вынуждена менять

привычные взгляды и формировать новые жизненные позиции. Процесс адаптации к изменившимся условиям требует значительных душевных усилий и переосмысления прежних ценностных установок.

Социальные, экономические и культурные условия формируют различные аспекты гендерной идентичности. Внешняя среда воздействует на мировоззрение мужчин и женщин через множество каналов коммуникации. Система общественных отношений влияет на трансформацию ценностных ориентиров представителей разных полов. Механизмы социализации определяют специфику усвоения гендерных ролей и моделей поведения [8].

Изменения ценностных предпочтений общества протекают постепенно, отражая объективные перемены в социальных устоях. Современные исследования демонстрируют недостаточную изученность возрастных и гендерных аспектов формирования ценностных ориентиров [9]. Научное сообщество подтверждает существенное влияние масштабных социально-исторических изменений на эволюцию индивидуальных ценностных установок. Смена экономических парадигм, идеологических воззрений и политического курса вызывает значительные преобразования в системе личностных приоритетов как отдельных людей, так и социальных групп [10].

Зрелый возраст характеризуется повышенной устойчивостью к социальному давлению благодаря сформированной системе личностных убеждений. Максимальную выраженность самореализации и личностного роста демонстрируют люди 25-44 лет [11]. У представителей ранней молодости наблюдается пониженный уровень удовлетворенности жизнью, сопряженный с размытыми целевыми ориентирами вследствие активного самоопределения [12]. Исследования выявляют специфические проявления психологического благополучия на разных возрастных этапах, обосновывая необходимость создания благоприятных условий для полноценного развития личности.

Исследование О.П. Моисеевой [13] из Международного инновационного университета, опубликованное в NovalInfo, осуществляет масштабный анализ психологического благополучия у респондентов разного пола и возраста, включая более чем тысячу двухсот участников, что позволило автору глубоко изучить различия в психологическом благополучии между молодежью и зрелыми людьми. Основное внимание уделено анализу таких компонентов психологического благополучия, как позитивные отношения, автономия, личностный рост, наличие жизненной цели и удовлетворенность собой, где выявлено, что зрелые люди демонстрируют более высокие способности к построению близких отношений и эмпатии по сравнению с молодежью, которая, сосредоточенная на образовании и карьере, показывает мень-

шую заинтересованность в интимно-личностных связях и ниже выраженную автономию.

В ходе исследовательской работы М. В. Лебедевой, Г. Г. Вербиной [14] было проанализировано изменение ориентаций в ценностных предпочтениях с учётом возрастного фактора. Результаты показали преобладание здоровья как доминирующей ценности среди представителей молодого поколения мужчин. При рассмотрении старшей возрастной категории мужчин обнаружилось смещение приоритетов к общественному признанию как основополагающему жизненному ориентиру.

Методы исследования

В целях определения особенностей ценностно-смысловой сферы и психологического благополучия мужчин ранней и средней зрелости было проведено собственное исследование по методикам методикам и Е.Б. Фанталовой [15] «Ценностные ориентации» и К. Рифф [16] «Шкала психологического благополучия». Данные методики были выбраны исходя из целей исследования, а также с учетом того, что они являются валидными и надежными.

Результаты и обсуждения

По результатам математико-статистической обработки данных выявлены достоверные ($P < 0,001$) различия в показателях «положительные отношения», «самопринятие» и «человек как открытая система». При этом данные показатели достоверно выше в группе мужчин ранней зрелости. Следовательно, мужчинам ранней зрелости в некоторой мере легче выстраивать доверительные отношения с окружающими людьми. На этом этапе выстраиваются дружеские связи, а также интимно-личностное взаимодействие с лицами противоположного пола. Также они более положительно относятся к себе, в большей мере, чем мужчины средней зрелости позитивно оценивают собственное прошлое. Полученные результаты могут быть связаны с тем, что у мужчин средней зрелости более богатый жизненный опыт, который состоял не только из положительных, но и негативно окрашенных событий, разочарований и потерь. В период средней зрелости некоторые мужчины уже пережили развод, финансовые трудности.

Более высокие значения по шкале «человек как открытая система» у мужчин ранней зрелости говорят о том, что они в большей мере открыты новому опыту, способны усваивать новую информацию. Это может быть связано с тем, что период ранней зрелости совпадает с периодом обучения, последилового обучения, с вхождением в профессиональную деятельность.

По результатам математико-статистической обра-

ботки данных было выявлено различие в показателях эго-благополучия ($p < 0,05$). При этом данные показатели достоверно выше в группе мужчин средней зрелости.

Результаты математико-статистической обработки данных позволили выявить достоверные ($P < 0,001$) отличия в показателях таких ценностей, как «активная жизнь», «счастливая семья», «красота природы и искусства», «любовь» и «познание». При этом такие ценности, как счастливая семья, красота природы и искусства, любовь наиболее значимы для группы мужчин среднего возраста, а такие ценности, как активная жизнь и познание – для мужчин ранней зрелости. Полученные данные могут быть объяснены с точки зрения возрастной периодизации, задач каждого возраста. Для мужчин ранней зрелости значимым является поиск себя, получение образования, установление собственной идентичности. Мужчины средней зрелости стремятся к усилению личностного аспекта супружеских отношений, к тому, чтобы оказать помощь и поддержку подрастающим детям, их активные действия в большей степени направлены на обеспечение собственной семьи.

По результатам проведенной математико-статистической обработки данных было выявлено достоверное отличие по показателю здоровье ($p < 0,005$). При этом данный показатель достоверно выше в группе мужчин средней зрелости. Следовательно, мужчины в этом возрасте начинают уделять больше внимания своему здоровью, пытаются оставаться активными.

Проведенное эмпирическое исследование включало корреляционный анализ взаимосвязей между параметрами психологического благополучия личности и ее ценностными ориентациями. Математико-статистическая обработка эмпирических данных осуществлялась путем сопоставления результатов диагностики по методикам К. Рифф «Шкала психологического благополучия» и Е.Б. Фанталовой «Ценностные ориентации». Выявленные корреляционные связи позволили установить закономерности соотношения изучаемых психологических феноменов в обследованной выборке респондентов.

Психологическое исследование установило корреляцию между позитивным мировосприятием и стремлением к деятельной жизненной позиции. Автономность личности демонстрирует связь с активным образом жизни и заботой о здоровье. Жизненные устремления коррелируют с ценностным отношением к любви. Принятие себя находится во взаимосвязи с познавательной активностью и деятельным подходом к жизни. Осознанность существования проявляет устойчивую связь с способностью любить, а открытость новому опыту – с активной жизненной позицией.

Корреляционный анализ выявил значимые взаимос-

вязи между параметрами психологического благополучия и ценностными ориентациями у мужчин периода ранней взрослости. Статистическая обработка полученных данных позволила установить характер и степень зависимости изучаемых показателей в рамках исследуемой выборки.

Результаты корреляционного анализа выявили существенную отрицательную взаимосвязь между степенью восприятия эстетических ценностей и уровнем самостоятельности личности. Дополнительные корреляционные зависимости между исследуемыми параметрами психологического благосостояния и системой ценностных предпочтений у мужчин среднего возраста не обнаружены.

В результате исследования мужской выборки среднего возраста установлены положительные корреляции между стремлением к деятельной жизни и позитивным мировосприятием. Активность жизненной позиции коррелирует с независимостью личности. Мужчины, имеющие четкие жизненные цели, придают высокую значимость любви как ценности. Осмысленность существования тесно связана с романтическими переживаниями. Выявлены отрицательные взаимосвязи между уверенностью в собственных силах и готовностью познавать новое, а также между автономностью личности и вниманием к здоровью.

Проанализируем данные связи.

1. Ценность активной жизни и положительное отношение. Это может говорить о том, что мужчины, которые ценят активный образ жизни чаще имеют позитивное отношение к жизни в целом. Возможно, активное участие в жизни способствует положительным эмоциям и убеждениям.
2. Автономия и ценность активной жизни. Высокая ценность активной жизни может быть связана с уровнем автономии, что предполагает, что мужчины, чувствующие себя свободными в своих действиях и решениях, более склонны стремиться к активному образу жизни.
3. Присутствие цели в жизни и ценность любви. Мужчины, которые оценивают любовь как важную ценность, скорее всего, имеют четкую цель в жизни. Это может свидетельствовать о том, что любовь и отношение к близким являются ключевыми мотивами для достижения жизненных целей.
4. Осмысленность жизни и ценность любви. Высокая значимость любви может способствовать ощущению осмысленности жизни. Это подразумевает, что любовь и личные отношения играют важную роль в формировании ощущения значимости и удовлетворенности жизнью.

Ценностные ориентиры мужчин среднего возраста, включающие активную жизненную позицию и способ-

ность любить, напрямую коррелируют с психологическими характеристиками личности. Позитивное мировосприятие, самостоятельность в принятии решений и осознание жизненных смыслов формируют целостную картину самореализации представителей данной возрастной группы.

Корреляционный анализ взаимосвязей ценностных и смысложизненных ориентаций выявил устойчивые закономерности среди респондентов мужского пола. Мужчины, придающие высокую значимость активному образу жизни, демонстрируют повышенную способность переживать разнообразные эмоциональные состояния и получать удовлетворение от жизненных событий. Статистически значимые корреляции обнаружены между стремлением к деятельной жизни и субъективной оценкой ее результативности. Дополнительно установлена прочная связь между целевыми жизненными установками и ценностным отношением к любви. Полученные данные свидетельствуют о взаимообусловленности активной жизненной позиции и эмоциональной вовлеченности в происходящие события.

Корреляционный анализ показателей ценностных и смысложизненных ориентаций мужчин раннего взрослого возраста выявил значимые взаимосвязи. Результаты демонстрируют прямую связь между локусом контроля Я и стремлением к созданию счастливой семьи. Мужчины, ощущающие способность влиять на события собственной жизни, придают особую значимость семейному благополучию и активно участвуют в его построении. Обнаружены обратные корреляции между локусом контроля Я и уверенностью в себе, а также между ценностью творческой деятельности и жизненными целями. Низкий уровень внутреннего контроля отражается на постановке целей – мужчины, сомневающиеся в возможности управлять жизненными обстоятельствами, формируют менее определенные планы на будущее и проявляют сниженную мотивацию к достижению намеченных результатов.

Корреляционный анализ взаимосвязей ценностных и смысложизненных ориентаций у мужчин средней взрослости выявил существенные закономерности. Мужчины с высоким локусом контроля демонстрируют повышенное внимание к здоровью как приоритетной ценности. Представители данной возрастной группы, воспринимающие жизненные события как подконтрольные им, реже придают значение эстетическим аспектам природы и искусства. Уровень материального благополучия занимает второстепенные позиции у респондентов, склонных рассматривать жизненные обстоятельства как независимые от личных усилий. Низкая значимость финансового достатка у мужчин с внешним локусом контроля может объясняться восприятием материального успеха как результата случайных факторов, а не целенаправленной деятельности.

Жизненные этапы среднего возраста характеризуются существенной переоценкой ценностей у мужчин. Накопленный опыт побуждает их пересматривать приоритеты, смещая фокус внимания с материального благополучия на заботу о здоровье. Зрелость привносит более осознанное отношение к физическому и эмоциональному состоянию, формируя новые жизненные ориентиры. Переосмысление целей происходит на фоне растущего понимания значимости душевного равновесия и полноценной жизни.

Корреляционный анализ установил существенные взаимосвязи между ценностными ориентациями и субъективным благополучием респондентов. Выявленные прямые корреляции демонстрируют зависимость эмоционального состояния от степени активности жизненной позиции личности. Полученные результаты указывают на обратную связь между стремлением к удовольствиям и заботой о здоровье в общей выборке испытуемых. Стремление к достижениям и самореализации напрямую коррелирует с удовлетворенностью собственной деятельностью. Активная жизненная позиция способствует формированию положительного эмоционального фона. Успешная реализация намеченных целей создает устойчивую мотивацию к дальнейшему развитию и поддержанию высокого уровня вовлеченности в различные виды деятельности.

Стремление к сиюминутным удовольствиям и наслаждению жизнью нередко вступает в противоречие с заботой о собственном здоровье. Чрезмерное погружение в активности, приносящие мгновенное удовольствие, зачастую оборачивается пагубными последствиями для физического состояния организма. Непрерывная погоня за краткосрочными радостями способна отвлечь внимание от необходимости поддержания здорового образа жизни в долгосрочной перспективе.

Корреляционный анализ взаимосвязей ценностных ориентаций и субъективного благополучия у мужчин ранней зрелости выявил несколько значимых закономерностей. Показатели активной жизненной позиции демонстрируют устойчивую положительную корреляцию с эмоционально-деятельностным благополучием. Параметры гедонистического благополучия находятся в отрицательной взаимосвязи с ценностями здоровья и семейного счастья. Отрицательная корреляция между стремлением к семейному благополучию и гедонистическими тенденциями свидетельствует о противоречиях между личными желаниями и семейными обязательствами. Мужчины, нацеленные на создание крепких семейных уз, зачастую ограничивают досуг ради заботы о близких людях. Приоритетность семейных обязанностей над индивидуальными удовольствиями приводит к снижению показателей гедонистического благополучия у представителей данной группы.

Корреляционный анализ выявил устойчивые взаимосвязи между параметрами ценностных установок и субъективным благополучием мужчин среднего возраста. Статистически значимые корреляции прослеживаются между самоощущением личности и приоритетностью здорового образа жизни, эмоциональным комфортом и значимостью романтических отношений, восприятием прекрасного в природе и искусстве. Мужчины зрелого возраста демонстрируют прямую зависимость удовлетворенности собственной внешностью от физического самочувствия. Регулярные занятия спортом способствуют росту жизненного тонуса, позитивному настрою и уверенности. Ощущение физической силы формирует положительную самооценку и гармоничный образ себя.

Мужчины на разных этапах зрелости демонстрируют различные взаимосвязи между психологическим благополучием и жизненными ценностями. Молодые взрослые мужчины проявляют устойчивую корреляцию психологического комфорта с активным образом жизни и внутренней уверенностью. Представители среднего возраста обнаруживают значимые связи душевного равновесия со здоровьем, романтическими отношениями и гармонией в семье.

Научные исследования возрастной психологии мужчин от восемнадцати до шестидесяти пяти лет раскрывают значимость этапа взросления для становления личности. Зрелость приносит человеку независимость в принятии решений, побуждает брать на себя больше обязательств и развивать собственную индивидуальность. Молодые мужчины активно выстраивают социальные контакты и связи, тогда как представители среднего возраста концентрируются на достижении намеченных целей в карьере и личной жизни. Переживание кризисных состояний нередко возникает при несоответствии желаемых результатов реальным достижениям или утрате жизненных ориентиров.

Современные научные изыскания демонстрируют неоднозначность аспектов психологического благополучия мужчин в различные периоды жизненного пути. Зарубежные исследователи концентрируются преимущественно на эмпирическом анализе и оценке собственного состояния индивидом. Российские специалисты уделяют первостепенное внимание взаимосвязи психологического здоровья с механизмами эмоциональной саморегуляции личности.

Ценностно-смысловая структура выступает основополагающим элементом в формировании личности человека, включая два взаимосвязанных компонента - персональные смыслы и ценностные приоритеты. Индивидуальная система смысловых и ценностных координат позволяет субъекту осознанно выбирать значимые жизненные ориентиры, формируя собственную траекторию развития и самореализации.

Выводы и заключение

Таким образом, в ходе исследования были выявлены различия в системе ценностей и уровне психологического благополучия у мужчин ранней и средней зрелости. Для мужчин ранней зрелости характерны такие ценности, как активная жизнь, стремление к материальному достатку и познанию. У мужчин средней зрелости в приоритете оказываются счастливая семья, материальное благополучие и любовь. Оба возрастных периода сопровождаются внутриличностными конфликтами, связанными с материальным достатком: у молодых мужчин такой конфликт возникает еще и между активной жизнью и ценностью счастливой семьи, а у более зрелых – со здоровьем. Кроме того, мужчины ранней зрелости чаще демонстрируют более высокую способность к установлению доверительных отношений, ощущению удовлетворенности жизнью и принятию себя, что говорит об их оптимистичном взгляде на жизнь. В то же время мужчины средней зрелости

более склонны к развитию эго-благополучия, что отличает их от мужчин ранней зрелости. Коэффициент корреляции Спирмена позволил выявить связи между ценностями и благополучием показывают сложные отношения в восприятии жизни у разных возрастных групп мужчин. Среди мужчин ранней зрелости наблюдаются связи между активной жизнью и эмоциональным благополучием, локусом контроля и значением счастливой семьи, а также обратные связи между уверенностью в себе и ценностью творчества.

У мужчин средней зрелости обнаружены прямые связи между активной жизнью и положительным отношением к жизни, а также между целями в жизни и любовью, эго-благополучием и здоровьем. В то же время прослеживаются обратные связи между локусом контроля и ценностью материального достатка и красоты. Эти результаты подчеркивают важность понимания различных аспектов самовосприятия и их влияния на общее благополучие мужчин в разных возрастах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды: в 2 т. Т. 2 / Б.Г. Ананьев; под ред. А.Л. Бодалева. — Москва: Педагогика, 1980. — 288 с. — URL: https://elibr.old.gnpbu.ru/text/ananiev_izbrannyye-trudy_t2_1980/fs,1/ (дата обращения: 18.03.2025).
2. Журавлев А.Л. Коллективный предмет: основные признаки, уровни и психологические типы / А. Л. Журавлев // Психологический журнал. — 2009. — Т. 30, № 5. — С. 72–80. — ISSN 0205 0617. — URL: <https://lib.ipran.ru/public/paper/13555886> (дата обращения: 20.03.2025).
3. Хофманн В., Шмейхель Б.Дж., Бадделей А.Д. Исполнительные функции и саморегуляция / Вильгельм Хофманн, Брэндон Дж. Шмейхель, Алан Д. Бадделей // Тенденции в когнитивных науках. — 2012. — Т. 16, № 3. — С. 174–180. — DOI: 10.1016/j.tics.2012.01.006. — ISSN 1364 6613. — URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1364661312000289> (дата обращения: 20.03.2025).
4. Головей Л.А., Стрижицкая О.Ю., Криулина А.В. Позитивное функционирование личности в пожилом возрасте: комплексный подход / Л.А. Головей, О.Ю. Стрижицкая, А.В. Криулина // Психологические исследования. — 2014. — Т. 7, № 36. — С. 9–14. — DOI: 10.54359/ps.v7i36.607. — ISSN 2075 7999. — URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/607> (дата обращения: 20.03.2025).
5. Эриксон Э.Х. Идентичность: юность и кризис / Э.Х. Эриксон; пер. с англ.; общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. — М.: Прогресс, 1996. — 344 с. — ISBN 5-01-004479-X. — URL: <https://psychoanalysis.by/2024/04/23/скачать-книгу-эрик-эриксон-идентичность-юность-и-кризис/> (дата обращения: 20.03.2025).
6. Алексеева О.С., Ржанова И.Е. Ценностные ориентации представителей четырех возрастных групп россиян / О.С. Алексеева, И.Е. Ржанова // Новые психологические исследования. — 2021. — Т. 3. — С. 121–133. — DOI: 10.51217/npsyresearch_2021_01_03_06. — ИСЧН — URL: https://www.researchgate.net/publication/356016109_Cennostnye_orientacii_predstavitelej_cetyreh_vozrastnyh_grupp_rossian (дата обращения: 20.06.2025).
7. Александрова А.А., Калашников В.М. Сравнительный анализ ценностных ориентаций личности разных возрастных групп / А.А. Александрова, В. М. Калашников // Развитие человека в современном мире. — 2022. — № 4. — С. 51–59. — URL: <https://lib.nspu.ru/views/sbo/38934/read.php> (дата обращения: 22.03.2025).
8. Климентов А.А., Ярошенко Г.В. Анализ используемых информационных технологий по развитию личности: сборник трудов конференции / А.А. Климентов, Г.В. Ярошенко // Феноменология личности: ресурсность и многоаспектность: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Армавир, 22 нояб. 2022 г.) / редкол.: И.В. Ткаченко [и др.]. — Чебоксары: ИД «Среда», 2022. — С. 169–171. — ISBN 978-5-907561-92-2. — Размещено: Южно-Российский институт управления (филиал) ФГБОУ ВО «РАНХиГС» [Электронный ресурс]: <https://yu-ranxigs.ru/> (дата обращения: 22.03.2025).
9. Яницкий М.С., Серый А.В. Основные методологические подходы к изучению ценностно-смысловой сферы личности // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. — 2012. — № 19-1. — С. 82–97. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-metodologicheskie-podhody-k-izucheniyu-tsennostno-smyslovoy-sfery-lichnosti> (дата обращения: 25.03.2025).
10. Белановская М.Л. Ценностные ориентации у мужчин и женщин раннего зреления / М. Л. Белановская // Актуальные научные исследования в современном мире. — 2016. — № 10-5(18). — С. 13–21. — URL: <https://elibr.bspu.by/handle/doc/16554> (дата обращения: 22.03.2025).
11. Андриянова Н.А., Жуков А.М. Механизмы и факторы формирования ценностных ориентаций личности / Н.А. Андриянова, А.М. Жуков // Вестник Екатеринбургского института. — 2015. — № 1(29). — С. 86–91. — URL: <https://elibr.ipran.ru/paper/22331683> (дата обращения: 22.03.2025).
12. Аверьянов А.И., Тимохович А.М. Сущность и развитие ценностно-смысловой сферы личности // Смыслообразование и его контексты: жизнь, структура, культура, опыт. — 2022. — № 1. — С. 56–61. — DOI: 10.24412/cl-36922-2022-1-56-61. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-i-razvitiie-tsennostno-smyslovoy-sfery-lichnosti> (дата обращения: 22.03.2025).

13. Моисеева О.П. Возрастные особенности психологического поведения / О.П. Моисеева // *НоваИнфо*. — 2021. — № 129. — С. 97–98. — DOI: 10.24412/cl-36922-2022-1-56-61. — URL: <https://novainfo.ru/article/18853> (дата обращения: 22.03.2025).
14. Лебедева М.В., Вербина Г.Г. Гендерные различия в ценностных ориентациях личности // *Образование и право*. — 2019. — № 8. — С. 40–42. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41374394> (дата обращения: 22.03.2025).
15. Фанталова Е.Б. Диагностика ценностей и внутренних конфликтов в общей и клинической психологии // *Клиническая и специальная психология*. — 2013. — Т. 2. — № 1. — URL: https://psyjournals.ru/journals/cpse/archive/2013_n1/58926 (дата обращения: 22.03.2025).
16. Ryff C. D., Keyes C.L.M. The structure of psychological well being revisited // *Journal of Personality and Social Psychology*. — 1995. — № 69, № 4. — P. 719–727. — DOI: 10.1037/0022-3514.69.4.719. — URL: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.69.4.719> (дата обращения: 12.06.2025).

© Хрептович Руслан Францевич (r.avatar@yandex.ru) Белов Василий Васильевич (vasvasbelow@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЛОКУС КОНТРОЛЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СТУДЕНТОВ: РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Шарова Ольга Львовна

Кандидат социологических наук, доцент, АНОВО
«Московский международный университет»
o.sharova@mmu.ru

LOCUS OF CONTROL AND PROFESSIONAL IDENTITY OF STUDENTS: RESULTS OF AN EMPIRICAL STUDY

O. Sharova

Summary: The article presents the results of an empirical study of the relationship between locus of control and professional identity among students (N=141). The study revealed a shift in the locus of control towards externality and a predominance of problematic types of identity (diffuse and premature). The correlation analysis confirmed a positive relationship between internality and the level of professional identity, and a negative relationship for externality. The article concludes that it is necessary to purposefully develop the internal locus of control in the process of psychological and pedagogical support for the professional development of students.

Keywords: locus of control, internality, externality, professional identity, identity statuses, students.

Аннотация: В статье представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи локуса контроля и профессиональной идентичности у студентов (N=141). Выявлено смещение локуса контроля в сторону экстернальности и преобладание проблемных типов идентичности (диффузной и преждевременной). Корреляционный анализ подтвердил положительную связь интернальности с уровнем профессиональной идентичности и отрицательную — для экстернальности. Сделан вывод о необходимости целенаправленного развития внутреннего локуса контроля в процессе психолого-педагогического сопровождения профессионального становления студентов.

Ключевые слова: локус контроля, интернальность, экстернальность, профессиональная идентичность, статусы идентичности, студенты.

Введение

Профессиональная идентичность и локус контроля – два взаимосвязанных психологических конструкта, определяющих успешность профессионального становления личности. Если «профессиональная идентичность» отражает степень интеграции человека в профессиональную среду, его самоопределение и принятие ролевых норм [9, с.130], то «локус контроля» (по Роттеру, 1954) характеризует убежденность человека в том, насколько его успехи и неудачи зависят или от его собственных усилий (интернальность) или от внешних обстоятельств (экстернальность). Исследование Paul E. Spector (1982) стало одной из первых работ, выявивших значимое влияние локуса контроля на ключевые аспекты профессионального поведения, такие как мотивация, восприятие рабочей среды и адаптация к изменениям. Он показал, что внутренний локус контроля способствует формированию устойчивой профессиональной идентичности через активное принятие карьерных решений, интернализацию профессиональных ценностей и адаптацию к кризисным ситуациям. Внешний локус контроля, напротив, может затруднять этот процесс, усиливая зависимость от внешних обстоятельств [11, с 484].

Дальнейшее развитие данной идеи в работах Тимоти А. Джаджа и Джойс Э. Боно (1998) [10, с.86] показало, что локус контроля является устойчивой личностной чертой, оказывающей значительное влияние на про-

фессиональную адаптивность, удовлетворенность работой и успех, а интернальность тесно связана с проактивным карьерным поведением, высоким уровнем самооценки и устойчивостью к стрессам организационного окружения.

За последние десятилетия интерес к изучению локуса контроля сместился в область профессионального развития, организационного поведения и взаимосвязи влияния культурного контекста в исследуемой проблеме. В ряде исследований установлено, что именно культурный контекст в значительной степени влияет на формирование профессиональной идентичности и проявления локуса контроля. Подтверждением тому явилось исследование Algadheeb H. (2015) [8, с. 13–38] которое

- констатировало, что связь между локусом контроля и профессиональным самоопределением имеет свои особенности, обусловленные социальными и культурными нормами региона;
- связь между внешним локусом контроля и профессиональной ориентацией неоднозначна, что подчеркивает важность культурного фактора при интерпретации результатов. Работа Algadheeb показывает, что в культурах с более коллективистскими ценностями или сильной традицией социальной иерархии внешний локус контроля (вера в судьбу, влияние старших) может не только не препятствовать, но и гармонично вписываться в процесс профессионального самоопределения.

В русле современных представлений о социальном конструировании реальности, китайские исследователи Ye и Wang (2023) убедительно показали, что социальная поддержка выступает значимым медиатором во взаимосвязи локуса контроля и профессиональной идентичности у студентов-педагогов. Этот факт позволяет понять более сложную динамику формирования профессиональной идентичности: социальная поддержка может усиливать положительное влияние внутреннего локуса контроля и смягчать негативные последствия внешнего локуса [12, с.80-92]. Результаты исследования подчеркивают, что профессиональная идентичность студентов формируется не только под влиянием личностных характеристик, но и в социальном контексте, что имеет важное значение для разработки стратегий поддержки профессионального становления студентов.

В центре научных интересов А.Н. Исмагуловой (2025) — взаимосвязь локуса контроля и мотивации достижения. Его исследование, проведенное на студентах-медиках, подтверждает: внутренняя атрибуция ответственности стимулирует активность, формирует ответственное отношение к деятельности и обеспечивает более высокие академические результаты [4]. Полученные данные акцентируют внимание на том, что локус контроля реализуется в профессиональном становлении через конкретные поведенческие стратегии и мотивационные установки.

Важным практическим вопросом является возможность целенаправленного развития профессиональной идентичности. Ответ на этот вопрос дает мета-анализ, выполненный группой учёных под руководством Crocetti (2024). На основе обобщения данных международных исследований убедительно доказывается эффективность *психолого-педагогических интервенций* в развитии профессиональной и образовательной идентичности молодёжи [9].

Таким образом, современный взгляд зарубежных психологов на локус контроля и профессиональную идентичность учитывает не только устойчивые личностные черты, но и социально - культурно обусловленные особенности. Такой комплексный подход позволяет глубже понять механизмы формирования профессиональной идентичности и создавать эффективные условия для развития профессионального самоопределения в образовательных учреждениях.

Исследования российских авторов подтверждают значимое влияние локуса контроля на профессиональную идентичность и мотивацию достижения успеха. Данные ряда исследований, проведённых на выборке российских студентов подчеркивают важность развития внутреннего локуса контроля в процессе обучения и профессионального становления, связывая это с ростом интереса

к будущей профессии, приобретением опыта и рефлексией (Горская Н.Е. [1], Зобнина Т.В. и Кислякова Л.П. [3]). Представленные в этих исследованиях данные также показывают, что интернальный локус контроля связан с позитивным самоотношением и устойчивостью профессиональной идентичности, тогда как высокий уровень тревожности чаще встречается у студентов с внешним локусом контроля, что требует от вузов создания условий для психологической поддержки (Зинина С.М. [2]).

В центре внимания исследования А.В. Карпова, Е.В. Карповой и Е.В. Марковой [5] находится локус контроля, который авторы определяют в качестве ключевого компонента *метакогнитивной сферы личности*, подчеркивая его значение в контексте образования. Согласно их выводам, прослеживается отчетливая корреляция между локусом контроля и рефлексивностью индивида, причем наиболее ярко эта связь выражена у студентов и преподавателей, глубоко погруженных в учебный процесс. Данное наблюдение, квалифицируемое как феномен деятельностной фасилитации, указывает на то, что вовлеченность в профессиональную деятельность повышает функциональную роль локуса контроля. Именно интернальный локус контроля, сопряженный с развитой рефлексией и саморегуляцией, создает предпосылки для обретения целостной и устойчивой профессиональной идентичности. Как отмечают авторы, университеты, которые целенаправленно формируют среду для профессиональных проб и рефлексивных практик, тем самым способствуют росту личностной уверенности обучающихся и стимулируют их профессиональное самоопределение. Работа доказывает, что локус контроля не просто детерминирует мотивацию и поведенческие стратегии, но и интегрирован в когнитивные структуры, необходимые для успешного профессионального становления.

Итак, отечественные исследования развития данной проблемы, выполненные в течение последнего десятилетия, позволяют сделать вывод, что устойчивое и успешное профессиональное становление студентов невозможно представить без развития внутреннего локуса контроля, сопровождаемого высокой рефлексивной активностью и позитивным само отношением, а также при адекватной работе с психологическими факторами, такими как тревожность. Эти результаты имеют важное значение для разработки педагогических и психологических программ, направленных на комплексное сопровождение студентов в процессе формирования профессиональной идентичности с учётом данных по локусу контроля студентов.

Современный взгляд зарубежных психологов на локус контроля и профессиональную идентичность подчеркивает роль локуса контроля как устойчивой личностной черты, оказывающей существенное влияние на профессиональное самоопределение, карьерную адап-

тивность и успешность. Важный акцент делается и на социально-культурные особенности, которые модифицируют проявления локуса контроля и его связь с профессиональной идентичностью в различных культурных контекстах. Социальная поддержка выступает значимым посредником в этом взаимодействии, расширяя понимание механизмов формирования профессиональной идентичности.

Однако, несмотря на многочисленные исследования, эмпирических данных о специфике взаимосвязи этих конструктов в выборке российских студентов, обучающихся на разных специальностях, представлено недостаточно.

Организация и методы исследования

Цель исследования — выявить характер и силу взаимосвязи локуса контроля (интернальности/экстернальности) и профессиональной идентичности у студентов российских вузов.

Задачи исследования:

1. Определить преобладающий тип локуса контроля и статусы профессиональной идентичности в исследуемой выборке студентов.
2. Установить наличие и направление статистически значимых взаимосвязей между показателями локуса контроля и профессиональной идентичности.
3. На основе полученных результатов разработать практические рекомендации по психолого-педагогическому сопровождению профессионального самоопределения студентов.

Гипотеза исследования: Предполагается, что интернальный locus контроля положительно связан с высоким уровнем и зрелыми статусами профессиональной идентичности, в то время как экстернальный locus контроля связан с низким уровнем и проблемными статусами профессиональной идентичности.

Выборка. Эмпирическое исследование проводилось на базе Московского международного университета, Московского государственного психолого-педагогического университета, МИРЭА (Российский технологический университет) и Московского финансово-промышленного университета «Синергия». В нем приняли участие 141 студент (58% женщин, 42% мужчин) в возрасте от 17 до 23 лет ($M = 19.5$, $SD = 1.3$), обучающихся с 1 по 4 курс по направлениям подготовки «Психология», «Педагогическое образование», «Гражданское право», «Математическое моделирование и вычислительная математика», «Химия гибридных полимерных систем». Выборка является добровольной.

Методики и инструменты. Для диагностики локуса контроля использовалась методика УСК (Е.Ф. Бажин и др.),

позволяющая оценить интернальность (склонность приписывать ответственность себе) и экстернальность (склонность объяснять события внешними обстоятельствами).

Для изучения профессиональной идентичности применён опросник Л.Б. Шнейдер, диагностирующий пять статусов: диффузная, преждевременная, мораторий, достигнутая позитивная и псевдопозитивная идентичность. Дополнительно рассчитывался коэффициент идентичности как соотношение профессиональных и непрофессиональных элементов в Я-концепции.

Процедура. Исследование проводилось в форме анонимного тестирования в онлайн-формате с использованием платформы Google Forms. Среднее время заполнения двух опросников составило 25-30 минут. Перед началом работы испытуемые знакомились с инструкцией и давали информированное согласие на обработку данных.

Методы статистической обработки данных. Статистическая обработка данных проводилась с помощью корреляционного анализа (коэффициент Пирсона) с использованием стандартного пакета программ Statistika. Описание выборки проводилось с помощью методов описательной статистики: рассчитывались среднее арифметическое (M) и стандартное отклонение (SD) для всех количественных показателей. Анализ взаимосвязей между переменными осуществлялся с помощью корреляционного анализа (коэффициент линейной корреляции Пирсона). Для всех процедур проверки статистических гипотез уровень значимости принимался равным $p \leq 0.05$.

Результаты и их обсуждение

По данным нашего исследования, в выборке преобладают проблемные типы профессиональной идентичности: диффузная (42,6%) и преждевременная (21,3%), совокупно составляющие 63,8% ($n = 90$). Зрелые и переходные формы представлены значительно слабее: мораторий и достигнутая позитивная идентичность — по 14,2% каждая, псевдопозитивная идентичность — 7,8%. Такое распределение свидетельствует о выраженных трудностях профессионального самоопределения у большинства студентов.

Для оценки степени выраженности этих тенденций на уровне индивидуальных показателей был проведён анализ описательной статистики (Таблица 2). Полученные данные демонстрируют внутреннюю согласованность: низкий средний балл профессиональной идентичности ($M=6.0$) служит прямым количественным подтверждением доминирования диффузной и преждевременной идентичности в выборке. Таким образом, качественное преобладание проблемных типов находит своё прямое отражение в количественно низком уровне сформированности профессионального Я.

Таблица 1.

Описательная статистика основных показателей.

Показатель	M	SD	Min	Max
Интернальность	9.3	4.4	1	24
Экстернальность	12.1	4.0	1	24
Профессиональная идентичность	6.0	3.6	0	24
Коэффициент идентичности	1.27	0.45	0.2	3.8

Анализ основных показателей (табл. 1) выявил несколько характерных особенностей выборки:

Наблюдается смещение локуса контроля в сторону экстернальности: средний балл по экстернальности ($M = 12.1$) превышает показатель интернальности ($M = 9.3$), что свидетельствует о преобладании внешней атрибуции ответственности у студентов.

Уровень профессиональной идентичности является низким ($M = 6.0$ при максимуме 24), что соответствует лишь 25% от возможного максимума. Коэффициент идентичности ($M = 1.27$) указывает на незначительное преобладание профессиональных элементов в структуре Я-концепции.

Высокие стандартные отклонения по всем шкалам (SD от 3.6 до 4.4) отражают существенную неоднородность выборки, что подтверждается широкими диапазонами значений (например, интернальность варьируется от 1 до 24 баллов). Это свидетельствует о наличии качественно различных подгрупп в выборке.

Корреляционный анализ выявил статистически значимые связи между всеми основными показателями исследования, что подтверждает системную взаимосвязь локуса контроля и профессиональной идентичности. Все основные переменные исследования оказались статистически значимо взаимосвязаны. Ключевым результатом является подтверждение положительной роли интернальности и отрицательной роли экстернальности в становлении профессиональной идентичности.

Установлены следующие значимые связи ($p < 0.05$):

Интернальность положительно коррелирует с баллом профессиональной идентичности ($r = +0.42$) и коэффициентом идентичности ($r = +0.38$).

Экстернальность отрицательно коррелирует с теми же показателями ($r = -0.25$ и $r = -0.22$ соответственно).

Интернальность и экстернальность умеренно отрицательно связаны между собой ($r = -0.48$), что подтверждает их оппозиционность как полюсов одного конструкта.

Показатели идентичности демонстрируют очень тес-

ную связь ($r = +0.85$), указывающую на согласованность измерений.

Полученная картина взаимосвязей позволяет рассматривать интернальный локус контроля как психологический ресурс, а экстернальный — как фактор риска в процессе профессионального самоопределения студента. Полученные нами данные согласуются с результатами исследований Е.Г. Ксенофонтовой [8] и Т.В. Зобниной [5], указывающих на связь интернальности с устойчивостью Я-концепции. Однако высокий процент диффузной идентичности (42,6%) в сочетании с экстернальностью может отражать не только личностные особенности, но и влияние социокультурной неопределённости, на что указывают зарубежные авторы [1; 11]. Вероятно, формирование профессиональной идентичности в современных российских условиях требует не только развития рефлексии [7], но и целенаправленного обучения навыкам совладения с неопределённостью.

Выводы

Таким образом, статистический анализ полученных в проведенном исследовании подтвердил ключевые закономерности исследования:

1. Доминирование экстернальности в сочетании с низким уровнем сформированности профессиональной идентичности у большинства выборки (63,8% проблемных типов) позволяет рассматривать внешний локус контроля как важный фактор, поддерживающий состояние профессиональной неопределённости. Это требует пересмотра подходов к психолого-педагогическому сопровождению: не только работа с идентичностью, но и целенаправленное развитие интернальности.
2. Низкие показатели профессиональной идентичности (~25% от максимума) свидетельствуют о недостаточной сформированности профессионального Я.
3. Высокая доля проблемных типов идентичности (диффузная + преждевременная = 63,83%) указывает на необходимость целенаправленного психолого-педагогического сопровождения профессионального самоопределения студентов. Распределение студентов по типам идентичности (с преобладанием диффузной и преждевременной форм) демонстрирует неоднородность проблемного поля. Следовательно, поддержка долж-

на быть не массовой, а дифференцированной: для студентов с диффузной идентичностью — помощь в преодолении избегания выбора; с преждевременной — в развитии критической рефлексии принятых решений.

4. Выявленная положительная связь интернальности с профессиональной идентичностью ($r=+0,42$) подтверждает, что внутренний локус контроля выступает не просто коррелятом, а потенциальным ресурсом и «двигателем» процесса профессионального становления. Это даёт основание для разработки программ, где развитие ответственности и субъектной позиции становится целью, а не фоном.

Полученные данные создают эмпирическое обоснование для внедрения в образовательный процесс

вуза модулей, направленных на развитие внутреннего локуса контроля, рефлексивных практик и навыков осознанного выбора. Приоритетной группой для такой работы являются студенты с диффузной и преждевременной идентичностью. Для повышения эффективности профессионального становления рекомендуется включать в учебные планы и дополнительные программы компоненты, направленные на развитие внутреннего локуса контроля, рефлексивных и саморегулятивных навыков. Психологическая поддержка, социальная поддержка и создание условий, снижающих тревожность, особенно необходимы для студентов с неопределёнными типами идентичности, а развитие внутреннего локуса контроля, очевидно, следует рассматривать как инновационную задачу современного вуза.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горская Н.Е. Особенности уровня субъективного контроля студентов в области достижений, профессиональной сфере и их личностный рост в процессе обучения в вузе // Вестник ИргТУ. – 2011. – № 9 (56). – С. 245–249.
2. Зинина С.М. Взаимосвязь локуса контроля и тревожности студентов как предмет психологических исследований // Гуманизация образования. – 2024. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-lokusa-kontrolya-i-trevozhnosti-studentov-kak-predmet-psihologicheskikh-issledovaniy> (дата обращения: 08.12.2025).
3. Зобнина Т.В., Кислякова Л.П. Особенности самоотношения у студентов с интернальным и экстернальным локусом контроля // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2021. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-samoотношения-u-studentov-s-internalnym-i-eksternalnym-lokusom-kontrolya> (дата обращения: 08.12.2025).
4. Исмагуллоев А.Н. Взаимосвязь локуса контроля и мотивации достижения успеха у студентов младших курсов // Inter education & global study. – 2025. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-lokusa-kontrolya-i-motivatsii-dostizheniya-uspeha-u-studentov-mladshih-kursov> (дата обращения: 07.12.2025).
5. Карпов А.В., Карпова Е.В., Маркова Е.В. Локус контроля как фактор метакогнитивной сферы личности и его специфика в образовательной деятельности // Психология и психотехника. – 2022. – № 3 (57). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lokus-kontrolya-kak-faktor-metakognitivnoy-sfery-lichnosti-i-ego-spetsifika-v-obrazovatelnoy-deyatelnosti> (дата обращения: 08.12.2025).
6. Ксенофонтова Е.Г. Исследование локализации контроля личности – новая версия методики «Уровень субъективного контроля» // Психологический журнал. – 1999. – Т. 20. – № 2. – С. 103–114.
7. Кучеренко С.В. Категориальный анализ понятия «Профессиональная идентичность» // Гуманитарные науки. – 2021. – № 1 (53). – С. 127–132. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategorialnyy-analiz-ponyatiya-professionalnaya-identichnost> (дата обращения: 29.12.2025).
8. Algadheeb N.A. Career Orientation, Awareness, and Their Relationship with Locus of Control // Journal of College Teaching & Learning. – 2015. – Vol. 12, No. 1. – P. 13–38.
9. Crocetti E., De Lise F., Pagano M., Bobba B., Maratia F., Meeus W., et al. What's your vocation? A meta-analysis of interventions tackling youth educational and professional identity // Identity: An International Journal of Theory and Research. – 2024. – 15 September. – URL: <https://doi.org/10.1080/15283488.2024.2394861> (дата обращения: 21.12.2025).
10. Judge T.A., Bono J.E. Relationship of Core Self-Evaluations Traits—Self-Esteem, Generalized Self-Efficacy, Locus of Control, and Emotional Stability—With Job Satisfaction and Job Performance: A Meta-Analysis // Journal of Applied Psychology. – 2001. – Vol. 86, No. 1. – P. 80–92. – DOI: 10.1037/0021-9010.86.1.80.
11. Spector P.E. Behavior in Organizations as a Function of Employee's Locus of Control // Psychological Bulletin. – 1982. – Vol. 91, No. 3. – P. 482–497.
12. Ye J., Wang Y. The Relationship Between Locus of Control and Professional Identity of Pedagogical Students: The Mediating Effect of Social Support // Journal of Education, Humanities and Social Sciences. – 2023. – Vol. 8. – P. 1546–1554.

© Шарова Ольга Львовна (o.sharova@mmu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НЕЙРОИНЖИНИРИНГ МЫШЛЕНИЯ КАК ОПЕРАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНТУР НЕЙРОИНЖИНИРИНГА КОГНИТИВНОЙ АРХИТЕКТУРЫ: ПОНЯТИЙНЫЕ ГРАНИЦЫ, ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И НАУЧНАЯ НОВИЗНА

Щербакowa Инна Михайловна

*кандидат психологических наук, Академия научно-исследовательского нейроинжиниринга и образовательных технологий, (г. Москва)
inna.shcherbakova@realityrestart.com*

NEUROENGINEERING OF THINKING AS AN OPERATIONAL CONTOUR OF NEUROENGINEERING OF COGNITIVE ARCHITECTURE: CONCEPTUAL BOUNDARIES, THEORETICAL FOUNDATIONS AND SCIENTIFIC NOVELTY

I. Shcherbakova

Summary: Object The article substantiates the introduction of a new scientific concept — “Neuroengineering of Thinking” — as an operational contour within Neuroengineering of Cognitive Architecture (NCA). The relevance of the study is determined by the fact that existing concepts such as neuroplasticity, neuromodulation, cognitive enhancement, cognitive training, psychotherapy, coaching and neuromanagement describe individual mechanisms of psychological, behavioral or cognitive change, but do not form a unified scientific framework for the purposeful design of sustainable cognitive strategies.

The purpose of the article is to define the conceptual boundaries of Neuroengineering of Thinking, reveal its theoretical foundations, distinguish it from related approaches and determine its place within Neuroengineering of Cognitive Architecture. The methodological basis includes the concepts of neuroplasticity, functional systems theory, cognitive psychology, psychophysiology, self-regulation theory, cognitive-behavioral approach, research on executive functions, emotional regulation and systems analysis.

Findings Neuroengineering of Thinking is proposed to be considered as a field that studies and applies methods of purposeful formation, restructuring and stabilization of sustainable cognitive strategies based on mechanisms of neuroplasticity, cognitive-emotional integration, psychophysiological adaptation and metacognitive control. It is shown that Neuroengineering of Thinking is not synonymous with neuromodulation, cognitive enhancement, coaching or psychotherapy, but represents a separate scientific and applied level aimed at designing the architecture of decision-making, emotional regulation, metacognitive control and strategic behavior.

The article proposes a hierarchical model: Neuroengineering of Cognitive Architecture → Architecture of Thinking → Cognitive-Emotional Integration → Neuroengineering of Thinking → applied methodologies, including Reality Restart. The empirical basis of the concept is represented by the results of a previously published study on increasing emotional maturity among executive personnel using the author’s Reality Restart methodology.

Conclusions The scientific novelty of the article lies in introducing

Аннотация: В статье обосновывается введение нового научного понятия — «нейроинжиниринг мышления» — как операционального контура внутри нейроинжиниринга когнитивной архитектуры. Актуальность исследования обусловлена тем, что существующие понятия — нейропластичность, нейромодуляция, когнитивное усиление, когнитивный тренинг, психотерапия, коучинг и нейроменеджмент — описывают отдельные механизмы изменения психики, поведения или когнитивных функций, однако не формируют единой научной рамки для целенаправленного проектирования устойчивых мыслительных стратегий личности.

Цель статьи — определить понятийные границы нейроинжиниринга мышления, раскрыть его теоретические основания, разграничить со смежными подходами и показать его место в системе нейроинжиниринга когнитивной архитектуры.

Методологическую основу работы составляют положения нейропластичности, теории функциональных систем, когнитивной психологии, психофизиологии, теории саморегуляции, когнитивно-поведенческого подхода, исследований executive functions, эмоциональной регуляции и системного анализа.

Результаты. Предлагается рассматривать нейроинжиниринг мышления как направление, изучающее и применяющее методы целенаправленного формирования, перестройки и стабилизации устойчивых когнитивных стратегий на основе механизмов нейропластичности, когнитивно-эмоциональной интеграции, психофизиологической адаптации и метакогнитивного контроля. Показано, что нейроинжиниринг мышления не является синонимом нейромодуляции, когнитивного усиления, коучинга или психотерапии, а представляет собой отдельный научно-прикладной уровень, направленный на проектирование архитектуры решений, эмоциональной регуляции, метакогнитивного контроля и стратегического поведения.

В статье предложена иерархическая модель: нейроинжиниринг когнитивной архитектуры → архитектура мышления → когнитивно-эмоциональная интеграция → нейроинжиниринг мышления → прикладные методики, включая «Рестарт Реальности». Эмпирическим основанием концепции выступают результаты ранее опубликованного исследования повышения эмоциональной зрелости руководящего персонала организации с помощью авторской методики «Рестарт Реальности».

Выводы. Научная новизна статьи заключается во введении понятия «нейроинжиниринг мышления», определении его объекта, предмета, целей, методов, границ и места в системе новой научной дисциплины. Практическая значимость связана с возможностью применения данного подхода в управлении, лидерстве, антикризисном управлении, образовании, корпоративном развитии и подготовке руководителей.

Ключевые слова: нейроинжиниринг мышления, нейроинжиниринг когнитив-

the concept of Neuroengineering of Thinking, defining its object, subject, goals, methods, boundaries and place in the system of a new scientific discipline. The practical significance is associated with the possible application of this approach in management, leadership, crisis management, education, corporate development and executive training.

Keywords: Neuroengineering of Thinking, Neuroengineering of Cognitive Architecture, NCA, cognitive architecture, architecture of thinking, cognitive-emotional integration, neuroplasticity, psychophysiology, emotional maturity, managerial decisions, strategic leadership.

Введение

Современная наука о мышлении находится на этапе перехода от описательного изучения когнитивных процессов к разработке моделей их целенаправленного формирования, перестройки и стабилизации [2; 4; 39]. В классической психологии мышление традиционно рассматривалось как высшая психическая функция, связанная с анализом, обобщением, опосредованием, речью, памятью, вниманием, принятием решений и регуляцией поведения [2; 4]. В нейропсихологии и когнитивной науке мышление изучалось через работу функциональных систем, процессов внимания, рабочей памяти, исполнительного контроля, эмоциональной регуляции и адаптивного поведения [3; 13, 35; 36].

Развитие исследований нейропластичности существенно изменило понимание возможностей мозга. Было показано, что нервная система не является жёстко заданной структурой, а обладает способностью к изменению функциональных связей, перестройке нейронных ансамблей, формированию новых паттернов активности и адаптации под воздействием опыта, обучения, повторения и эмоционально значимых событий [19, 23]. Однако сама нейропластичность описывает биологическую возможность изменений, но не даёт научного языка их инженерного проектирования.

Параллельно развиваются направления нейромодуляции, когнитивного усиления, нейрофидбэка, нейроинтерфейсов, психотерапии, коучинга и нейроменеджмента [14, 17; 18; 22]. Однако ни одно из них не описывает системное проектирование мышления как архитектуры решений.

В управленческом контексте ключевыми становятся устойчивость, когнитивная гибкость и способность к стратегическому прогнозированию [34; 33].

Ранее обоснован нейроинжиниринг когнитивной архитектуры [15; 16; 28] как междисциплинарное направление [9; 10]. В данной логике выделяется операци-

онной архитектуры, НКА, когнитивная архитектура, архитектура мышления, когнитивно-эмоциональная интеграция, нейропластичность, психофизиология, эмоциональная зрелость, управленческие решения, стратегическое лидерство.

ональный уровень — нейроинжиниринг мышления.

Актуальность исследования

Актуальность исследования определяется несколькими взаимосвязанными факторами.

Во-первых, современная нейронаука накопила значительный массив данных о пластичности мозга, механизмах обучения, памяти, эмоциональной регуляции, когнитивного контроля и адаптации. Однако данные знания в большинстве случаев остаются либо в фундаментальном исследовательском поле, либо применяются в отдельных прикладных технологиях, не объединённых общей инженерной моделью мышления в работах Kandel et al., 2014; Posner, Rothbart, 2009 [19, 24].

Во-вторых, в психологии и управленческой практике существует разрыв между описанием психических процессов и созданием инструментов их системного проектирования. Психотерапия, коучинг, когнитивный тренинг и управленческое обучение работают с отдельными аспектами поведения, установок или навыков, но не всегда описывают мышление как целостную архитектуру, поддающуюся декомпозиции, моделированию, перестройке и закреплению как упоминается в трудах Beck, 1976; Bandura, 1997 [11, 30].

В-третьих, в условиях современной организационной среды возрастает потребность в научно обоснованных подходах к развитию руководителей, способных принимать решения в условиях неопределённости, стресса и высокой ответственности. Эмоциональная устойчивость, когнитивная гибкость, метакогнитивный контроль и способность к стратегическому прогнозированию становятся не дополнительными компетенциями, а базовыми условиями управленческой эффективности согласно работам Damasio, 1994; Gross, 2015; Ochsner, Gross, 2005 [31, 37, 38].

В-четвёртых, ранее проведённые исследования эффективности авторской методики «Рестарт Реальности»

показали возможность статистически значимого повышения показателей эмоциональной зрелости у руководящего персонала [8]. Эти данные позволяют рассматривать развитие эмоционально-когнитивной устойчивости не только как психологическую задачу, но и как предмет научного моделирования в рамках новой дисциплины.

Таким образом, актуальность настоящей статьи связана с необходимостью введения нового понятия, способного описать переход от стихийного формирования мышления к его осознанному инженерному проектированию.

Научный дефицит

Существующие научные понятия не закрывают полностью область, связанную с проектированием устойчивых мыслительных стратегий.

Понятие «нейропластичность» описывает способность мозга изменяться под влиянием опыта, обучения и среды. Однако нейропластичность не является методом, моделью или системой инженерного управления мышлением. Она отвечает на вопрос о возможности изменений, но не отвечает на вопрос о том, как эти изменения проектировать, направлять, закреплять и переносить в деятельность [23].

Понятие «нейромодуляция» связано преимущественно с изменением активности нервной системы с помощью физических, электрических, магнитных, фармакологических или иных воздействий. Оно не описывает работу с архитектурой решений, смысловыми структурами, когнитивными стратегиями и эмоционально-регуляторными механизмами личности [17, 18].

Понятие «cognitive enhancement» направлено на усиление отдельных когнитивных функций: памяти, внима-

ния, скорости обработки информации, способности к обучению. Однако усиление функции не равно проектированию мышления как целостной системы.

Психотерапия и коучинг работают с установками [11; 12; 30], поведением, эмоциональными реакциями, целями и интерпретациями, но их понятийный аппарат не всегда позволяет описывать процесс как инженерную перестройку когнитивной архитектуры.

Нейроменеджмент исследует применение знаний о мозге в управлении, маркетинге, лидерстве и организационном поведении, но не вводит самостоятельную модель проектирования мышления как внутренней архитектуры решений.

Следовательно, существует научный дефицит: отсутствует термин, который описывал бы системное, целенаправленное и операционально оформленное проектирование мышления как устойчивой когнитивно-эмоциональной архитектуры.

Именно этот дефицит обосновывает необходимость введения понятия «нейроинжиниринг мышления», как представлено в таблице 1.

Цель настоящей статьи — теоретически обосновать введение понятия «нейроинжиниринг мышления», определить его понятийные границы, научное содержание, отличия от смежных подходов и место в системе нейроинжиниринга когнитивной архитектуры.

Для достижения цели поставлены следующие задачи:

1. Проанализировать научный дефицит существующих понятий, описывающих изменение когнитивных процессов.

Таблица 1.

Научный дефицит существующих понятий и необходимость введения понятия «нейроинжиниринг мышления».

Существующее понятие	Что описывает	Что не охватывает	Зона, которую закрывает нейроинжиниринг мышления
Нейропластичность	Способность мозга изменяться под влиянием опыта	Не описывает принципы проектирования изменений	Использует нейропластичность как биологическую основу направленного формирования мыслительных стратегий
Нейромодуляция	Изменение активности нервной системы	Не описывает работу с архитектурой решений и смысловыми структурами	Рассматривает мышление как целостную когнитивно-эмоциональную систему
Cognitive enhancement	Усиление отдельных функций	Не формирует устойчивую архитектуру мышления	Проектирует стабильные стратегии мышления и поведения
Психотерапия	Коррекцию состояния и поведения	Не всегда имеет инженерную модель когнитивной архитектуры	Описывает структурную перестройку мыслительных паттернов
Коучинг	Достижение целей и изменение поведения	Недостаточно связан с нейронаучной операционализацией	Вводит научную рамку проектирования мышления
Нейроменеджмент	Применение знаний о мозге в управлении	Не формализует внутреннюю архитектуру мышления руководителя	Описывает архитектуру управленческих решений

2. Определить теоретические основания нейроинжиниринга мышления.
3. Сформулировать авторское определение понятия «нейроинжиниринг мышления».
4. Разграничить нейроинжиниринг мышления с нейропластичностью, нейромодуляцией, когнитивным усилением, коучингом, психотерапией и нейроменеджментом.
5. Определить место нейроинжиниринга мышления в системе нейроинжиниринга когнитивной архитектуры.
6. Показать связь нейроинжиниринга мышления с когнитивно-эмоциональной интеграцией.
7. Обозначить прикладной и управленческий потенциал данного направления.
8. Зафиксировать научную новизну и направления дальнейших исследований.

Материалы и методы исследования

Настоящая статья имеет теоретико-методологический характер. В качестве материалов исследования использованы работы в области общей психологии, нейропсихологии, когнитивной психологии, нейрофизиологии [25,26], психофизиологии, теории функциональных систем, нейропластичности, executive functions [21, 31, 32, 36, 38], эмоциональной регуляции [5, 7, 27, 29, 31, 38], когнитивно-поведенческого подхода и современных направлений neural engineering [4, 16, 19, 24].

Методологическую основу составляют:

- системный анализ;
- сравнительно-теоретический анализ научных понятий;
- метод понятийной дифференциации;
- междисциплинарный синтез;
- анализ публикационной и эмпирической базы автора;
- реконструкция научного дефицита;
- моделирование иерархической структуры новой научной дисциплины.

Теоретическими основаниями выступают:

- теория нейропластичности;
- теория функциональных систем П.К. Анохина [1];
- культурно-исторический подход Л.С. Выготского [2];
- нейропсихологическая традиция А.Р. Лурии [3];
- когнитивная психология;
- теория саморегуляции;
- когнитивно-поведенческий подход;
- исследования внимания, памяти, эмоциональной регуляции и executive functions [21, 31, 32, 36, 37, 38];
- современные подходы к neural engineering и cognitive modeling.

Эмпирическим основанием выступает ранее опубликованное исследование автора по повышению эмоцио-

нальной зрелости руководящего персонала организации с помощью методики «Рестарт Реальности», в котором были получены статистически значимые улучшения по показателям эмоциональной устойчивости, доброжелательности, спокойствия и внутренней расслабленности [8].

Литературный обзор

Теоретические основания нейроинжиниринга мышления

Нейропластичность как биологическая основа изменений

Нейропластичность является базовым биологическим условием возможности изменения мышления. Она отражает способность нервной системы перестраивать функциональные связи под влиянием опыта, обучения, повторения и эмоционально значимых воздействий. Именно нейропластичность позволяет говорить о том, что мышление не является фиксированной структурой, а может изменяться при определённых условиях [19, 23]

Однако важно подчеркнуть: нейропластичность не тождественна нейроинжинирингу мышления. Нейропластичность является основанием возможности, тогда как нейроинжиниринг мышления описывает систему целенаправленного проектирования изменений.

Иными словами, нейропластичность отвечает на вопрос: «почему изменения возможны?», а нейроинжиниринг мышления — на вопрос: «как проектировать и закреплять эти изменения в архитектуре мышления?»

Когнитивная архитектура понимается как структурно-функциональная организация процессов восприятия, внимания, памяти, эмоциональной регуляции, принятия решений, смыслообразования, прогнозирования и метакогнитивного контроля.

В рамках нейроинжиниринга когнитивной архитектуры мышление рассматривается не как сумма отдельных операций, а как целостная система, обладающая внутренней структурой, динамикой и способностью к перестройке.

Такой подход позволяет анализировать не только содержание мыслей, но и способ их организации: какие элементы доминируют, как человек обрабатывает неопределённость, как удерживает цель, как реагирует на угрозу, как принимает решения, как регулирует эмоциональное состояние и как восстанавливает устойчивость после стресса.

Когнитивно-эмоциональная интеграция является одним из ключевых механизмов нейроинжиниринга мышления. Она отражает согласованность между эмо-

циональными реакциями и когнитивными процессами, обеспечивающую устойчивость решений и поведения [31, 32, 35, 36].

Современные исследования эмоций и принятия решений показывают, что эмоции не являются внешним фоном по отношению к мышлению, а участвуют в оценке значимости, выборе стратегии, прогнозировании последствий и регуляции поведения [31, 32, 38]. Поэтому развитие мышления невозможно рассматривать только как развитие рационального анализа. Необходимо учитывать эмоциональный уровень когнитивной архитектуры.

В управленческом контексте когнитивно-эмоциональная интеграция проявляется в способности руководителя:

- сохранять ясность мышления в условиях давления;
- не подменять решение эмоциональной реакцией;
- удерживать стратегическую цель;
- различать факт, интерпретацию и эмоциональную оценку;
- восстанавливать когнитивную устойчивость после стрессового события;
- принимать решения без импульсивного смещения.

Именно поэтому эмоциональная зрелость в новой научной системе рассматривается не как изолированный психологический параметр, а как проявление более широкой когнитивно-эмоциональной интеграции.

Инженерный принцип декомпозиции мышления

Нейроинжиниринг мышления опирается на инженерный принцип декомпозиции. Мышление может быть представлено как система, включающая:

- входящие сигналы;
- фильтры восприятия;
- эмоциональную оценку;
- когнитивную интерпретацию;
- смысловую рамку;
- стратегию выбора;
- действие;

- обратную связь;
- закрепление паттерна.

Такое представление позволяет анализировать мышление не только качественно, но и структурно: выявлять, на каком уровне возникает искажение, где нарушается регуляция, какой элемент требует перестройки и каким образом может быть сформирована новая стратегия.

Определение понятия «нейроинжиниринг мышления»

Нейроинжиниринг мышления — это операциональное направление внутри нейроинжиниринга когнитивной архитектуры [9, 10, 40], изучающее и применяющее методы целенаправленного формирования, перестройки и стабилизации устойчивых мыслительных стратегий личности на основе механизмов нейропластичности [19, 23], когнитивно-эмоциональной интеграции [31; 38], психофизиологической адаптации и метакогнитивного контроля [29].

Объектом нейроинжиниринга мышления является архитектура мышления как целостная когнитивно-эмоциональная система.

Предметом являются механизмы проектирования устойчивых моделей восприятия, интерпретации, эмоциональной регуляции, принятия решений и стратегического поведения.

Целью нейроинжиниринга мышления является переход от стихийного формирования мыслительных паттернов к их осознанному проектированию, перестройке и закреплению.

Методологическим ядром выступает соединение когнитивной структуризации, эмоциональной регуляции, рефлексивного анализа, психофизиологической стабилизации и повторяющегося закрепления новых моделей мышления. (Таб. 2.)

Разграничение со смежными понятиями

Таблица 2.

Понятийные границы нейроинжиниринга мышления.

Параметр	Содержание
Научный статус	Операциональный контур внутри нейроинжиниринга когнитивной архитектуры
Объект	Архитектура мышления личности
Предмет	Механизмы формирования и перестройки устойчивых мыслительных стратегий
Биологическое основание	Нейропластичность
Психологическое основание	Когнитивная регуляция, эмоциональная зрелость, метакогниция
Системный механизм	Когнитивно-эмоциональная интеграция
Цель	Проектирование устойчивых моделей мышления и принятия решений
Прикладной контур	Управление, лидерство, образование, кризис-менеджмент, личностная трансформация

Для научной корректности необходимо разграничить нейроинжиниринг мышления с близкими терминами. Нейропластичность является биологическим механизмом изменений, но не системой их проектирования. Нейромодуляция ориентирована на изменение активности нервной системы, но не описывает проектирование смысловых и стратегических структур мышления.

Когнитивное усиление направлено на повышение отдельных когнитивных функций, но не обязательно связано с изменением архитектуры решений. Коучинг работает с целями, мотивацией, поведением и рефлексией, но не имеет нейроинженерной модели когнитивной архитектуры.

Психотерапия направлена на коррекцию психологических трудностей [6; 11; 30], эмоциональных состояний и поведения, но её целью не является построение инженерной модели мышления в управленческом или стратегическом контуре.

Нейроменеджмент применяет знания о мозге в управлении, но чаще анализирует организационное поведение, мотивацию и лидерство, чем внутреннюю архитектуру мышления руководителя, как представлено в таблице 3.

Результаты

Место нейроинжиниринга мышления в системе нейроинжиниринга когнитивной архитектуры

Нейроинжиниринг мышления является не всей научной дисциплиной, а одним из её ключевых операциональных уровней. Верхним уровнем выступает нейроинжиниринг когнитивной архитектуры — междисциплинарная научная дисциплина, изучающая, мо-

делирующая и проектирующая когнитивную архитектуру человека.

В этой системе архитектура мышления является центральным объектом исследования. Она отражает структурную организацию мыслительных процессов, эмоциональной регуляции, смысловых моделей и стратегий поведения.

Когнитивно-эмоциональная интеграция выступает механизмом устойчивости данной архитектуры.

Нейроинжиниринг мышления является прикладным и операциональным контуром, который описывает, каким образом архитектура мышления может быть диагностирована, декомпозирована, перестроена и закреплена.

Прикладные методики, включая «Рестарт Реальности», выступают инструментами практической реализации отдельных принципов нейроинжиниринга мышления, что представлено ниже в таблице 4.

Когнитивно-эмоциональная интеграция как механизм нейроинжиниринга мышления

Когнитивно-эмоциональная интеграция является ключевым механизмом, через который нейроинжиниринг мышления связывает эмоциональную регуляцию и когнитивную устойчивость.

В классических подходах эмоции часто рассматриваются либо как объект регуляции, либо как фактор, мешающий рациональному мышлению. Однако в рамках нейроинжиниринга мышления эмоции понимаются не как помеха мышлению, а как один из базовых уровней когнитивной архитектуры. Эмоциональная реакция

Таблица 3.

Отличие нейроинжиниринга мышления от смежных подходов.

Подход	Основной объект	Основная цель	Ограничение	Отличие нейроинжиниринга мышления
Нейропластичность	Мозг и нейронные связи	Описание способности к изменению	Не задаёт инженерной модели	Использует нейропластичность как основу проектирования
Нейромодуляция	Активность нервной системы	Физиологическое воздействие	Не работает с архитектурой смыслов и решений	Работает с когнитивно-эмоциональными стратегиями
Cognitive enhancement	Отдельные функции	Усиление памяти, внимания, скорости	Не формирует целостную архитектуру	Проектирует устойчивую систему мышления
Коучинг	Цели и поведение	Достижение результата	Недостаточная нейронаучная операционализация	Вводит структурную модель мышления
Психотерапия	Состояние и поведение	Коррекция проблем	Клиническая или коррекционная направленность	Ориентирован на проектирование когнитивной устойчивости
Нейроменеджмент	Управленческое поведение	Использование знаний о мозге в управлении	Нет полной модели внутренней архитектуры мышления	Описывает архитектуру решений руководителя

Таблица 4.

Иерархия научной системы.

Уровень	Наименование	Функция
1	Нейроинжиниринг когнитивной архитектуры / Neuroengineering of Cognitive Architecture, NCA	Базовая научная дисциплина
2	Архитектура мышления	Центральный объект исследования
3	Когнитивно-эмоциональная интеграция	Механизм устойчивости решений
4	Нейроинжиниринг мышления / Neuroengineering of Thinking	Операциональный контур проектирования мыслительных стратегий
5	Reality Restart / «Рестарт Реальности»	Прикладная методика реализации отдельных принципов

Таблица 5.

Когнитивно-эмоциональная интеграция как механизм устойчивости решений.

Компонент когнитивно-эмоциональной интеграции	Нарушение интеграции	Интегрированное состояние	Управленческий эффект
Эмоциональная регуляция	Импульсивность, тревожность	Устойчивость, самоконтроль	Снижение реактивных решений
Когнитивная оценка	Искажение фактов	Разделение факта и интерпретации	Повышение точности анализа
Метакогниция	Автоматическое мышление	Осознание собственных паттернов	Управление стратегией мышления
Целеполагание	Рассеивание внимания	Удержание цели	Последовательность действий
Прогнозирование	Краткосрочная реакция	Стратегический горизонт	Повышение качества решений

определяет доступность когнитивных ресурсов, устойчивость внимания, качество интерпретации и направление поведения.

Если эмоциональная система находится в состоянии тревоги, угрозы или внутренней напряжённости, мышление становится более реактивным, суженным и импульсивным. Если же эмоциональная система интегрирована с когнитивным контролем, человек способен сохранять устойчивость, видеть альтернативы, удерживать стратегическую цель и принимать более взвешенные решения.

Таким образом, когнитивно-эмоциональная интеграция выступает не просто психологическим качеством [5; 7; 31; 38], а механизмом согласования эмоционального и когнитивного уровней архитектуры мышления, как показано в таблице 5.

Операциональные этапы нейроинжиниринга мышления

Нейроинжиниринг мышления может быть представлен как последовательность операциональных этапов.

Первый этап — диагностика. На этом этапе выявляются устойчивые мыслительные паттерны, эмоциональные реакции, типичные сценарии принятия решений, когнитивные искажения и зоны неустойчивости.

Второй этап — декомпозиция. Мышление рассматривается как система, состоящая из отдельных элементов: восприятия, интерпретации, эмоциональной оценки, смысла, выбора и действия.

Третий этап — проектирование новой стратегии. На этом этапе формируется новая когнитивная модель, соответствующая целям личности или управленческой задачи.

Четвёртый этап — закрепление. Новая стратегия повторяется, эмоционально подкрепляется и переносится в практическое поведение.

Пятый этап — масштабирование. Новый паттерн переносится из частной ситуации в более широкий контекст: управление, коммуникацию, стратегическое планирование, кризисное реагирование, как представлено в таблице 6.

Эмпирическое основание: методика «Рестарт Реальности»

Прикладным и эмпирическим основанием формирования концепции нейроинжиниринга мышления выступает авторская методика «Рестарт Реальности», исследованная в контексте повышения эмоциональной зрелости руководящего персонала организации.

В ранее опубликованной статье было показано, что применение методики способствует статистически значимому улучшению показателей эмоциональной зрелости у руководителей и предпринимателей. Измерялись четыре фактора: эмоциональная устойчивость, доброжелательность, спокойствие и внутренняя расслабленность [8]. Полученные результаты позволили рассматривать эмоциональную зрелость не только как личностное качество, но и как показатель более широкой когнитивно-эмоциональной интеграции.

Таблица 6.

Операциональные этапы нейроинжиниринга мышления.

Этап	Содержание	Результат
Диагностика	Выявление устойчивых когнитивных и эмоциональных паттернов	Карта текущей архитектуры мышления
Декомпозиция	Разбор структуры мышления на элементы	Понимание точки изменения
Проектирование	Создание новой когнитивной стратегии	Новая модель решения
Закрепление	Повторение и эмоциональное подкрепление	Устойчивость нового паттерна
Масштабирование	Перенос стратегии в разные контексты	Практическая применимость

Таблица 7.

Соотношение нейроинжиниринга мышления и методики Reality Restart.

Параметр	Нейроинжиниринг мышления	Reality Restart / «Рестарт Реальности»
Статус	Научно-прикладное направление внутри НКА	Авторская прикладная методика
Уровень	Теоретико-операциональный	Практический
Функция	Описание и проектирование архитектуры мышления	Реализация отдельных принципов в работе с человеком
Область применения	Управление, образование, лидерство, трансформация	Индивидуальная и групповая работа
Роль в системе	Научная рамка	Эмпирическая и практическая база

Важно подчеркнуть: «Рестарт Реальности» не тождественен нейроинжинирингу мышления. Методика является прикладной реализацией отдельных принципов нейроинжиниринга мышления. Нейроинжиниринг мышления, в свою очередь, представляет собой более широкий научный контур, позволяющий описывать, классифицировать, исследовать и развивать различные методы формирования архитектуры мышления.

Именно результаты практического применения методики выявили необходимость введения более общего научного понятия, способного описывать не только конкретную авторскую методику, но и сам принцип системного проектирования мышления. (Таб. 7.)

Управленческий контур нейроинжиниринга мышления

Одной из наиболее значимых сфер применения нейроинжиниринга мышления является управленческая деятельность. Руководитель в современной среде сталкивается с многомерной неопределённостью, конфликтующими интересами, высокой скоростью изменений, давлением ответственности и необходимостью принимать решения при дефиците информации [33, 34].

В этих условиях качество решения зависит не только от аналитических данных, но и от состояния когнитивной архитектуры руководителя. Реактивное мышление приводит к импульсивным решениям, защитным стратегиям, избеганию ответственности или избыточному контролю [31, 37]. Устойчивое мышление позволяет сохранять фокус, отделять факт от эмоции, видеть альтернативы и удерживать стратегический горизонт.

Нейроинжиниринг мышления позволяет описать управленческое решение как результат взаимодействия нескольких уровней:

- восприятия ситуации;
- эмоциональной оценки;
- когнитивной интерпретации;
- управленческого опыта;
- стратегической цели;
- прогноза последствий;
- способности к саморегуляции.

Таким образом, нейроинжиниринг мышления открывает возможность разработки новых программ подготовки руководителей, основанных не только на передаче знаний и навыков, но и на проектировании устойчивой архитектуры управленческого мышления. (Таб. 8.)

Обсуждение

Научная новизна настоящей статьи заключается в следующем.

Во-первых, впервые формулируется и теоретически обосновывается понятие «нейроинжиниринг мышления» как самостоятельный операциональный контур внутри нейроинжиниринга когнитивной архитектуры.

Во-вторых, определяется объект, предмет, цель, методологическое основание и прикладной контур нейроинжиниринга мышления.

В-третьих, проводится разграничение нейроинжиниринга мышления со смежными понятиями: нейропластичностью, нейромодуляцией, когнитивным усилением, коучингом, психотерапией и нейроменеджментом.

Таблица 8.

Прикладное развитие, трансфер и коммерциализация нейроинжиниринга мышления.

Направление применения	Научное содержание	Практическая форма реализации	Потенциальный результат
Executive Education	Развитие архитектуры управленческого мышления	Программы для руководителей и собственников бизнеса	Повышение качества стратегических решений
Антикризисное управление	Формирование устойчивости мышления в условиях неопределённости	Антикризисные семинары, стратегические сессии, консалтинг	Снижение реактивности и повышение управляемости решений
Корпоративное обучение	Развитие когнитивно-эмоциональной интеграции команд	Корпоративные программы, тренинги, интенсивы	Повышение устойчивости команд и управленческой согласованности
Образовательные технологии	Персонализированное развитие когнитивных стратегий	Курсы, модули, цифровые образовательные продукты	Индивидуализация обучения и рост метакогнитивных навыков
Лидерское развитие	Проектирование стратегического мышления лидера	Программы лидерства, наставничество, advisory	Усиление стратегического поведения и саморегуляции
Диагностика мышления	Выявление структуры когнитивных и эмоциональных паттернов	Диагностические шкалы, карты архитектуры мышления	Построение индивидуальных траекторий развития
Международная научная линия	Формализация Neuroengineering of Thinking на английском языке	Статьи, конференции, IANS, международные программы	Экспорт научной концепции и закрепление публикационного приоритета
Правовая защита и лицензирование	Защита методик, моделей, терминов и образовательных продуктов	Депонирование, патенты, товарные знаки, лицензии	Капитализация интеллектуальной собственности

В-четвёртых, вводится иерархическая модель: нейроинжиниринг когнитивной архитектуры → архитектура мышления → когнитивно-эмоциональная интеграция → нейроинжиниринг мышления → прикладные методики.

В-пятых, эмоциональная зрелость переосмысливается как проявление когнитивно-эмоциональной интеграции, являющейся базовым механизмом устойчивости решений [7; 31; 38].

В-шестых, показан управленческий потенциал нейроинжиниринга мышления как основы для подготовки руководителей, развития стратегического лидерства и формирования устойчивых моделей принятия решений.

В-седьмых, обозначен контур научного трансфера и коммерциализации результатов через образовательные программы, корпоративные продукты, диагностику мышления, международную публикационную линию и правовую защиту интеллектуальной собственности.

Теоретическая значимость

Теоретическая значимость исследования состоит в расширении понятийного аппарата когнитивной психологии, психофизиологии и нейроинжиниринга когнитивной архитектуры.

Введение понятия «нейроинжиниринг мышления» позволяет перейти от описания когнитивных процессов к их структурному и операциональному моделированию.

Статья формирует основу для дальнейшей разработки:

- типологии архитектур мышления;
- критериев когнитивно-эмоциональной интеграции;
- моделей управленческой устойчивости;
- протоколов диагностики мышления;
- программ развития стратегического лидерства;
- эмпирических исследований на управленческих выборках.

Практическая значимость

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения нейроинжиниринга мышления в следующих областях:

- развитие руководителей;
- антикризисное управление;
- стратегическое лидерство;
- Executive Education;
- корпоративное обучение;
- образовательные технологии;
- личностная трансформация;
- подготовка специалистов нового типа;
- разработка диагностических и обучающих программ.

В прикладном контуре нейроинжиниринг мышления может использоваться для создания программ, направленных на развитие устойчивости мышления, эмоциональной регуляции, стратегического видения и способности принимать решения в условиях высокой неопределённости.

Ограничения исследования

Настоящая статья носит теоретико-методологический характер. Она не утверждает прямое нейро-

физиологическое подтверждение всех механизмов нейроинжиниринга мышления с помощью EEG, fMRI, гормонального мониторинга или нейроинтерфейсных технологий.

Нейрофизиологические механизмы рассматриваются как теоретически обоснованная рабочая рамка, требующая дальнейшей эмпирической проверки.

Дальнейшие исследования должны быть направлены на:

- разработку диагностических шкал архитектуры мышления;
- эмпирическую проверку когнитивно-эмоциональной интеграции;
- исследование управленческих выборов;
- сравнение групп до и после применения протоколов нейроинжиниринга мышления;
- изучение долгосрочной устойчивости изменений;
- интеграцию психофизиологических методов измерения.

Заключение

Проведённый анализ показывает, что современная научная терминология не полностью описывает процессы системного проектирования устойчивых мыслительных стратегий.

Понятия нейропластичности, нейромодуляции, когнитивного усиления, коучинга, психотерапии и нейроменеджмента объясняют отдельные аспекты изменений [17–20; 23], но не формируют целостной инженерной модели мышления как архитектуры решений.

Введение понятия «нейроинжиниринг мышления»

устраняет данный понятийный дефицит и позволяет описывать мышление как систему, поддающуюся диагностике, декомпозиции, перестройке, закреплению и переносу в практическую деятельность.

Нейроинжиниринг мышления следует рассматривать как операциональный контур внутри нейроинжиниринга когнитивной архитектуры [9; 10; 40], связанный с проектированием устойчивых когнитивных стратегий, эмоциональной регуляции, метакогнитивного контроля и стратегического поведения.

Когнитивно-эмоциональная интеграция выступает базовым механизмом устойчивости решений [31; 38] и связывает эмоциональную регуляцию с когнитивной архитектурой.

Методика «Рестарт Реальности» представляет собой прикладную реализацию отдельных принципов нейроинжиниринга мышления и выступает важным эмпирическим основанием для дальнейшей операционализации данного направления.

Таким образом, нейроинжиниринг мышления является не просто новым термином, а научной рамкой, позволяющей перейти от стихийного формирования мышления к его осознанному проектированию.

Благодарности

Автор выражает благодарность научным консультантам и специалистам, участвующим в развитии публикационной линии по нейроинжинирингу когнитивной архитектуры и нейроинжинирингу мышления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анохин П.К. Очерки по физиологии функциональных систем. — М.: Медицина, 1975.
2. Выготский Л.С. Мышление и речь. — М.: Лабиринт, 1999.
3. Лурия А.Р. Высшие корковые функции человека. — СПб.: Питер, 2008.
4. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. — СПб.: Питер, 2019.
5. Табидзе А.А. Тест Кеттелла и его новая интерпретация с позиции клинической психологии // Медицинская психология в России. — 2015. — № 6(35).
6. Табидзе А.А. Об эффективности использования модифицированного теста Кеттелла в психотерапевтической практике // Психотерапия. — 2013. — № 6(126). — С. 37–43.
7. Табидзе А.А. Единая теория психологии личности и эмоциональная зрелость психолога // Психология сегодня: актуальные исследования и перспективы. — Екатеринбург, 2022. — С. 797–799.
8. Щербакова И.М. Повышение эмоциональной зрелости руководящего персонала организации с помощью авторской методики «Рестарт Реальности» // Международный научно-исследовательский журнал. — 2024. — № 10(148). — DOI: 10.60797/IRJ.2024.148.97.
9. Щербакова И.М. Нейроинжиниринг когнитивной архитектуры: к постановке нового междисциплинарного направления // Universum: психология и образование. — 2026. — № 5(143).
10. Щербакова И.М. Нейроинжиниринг когнитивной архитектуры: концептуальное обоснование новой научной дисциплины // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Познание». — 2026. — В печати.
11. Beck A.T. Cognitive Therapy and the Emotional Disorders. — New York: International Universities Press, 1976.
12. Beck A.T., Freeman A. Cognitive Therapy of Personality Disorders. — New York: Guilford Press, 1990.

13. Berger A., Sanwald S., Montag C., Kiefer M. The influence of the BDNF Val66Met polymorphism on mechanisms of semantic priming: Analyses with drift-diffusion models of masked and unmasked priming // *Advances in Cognitive Psychology*. — 2021. — Vol. 17(1). — P. 70–86.
14. Berger T.W., Song D., Marmarelis V.Z., et al. Reverse engineering the brain: a hippocampal cognitive prosthesis for repair and enhancement of memory function // *Neural Engineering*. — 2012. — P. 725–764.
15. Duggins P., Eliasmith C. Constructing functional models from biophysically-detailed neurons // *PLOS Computational Biology*. — 2022. — Vol. 18(9). — e1010461.
16. Eliasmith C., Anderson C.H. *Neural Engineering: Computation, Representation, and Dynamics in Neurobiological Systems*. — Cambridge, MA: MIT Press, 2003.
17. Fregni F., O'Connor M., Pascual-Leone A. ECT and rTMS for depression // *British Journal of Psychiatry*. — 2005. — Vol. 187(4). — P. 386–387.
18. Gruzeliier J.H. EEG-neurofeedback for optimising performance. I: A review of cognitive and affective outcome in healthy participants // *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*. — 2014. — Vol. 44. — P. 124–141.
19. Kandel E.R., Dudai Y., Mayford M.R. The molecular and systems biology of memory // *Cell*. — 2014. — Vol. 157(1). — P. 163–186.
20. Kandel E.R., Schwartz J.H., Jessell T.M., Siegelbaum S.A., Hudspeth A.J. *Principles of Neural Science*. — New York: McGraw-Hill, 2013.
21. Miller E.K., Cohen J.D. An integrative theory of prefrontal cortex function // *Annual Review of Neuroscience*. — 2001. — Vol. 24. — P. 167–202.
22. Nason S.R., Mender M.J., Vaskov A.K., et al. Real-time linear prediction of simultaneous and independent movements of two finger groups using an intracortical brain-machine interface // *Neuron*. — 2021. — Vol. 109(19). — P. 3164–3177.
23. Pascual-Leone A., Amedi A., Fregni F., Merabet L.B. The plastic human brain cortex // *Annual Review of Neuroscience*. — 2005. — Vol. 28. — P. 377–401.
24. Posner M.I., Rothbart M.K. Toward a physical basis of attention and self-regulation // *Physics of Life Reviews*. — 2009. — Vol. 6(2). — P. 103–120.
25. Quiroga R.Q. Spike sorting // *Scholarpedia*. — 2007. — Vol. 2(12). — 3583.
26. Quiroga R.Q. What is the real shape of extracellular spikes? // *Journal of Neuroscience Methods*. — 2009. — Vol. 177(1). — P. 194–198.
27. Tang Y.Y., Ma Y., Wang J., Fan Y., Feng S., Lu Q., Yu Q., Sui D., Rothbart M.K., Fan M., Posner M.I. Short-term meditation training improves attention and self-regulation // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. — 2007. — Vol. 104(43). — P. 17152–17156.
28. Wu C., Kim T.W., Choi H.Y., Strukov D.B., Yang J.J. Flexible three-dimensional artificial synapse networks with correlated learning and trainable memory capability // *Nature Communications*. — 2017. — Vol. 8. — 752.
29. Zimmerman B.J. Attaining self-regulation: A social cognitive perspective // *Handbook of Self-Regulation*. — San Diego: Academic Press, 2000. — P. 13–39.
30. Bandura A. *Self-efficacy: The Exercise of Control*. — New York: W.H. Freeman, 1997.
31. Damasio A.R. *Descartes' Error: Emotion, Reason, and the Human Brain*. — New York: Putnam, 1994.
32. LeDoux J.E. *The Emotional Brain*. — New York: Simon & Schuster, 1996.
33. Kahneman D. *Thinking, Fast and Slow*. — New York: Farrar, Straus and Giroux, 2011.
34. Simon H.A. *Administrative Behavior*. — New York: Free Press, 1997.
35. Baddeley A. *Working Memory, Thought, and Action*. — Oxford: Oxford University Press, 2007.
36. Miyake A., Friedman N.P. The nature and organization of individual differences in executive functions // *Current Directions in Psychological Science*. — 2012. — Vol. 21(1). — P. 8–14.
37. Gross J.J. Emotion regulation: Current status and future prospects // *Psychological Inquiry*. — 2015. — Vol. 26(1). — P. 1–26.
38. Ochsner K.N., Gross J.J. The cognitive control of emotion // *Trends in Cognitive Sciences*. — 2005. — Vol. 9(5). — P. 242–249.
39. Sternberg R.J. *Cognitive Psychology*. — Belmont: Wadsworth, 2009.
40. Shcherbakova I.M. *Neuroengineering of Cognitive Architecture: Conceptual Substantiation of a New Interdisciplinary Field*. — 2026. — In press.

© Щербакowa Инна Михайловна (inna.shcherbakova@realityrestart.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НЕЙРОИНЖИНИРИНГ КОГНИТИВНОЙ АРХИТЕКТУРЫ: КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ОБОСНОВАНИЕ НОВОЙ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОБЛАСТИ

Щербакова Инна Михайловна

кандидат психологических наук, Академия
научно-исследовательского нейроинжиниринга и
образовательных технологий, (г. Москва)
inna.shcherbakova@realityrestart.com

NEUROENGINEERING OF COGNITIVE ARCHITECTURE: CONCEPTUAL SUBSTANTIATION OF A NEW INTERDISCIPLINARY FIELD

I. Shcherbakova

Summary: The article presents a conceptual substantiation of neuroengineering of cognitive architecture as a new interdisciplinary field emerging at the intersection of psychology, neuroscience, cognitive science, systems theory, psychophysiology and applied practices of thinking transformation. The relevance of the study is determined by the growing demand for a scientific description of mechanisms underlying cognitive restructuring, regulation of cognitive and emotional processes, enhancement of decision stability and development of adaptive behavioural models under conditions of high uncertainty. It is shown that existing approaches investigating separate aspects of thinking, emotional regulation, behaviour and decision-making do not form a unified engineering framework that would allow cognitive architecture to be described as an integral system suitable for analysis, design, reconfiguration and practical application.

The paper substantiates the conceptual status of cognitive architecture as an organized system of interrelated processes of perception, attention, interpretation, emotional evaluation, meaning-making, goal-setting, choice and action. It is argued that neuroengineering of cognitive architecture is oriented not only toward describing mental phenomena but also toward developing principles for their structuring and directed transformation. Special attention is given to the category of cognitive-emotional integration as one of the basic parameters of a mature architecture of thinking determining the coherence of emotional and cognitive processes in situations of choice, pressure and uncertainty.

The concepts of scientific discipline, applied methodology and particular techniques are differentiated. It is shown that the author's methodology "Reality Restart" may be considered one of the applied tools empirically and technologically correlated with the broader framework of neuroengineering of cognitive architecture, but not exhausting it. The object, subject, aims, tasks and methodological grounds of the new field are formulated. The main directions for further research are proposed, including the development of conceptual apparatus, operationalization of cognitive architecture parameters, creation of diagnostic models and construction of applied protocols for management, education, crisis support and personal transformation.

Keywords: neuroengineering of cognitive architecture, cognitive architecture, thinking, cognitive-emotional integration, neuroplasticity, self-regulation, decision-making, interdisciplinary approach.

Аннотация: В статье представлено концептуальное обоснование нейроинжиниринга когнитивной архитектуры как новой междисциплинарной области, формирующейся на пересечении психологии, нейронаук, когнитивистики, теории систем, психофизиологии и прикладных практик трансформации мышления. Актуальность исследования определяется ростом запроса на научное описание механизмов, обеспечивающих перестройку мышления, управление когнитивными и эмоциональными процессами, повышение устойчивости решений и развитие адаптивных моделей поведения в условиях высокой неопределённости. Показано, что существующие подходы, изучающие отдельные аспекты мышления, эмоциональной регуляции, поведения и принятия решений, не формируют единой инженерной рамки, позволяющей описывать когнитивную архитектуру как целостную систему, пригодную для анализа, проектирования, перенастройки и практического применения. В статье обосновывается понятийный статус когнитивной архитектуры как организованной системы взаимосвязанных процессов восприятия, внимания, интерпретации, эмоциональной оценки, смыслообразования, целеполагания, выбора и действия. Вводится положение о том, что нейроинжиниринг когнитивной архитектуры ориентирован не только на описание психических феноменов, но и на разработку принципов их структурирования и направленного преобразования.

Особое внимание уделено категории когнитивно-эмоциональной интеграции как одному из базовых параметров зрелой архитектуры мышления, определяющему согласованность эмоциональных и когнитивных процессов в ситуации выбора, нагрузки и неопределённости. Разграничены понятия научной дисциплины, прикладной методологии и частных техник. Показано, что авторская методика «Рестарт Реальности» может рассматриваться как один из прикладных инструментов, эмпирически и технологически соотносимых с более широкой рамкой нейроинжиниринга когнитивной архитектуры, но не исчерпывающих её. Сформулированы объект, предмет, цели, задачи и методологические основания новой области. Предложены основные направления дальнейших исследований, включая разработку понятийного аппарата, операционализацию параметров когнитивной архитектуры, создание диагностических моделей и построение прикладных протоколов для управления, образования, кризисного сопровождения и личностной трансформации.

Ключевые слова: нейроинжиниринг когнитивной архитектуры, когнитивная архитектура, мышление, когнитивно-эмоциональная интеграция, нейропластичность, саморегуляция, принятие решений, междисциплинарный подход.

Современный человек живёт и действует в условиях непрерывной перегрузки: информационной, эмоциональной, социальной и управленческой.

В этих условиях решающим фактором становятся не только объём знаний, интеллект или профессиональный опыт, но и внутренняя организация мышления как системы. Практика показывает, что даже высокий интеллектуальный потенциал не гарантирует качества решений, если архитектура мышления перегружена страхами, противоречиями, когнитивными искажениями, расщеплёнными целями, эмоциональной нестабильностью или неупорядоченной системой смыслов.

На этом фоне возрастает необходимость научного описания тех структур и механизмов, которые обеспечивают целостность мышления, его устойчивость, адаптивность, продуктивность и способность к перенастройке.

Психология, нейрофизиология, когнитивная наука, психотерапия и теория управления накопили значительный объём знаний о памяти, внимании, эмоциях, мотивации, принятии решений и саморегуляции [1, 2]. Однако эти знания во многих случаях представлены фрагментарно: одна традиция изучает эмоции, другая — когниции, третья — поведение, четвёртая — нейрофизиологические корреляты, пятая — эффективность практических техник. В результате остаётся недостаточно разработанной единая рамка, в которой мышление рассматривалось бы как архитектурно организованная, многокомпонентная, динамическая и потенциально проектируемая система.

Именно в этой точке возникает необходимость в формировании новой междисциплинарной области — нейроинжиниринга когнитивной архитектуры. Её становление обусловлено не модой на междисциплинарность и не стремлением к новому терминологическому обозначению уже известных процессов, а объективной научной задачей: описать, как устроена когнитивная архитектура человека, какие параметры определяют её зрелость и устойчивость, каким образом она меняется, как её можно исследовать, формализовать и преобразовывать без редукции к одной школе или одному методу.

Настоящая статья продолжает линию исследований, в которой ранее была показана эффективность авторской методики «Рестарт Реальности» применительно к повышению эмоциональной зрелости управленческого контингента, а также оформлена прикладная патентная линия, связанная со способом изменения алгоритмов мышления и гармонизации эмоциональных состояний. На следующем уровне научного обобщения возникает задача выйти за пределы частной методики и описать более широкую рамку — дисциплину, в рамках которой такие методы могут быть поняты, сопоставлены, развиты

и операционализированы. Дополнительным основанием для такого перехода стало депонирование концептуального текста, посвящённого обоснованию новой дисциплины, что фиксирует авторский приоритет данной научной конструкции. Изображение свидетельства о депонировании подтверждает регистрацию текстового произведения «Нейроинжиниринг когнитивной архитектуры: концептуальное обоснование новой научной дисциплины» и может использоваться как подтверждающий документ при публикационном сопровождении.

Целью настоящей статьи является концептуальное обоснование нейроинжиниринга когнитивной архитектуры как новой междисциплинарной области знания и практики.

Объектом исследования выступает когнитивная архитектура человека как целостная система организации мышления, эмоциональной регуляции, смыслообразования, целеполагания, выбора и действия.

Предметом исследования являются теоретические основания, понятийная рамка и методологические принципы нейроинжиниринга когнитивной архитектуры как области, направленной на анализ, описание, проектирование и преобразование когнитивной архитектуры.

Задачи исследования:

1. Проанализировать предпосылки возникновения нейроинжиниринга когнитивной архитектуры.
2. Определить понятийный статус когнитивной архитектуры и нейроинжиниринга когнитивной архитектуры.
3. Разграничить научную дисциплину, прикладную методику и частные техники.
4. Обосновать категорию когнитивно-эмоциональной интеграции как одного из базовых параметров зрелой архитектуры мышления.
5. Сформулировать методологические основания и перспективы дальнейшего развития новой области.

Методологической основой работы является междисциплинарный синтез положений общей психологии, когнитивной психологии, нейрофизиологии, психофизиологии, теории систем, представлений о нейропластичности и современных подходов к саморегуляции и когнитивной реструктуризации. В работе использованы методы теоретического анализа, концептуального моделирования, сравнительного сопоставления научных подходов и логико-методологического обобщения.

Истоки предлагаемой области лежат в нескольких направлениях научного знания.

Во-первых, в отечественной психологии мышление и психика традиционно рассматривались как системно

организованные и развивающиеся процессы. Работы Л.С. Выготского задали понимание высших психических функций как опосредованных, культурно и структурно организованных процессов [3]. С.Л. Рубинштейн подчёркивал принцип единства сознания и деятельности, показывая, что психические процессы не существуют изолированно, а включены в целостную систему отношения субъекта к миру и самому себе [4].

Во-вторых, значимую роль играет линия исследований эмоциональной зрелости и эмоциональной регуляции. Эмоциональная сфера не может рассматриваться как второстепенное приложение к рациональности: в реальном поведении именно она во многих случаях предшествует сознательному выбору, задаёт тон интерпретации событий, влияет на устойчивость решений и качество взаимодействия. Эта идея прослеживается как в классических психологических школах, так и в работах А.А. Табидзе, где эмоциональная зрелость понимается как интегральный параметр, влияющий на успешность функционирования личности [6; 7; 8].

В-третьих, важную предпосылку создают современные представления о нейропластичности. Если мозг способен изменять устойчивые паттерны функционирования под влиянием опыта, практики и повторяющихся актов внимания, то это означает, что архитектура мышления не является полностью жёстко заданной. Следовательно, она может быть предметом не только описания, но и направленного преобразования. Однако сама по себе идея нейропластичности ещё не образует дисциплину: требуется более точная рамка, показывающая, что именно изменяется, как это структурировано и по каким параметрам следует оценивать происходящие изменения.

В-четвёртых, прикладные практики работы с мышлением, целеполаганием, образом будущего, убеждениями, вниманием и эмоциональной регуляцией накопили большой эмпирический материал. Но в большинстве случаев эти практики описываются либо на языке психотерапевтических школ, либо на языке обучения навыкам, либо на языке личностного роста. Для научного продвижения поля необходим иной уровень описания — архитектурный и инженерный.

Именно из этой совокупности предпосылок возникает необходимость в нейроинжиниринге когнитивной архитектуры как в области, способной связать между собой нейронные, когнитивные, эмоциональные, поведенческие и смысловые уровни в рамках единой системы.

Под когнитивной архитектурой в настоящей работе предлагается понимать организованную систему взаимосвязанных процессов, обеспечивающих восприятие, селекцию значимой информации, интерпретацию со-

бытий, эмоциональную оценку, смыслообразование, удержание целей, прогнозирование, выбор, принятие решений, регуляцию поведения и постфактумную переработку опыта.

Когнитивная архитектура — это не просто сумма когнитивных функций. Она включает:

- способы распределения внимания;
- устойчивые модели интерпретации происходящего;
- уровень согласованности между эмоциями и мышлением;
- характер работы с целями и мотивами;
- способность удерживать смысловую и поведенческую линию при нагрузке;
- типичные схемы реагирования на неопределённость, угрозу, возможность, ошибку и успех;
- механизмы перестройки, обучения и закрепления новых паттернов.

Таким образом, когнитивная архитектура является не абстрактной метафорой, а рабочей моделью целостной организации мышления. Она может быть более зрелой или менее зрелой, более целостной или фрагментированной, более адаптивной или ригидной [5, 9]. В этом смысле предметом научного интереса становится не только наличие тех или иных функций, но и способ их интеграции в единую систему.

Нейроинжиниринг когнитивной архитектуры предлагается определить как междисциплинарную область, изучающую закономерности организации, функционирования, диагностики, проектирования и направленного преобразования когнитивной архитектуры человека на основе данных нейронаук, психологии, когнитивистики, психофизиологии, теории систем и практик управляемой трансформации мышления [13, 14].

В данном определении принципиальны несколько позиций. Во-первых, новая область не сводится к описанию мозга как биологического органа. Её интересует не только нейронный субстрат, но и тот уровень организации, на котором нейрофизиологические, когнитивные, эмоциональные и смысловые процессы складываются в устойчивую архитектуру [15].

Во-вторых, она не сводится к психологии мышления в классическом смысле, поскольку включает задачу не только анализа, но и проектирования, перенастройки, структурирования, то есть инженерного отношения к предмету.

В-третьих, она не тождественна отдельной авторской методике. Методика может быть одним из инструментов, реализующих частные принципы этой области, но не заменяет собой дисциплину.

В-четвёртых, её практическая ценность связана с воз-

возможностью создавать протоколы работы с мышлением для различных контекстов: управления, образования, кризисного сопровождения, командной работы, личностной трансформации, сопровождения лидеров и принятия решений в условиях высокой неопределённости.

На этапе становления новой области особенно важно не смешивать три уровня: дисциплину, прикладную методику и отдельные техники. Научная дисциплина задаёт понятийный аппарат, объект, предмет, методологию, систему координат, критерии научности и направления исследований.

Прикладная методика представляет собой организованный комплекс процедур и алгоритмов, опирающийся на определённую теоретическую рамку и предназначенный для достижения практического результата в конкретной сфере.

Техника — это отдельный инструмент или локальный способ воздействия, используемый внутри методики. С этой точки зрения авторская методика «Рестарт Реальности» может быть рассмотрена как прикладной комплекс, включающий работу с психоэмоциональной регуляцией, целеполаганием, проактивным моделированием, ограничивающими убеждениями, когнитивной структуризацией и интегративной визуализацией. Ранее было показано, что такая система может способствовать повышению эмоциональной зрелости участников и изменению их субъективных и поведенческих параметров [5]. Дополнительно прикладной способ был зафиксирован в патентной заявке, описывающей этапы изменения алгоритмов мышления и гармонизации эмоциональных состояний.

Однако нейроинжиниринг когнитивной архитектуры шире. Он должен включать не только описание отдельных этапов воздействия, но и общую теорию архитектуры мышления, параметры её зрелости, критерии перестройки, уровни анализа и сопоставимость различных инструментов в едином научном поле.

Одним из ключевых понятий предлагаемой области является когнитивно-эмоциональная интеграция.

Под когнитивно-эмоциональной интеграцией предлагается понимать степень согласованности между эмоциональной реакцией и когнитивной обработкой информации, обеспечивающую целостность восприятия, устойчивость выбора, способность к осмысленной регуляции поведения и снижение разрыва между пониманием и действием. Это понятие важно по нескольким причинам.

Во-первых, в реальном жизненном и управленческом контексте человек редко действует только рацио-

нально или только эмоционально. Решение формируется на стыке нескольких уровней: эмоциональной оценки ситуации, когнитивной интерпретации, памяти прошлых сценариев, образа будущего, представления о риске и субъективной значимости последствий. Если эти уровни не интегрированы, возникает внутренний конфликт: человек может понимать, что следует делать, но не быть способным это реализовать; может принимать внешне логичное решение, которое затем разрушается внутренним сопротивлением; может подменять стратегию реакцией на тревогу.

Во-вторых, именно когнитивно-эмоциональная интеграция позволяет уйти от редукции эмоциональной зрелости к набору отдельных качеств. В рамках нейроинжиниринга когнитивной архитектуры зрелость понимается не только как снижение тревожности или напряжения, а как способность удерживать согласованность между восприятием, оценкой, смыслом, целью и действием.

В-третьих, данная категория открывает путь к дальнейшей операционализации. В перспективе когнитивно-эмоциональная интеграция может оцениваться через согласованность целей и действий, устойчивость решений под нагрузкой, скорость восстановления после эмоционального сбоя, способность к удержанию выбранной траектории и уровень когнитивных искажений в стрессовой ситуации.

Таким образом, когнитивно-эмоциональная интеграция выступает не побочным параметром, а одним из центральных критериев зрелой архитектуры мышления.

Для дальнейшего развития новой области необходимо выделить базовые компоненты когнитивной архитектуры как объекта исследования. На концептуальном уровне к ним могут быть отнесены:

- 1. Перцептивно-внимательный компонент** — то, как субъект выделяет значимое, удерживает фокус, распределяет внимание и реагирует на перегрузку.
- 2. Интерпретационный компонент** — совокупность устойчивых схем, через которые события получают значение: опасность, возможность, потеря, вызов, подтверждение, угроза статусу и т.д.
- 3. Когнитивно-эмоциональный компонент** — характер связи между переживанием и мышлением, наличие интеграции или расщепления между ними.
- 4. Смысловой компонент** — наличие или отсутствие устойчивой внутренней системы смыслов, ценностей и приоритетов, организующих выбор.
- 5. Целевой компонент** — способность формировать, удерживать, конкретизировать и иерархизировать цели.
- 6. Прогностический компонент** — способность моделировать последствия, видеть сценарии и соотносить текущие действия с долгосрочным результатом.

7. **Регуляторный компонент** — умение управлять своим состоянием, переключаться, восстанавливаться, возвращать себя в рабочий режим.
8. **Поведенческо-реализационный компонент** — переход от внутренней модели к реальному действию.
9. **Рефлексивный компонент** — способность анализировать собственные паттерны, извлекать опыт и перестраивать архитектуру поведения.

Предлагаемая структура не претендует на окончательность, однако она показывает, что предмет новой области может быть описан системно и подлежит дальнейшей детализации.

Инженерный принцип в изучении мышления

Слово «инжиниринг» в названии новой области не является декоративным. Оно указывает на специфическую исследовательскую установку. Инженерный подход означает, что объект рассматривается:

- как система, имеющая структуру;
- как система, поддающаяся моделированию;
- как система, в которой можно выделить узлы, параметры, связи и режимы функционирования;
- как система, допускающая перенастройку при сохранении целостности.

Именно это отличает нейроинжиниринг когнитивной архитектуры от описательной психологии в узком смысле. Здесь важен переход от вопроса «что происходит с человеком?» к вопросам «как устроена его когнитивная архитектура?», «какие элементы в ней поддерживают эффективность или сбой?», «какие параметры являются критическими для устойчивости?», «по каким протоколам может происходить перестройка?».

Такой подход особенно значим для сфер, где цена ошибки высока: управление, политика, кризисные ситуации, сопровождение лидеров, командная динамика, образовательные системы будущего.

В ранее опубликованной работе, посвящённой повышению эмоциональной зрелости руководящего персонала с помощью авторской методики «Рестарт Реальности», была описана структура курса, включающая регуляцию психоэмоционального состояния, целеполагание и визуализацию, проактивное моделирование, работу с ограничивающими убеждениями, когнитивную структуризацию и интегративную визуализацию; также были представлены данные о статистически значимом росте интегрального показателя эмоциональной зрелости у участников исследования. В патентной линии эти элементы получили описание как поэтапный способ изменения алгоритмов мышления и гармонизации эмоциональных состояний [10,11,12].

На уровне нейроинжиниринга когнитивной архитектуры данные материалы важны не только как доказательство прикладной активности автора, но и как эмпирико-технологическая база для дальнейшего теоретического обобщения. Они показывают, что работа с мышлением может быть структурирована, этапирована и направлена на изменение устойчивых паттернов. Однако переход от методики к дисциплине требует большего уровня научной абстракции: необходимо описать не только последовательность процедур, но и общие закономерности архитектурной перестройки мышления.

Иными словами, если методика отвечает на вопрос «как practically организовать процесс воздействия», то нейроинжиниринг когнитивной архитектуры отвечает на вопрос «что именно в архитектуре мышления меняется, за счёт каких механизмов, по каким параметрам и в рамках какой общей модели».

Научная новизна работы состоит в следующем:

1. Предложено концептуальное определение нейроинжиниринга когнитивной архитектуры как новой междисциплинарной области.
2. Когнитивная архитектура описана как целостная система, включающая когнитивные, эмоциональные, смысловые, регуляторные и поведенческие компоненты.
3. Разграничены уровни научной дисциплины, прикладной методики и отдельных техник.
4. Введена и обоснована категория когнитивно-эмоциональной интеграции как одного из базовых параметров зрелой архитектуры мышления.
5. Сформулированы направления дальнейшей операционализации и прикладной разработки новой области.

Практическая значимость предложенной рамки заключается в возможности использовать её для:

- разработки диагностических моделей оценки зрелости когнитивной архитектуры;
- создания программ подготовки руководителей и команд;
- построения протоколов сопровождения в кризисных и переходных состояниях;
- конструирования образовательных программ, направленных на развитие мышления нового типа;
- интеграции научных, прикладных и правовых механизмов защиты интеллектуальных продуктов, основанных на новой дисциплине.

Особую ценность данная рамка представляет для тех областей, где необходимо работать не только с поведением, но и с глубинной внутренней организацией мышления: в управлении, лидерстве, профессиональной устойчивости, личностной трансформации и межличностном взаимодействии.

Дальнейшее развитие нейроинжиниринга когнитивной архитектуры предполагает несколько направлений.

Первое направление связано с уточнением понятийного аппарата: необходимо сформировать устойчивую терминологическую систему, позволяющую различать уровни архитектуры, типы сбоев, параметры зрелости и механизмы перестройки.

Второе направление — операционализация. Для полноценного вхождения области в научное поле необходимо переходить от концептуальных описаний к измеряемым параметрам: например, к индикаторам когнитивно-эмоциональной интеграции, устойчивости решений, способности к рефлексивной перестройке, характеру целевой организации мышления.

Третье направление — построение диагностических инструментов. Речь идёт как о психодиагностических моделях, так и о комплексных протоколах, объединяющих поведенческие, когнитивные и субъективные показатели.

Четвёртое направление — прикладные исследования эффективности конкретных протоколов, методик и программ, создаваемых в логике новой дисциплины.

Пятое направление — разработка научно-правовой архитектуры защиты новой области, включая публикации, депонирование, патентование и формирование интеллектуального контура дисциплины.

Современная научная и практическая ситуация показывает, что мышление человека всё менее возможно описывать как линейный рациональный процесс. В реальности оно представляет собой сложную многокомпонентную систему, в которой восприятие, эмоции, смысл, цель, память, внимание и поведение взаимно определя-

ют друг друга. При этом именно качество организации этой системы во многом определяет устойчивость личности, продуктивность решений и способность к развитию в условиях неопределённости.

В настоящей статье обоснована необходимость формирования новой междисциплинарной области — нейроинжиниринга когнитивной архитектуры. Показано, что существующие научные направления дают важные, но частные знания о компонентах мышления, тогда как новая область призвана связать их в единую архитектурную и инженерную рамку. Предложено понимание когнитивной архитектуры как целостной системы организации мышления, а нейроинжиниринга когнитивной архитектуры — как области, направленной на её изучение, описание, проектирование и преобразование.

Особое значение имеет введение категории когнитивно-эмоциональной интеграции, позволяющей по-новому описывать зрелость мышления: не как набор отдельных качеств, а как согласованность эмоциональных и когнитивных процессов в ситуации выбора, действия и ответственности. Также показано, что авторская методика «Рестарт Реальности» может рассматриваться как одна из прикладных реализаций более широкой научной рамки, но не заменяет собой саму дисциплину.

Таким образом, нейроинжиниринг когнитивной архитектуры может быть рассмотрен как перспективное направление научного развития, обладающее как теоретическим, так и прикладным потенциалом. Его дальнейшее становление связано с формированием понятийного аппарата, операционализацией ключевых параметров, созданием диагностических и прикладных моделей, а также с расширением доказательной базы в разных сферах применения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афолина, Е.И. Современные представления об эмоциональной зрелости личности // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2017. — № 4-6.
2. Бек, А.Т., Фримен, А. Когнитивная психотерапия расстройств личности. — СПб.: Питер, 2019. — 447 с.
3. Выготский, Л.С. Понятие высших психических функций: структура и свойства // Избранные психологические исследования. — М.: Российское психологическое общество, 1999. — С. 121–132.
4. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии: учебное пособие. — СПб.: Питер, 2019. — 713 с.
5. Слободчиков, В.И. Духовные проблемы человека в современном мире // Педагогика. — 2008. — № 9. — С. 33–39.
6. Табидзе, А.А. Новая парадигма психологии личности, или кто в доме хозяин? // Материалы Итогового международного научно-практического конгресса (Москва, 30 октября — 3 ноября 2019 г.). — 2019. — С. 101–109.
7. Табидзе, А.А. Об эффективности использования модифицированного теста Кеттелла в психотерапевтической практике // Психотерапия. — 2013. — № 6 (126). — С. 37–43.
8. Табидзе, А.А. Тест Кеттелла и его новая интерпретация с позиции клинической психологии // Медицинская психология в России. — 2015. — № 6 (35).
9. Шабанова, Т.Л., Тарабакина, Л.В. Исследование эмоциональной зрелости у студентов педагогического вуза // Вестник Мининского университета. — 2018. — № 1 (22).
10. Щербакова, И.М. Нейроинжиниринг когнитивной архитектуры: концептуальное обоснование новой научной дисциплины: свидетельство о депонировании.

- нии файла n'RIS от 08.04.2026, рег. № 655 470 639.
11. Щербакова, И.М. Повышение эмоциональной зрелости руководящего персонала организации с помощью авторской методики «Рестарт Реальности» // Международный научно исследовательский журнал. — 2024. — № 10 (148). — DOI: 10.60797/IRJ.2024.148.97.
 12. Щербакова, И.М. Способ изменения алгоритмов мышления и гармонизации эмоциональных состояний по методике И. М. Щербаковой «Рестарт Реальности»: заявка на изобретение RU 2024140050 А; дата приоритета 27.12.2024 ; опубл. 24.02.2025.
 13. Borisenkov, M.F. et al. The Positive Association between Melatonin Containing Food Consumption and Older Adult Life Satisfaction, Psychoemotional State, and Cognitive Function // Nutrients. — 2024. — Vol. 16, No. 7. — P. 1064.
 14. Drouvelis, M., Grosskopf, B. The impact of smiling cues on social cooperation // Southern Economic Journal. — 2021. — Vol. 87, No. 4. — P. 1390–1404.
 15. Matthews, G. The impact of commitment, accountability, and written goals on goal achievement // 87th Convention of the Western Psychological Association. — 2007.

© Щербакова Инна Михайловна (inna.shcherbakova@realityrestart.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРИЕМЫ ПЕРЕВОДА АМЯЕ С УЧЕТОМ ПОДВИЖНОСТИ МП

TECHNIQUES FOR TRANSLATING
AMYAE, TAKING INTO ACCOUNT
THE MOBILITY OF THE MP

T. Gorsheneva

Summary: In the context of increasing globalization and intensive intercultural interaction, translation becomes a key tool for ensuring mutual understanding. AMLUs, as an integral part of linguistic and cognitive richness, represent complex structures reflecting the unique worldview and cultural peculiarities of native speakers. Translating such units requires a comprehensive approach, considering not only linguistic but also cognitive, cultural, and pragmatic aspects. G. Fauconnier's theory of mental spaces allows us to analyze how conceptual categories and frames shape the linguistic worldview, and how this mobility influences the creation of new meanings and metaphorical expressions. The paper identifies the main translation techniques for AMLUs and develops recommendations for translators. The analysis is conducted with consideration for cultural barriers and cognitive aspects affecting translation. Particular attention is paid to methods of adaptation, calquing, and the use of analogies, which allow for preserving the semantic load and emotional impact of the original while adapting it to the target audience. Examples of successful translations are provided.

Keywords: associative-metaphorical linguistic units, translation, mental spaces, cognitive linguistics, intercultural communication, adaptation, analogy, cultural barriers, cognitive aspects, metaphor, translation techniques, contextual analysis, linguistic worldview.

Горшенева Татьяна Александровна
Преподаватель, Военный Учебно-Научный
Центр Сухопутных Войск
tati-imp@yandex.ru

Аннотация: Перевод является ключевым инструментом обеспечения взаимопонимания в условиях интенсивного межкультурного взаимодействия и нарастающей глобализации. Как неотъемлемая часть когнитивного и языкового богатства АМЯЕ, представляют собой сложные структуры, отражающие уникальные культурные особенности и мировоззрение носителей языка. Перевод таких единиц требует комплексного подхода, учитывающего не только лингвистические, но и культурные, когнитивные и прагматические аспекты. Теория ментальных пространств Ж. Фоконье помогает анализировать, как концептуальные категории и фреймы формируют языковую картину мира, и как их подвижность способствует возникновению новых смыслов и метафорических выражений. В статье мы выявляем основные приемы перевода АМЯЕ и разрабатываем рекомендации для переводчиков. Анализ учитывает культурные барьеры и когнитивные аспекты, влияющие на перевод. Особое внимание уделяется методам адаптации, калькирования и использования аналогий, которые позволяют сохранить смысловую нагрузку и эмоциональное воздействие оригинала, одновременно адаптируя его к целевой аудитории. Приводятся примеры успешных переводов.

Ключевые слова: ассоциативно-метафорические языковые единицы, перевод, ментальные пространства, когнитивная лингвистика, межкультурная коммуникация, адаптация, аналогия, культурные барьеры, когнитивные аспекты, метафора, переводческие приемы, контекстуальный анализ, языковая картина мира.

Введение

Современные процессы глобализации способствуют расширению межкультурных связей, делая переводческую деятельность ключевым инструментом для обеспечения взаимопонимания между народами. В данном контексте особое значение приобретает исследование ассоциативно-метафорических языковых единиц (АМЯЕ), представляющих собой неотъемлемую часть культурного и когнитивного богатства языка. Эти единицы являются сложными лингвистическими конструкциями, демонстрирующими уникальные особенности мышления и мировоззрения носителей языка. Перевод АМЯЕ – сложная задача, в которой необходимо учитывать не только языковые, но и культурные, когнитивные и прагматические аспекты. Понимание подвижности ментальных пространств (МП), лежащих в основе формирования таких единиц, открывает новые перспективы для анализа и разработки эффективных приемов перевода, придавая данному направлению исследования особую актуальность.

Основная проблема заключается в сложности адекватного перевода АМЯЕ между культурами, обусловленной различиями в концептуализации действительности и формировании МП. Эти различия приводят к культурным барьерам и когнитивным особенностям восприятия, которые не всегда учитываются при переводе, что может привести к искажению смысла, утрате эмоционального воздействия или непониманию. Исследование приемов перевода АМЯЕ с учетом подвижности МП для минимизации потери при межкультурной коммуникации – цель данной статьи, для достижения которой необходимо решить следующие задачи: выявить основные переводческие приемы, систематизировать их в зависимости от влияния МП и разработать рекомендации для переводчиков. В данной работе мы рассмотрим механизмы влияния подвижности МП на формирование значений АМЯЕ.

Научная новизна исследования заключается в разработке методологии анализа и перевода АМЯЕ с учетом их когнитивных и культурных особенностей, в частности, на основе анализа подвижности МП. В рамках исследования впервые осуществляется систематизация основных пе-

реводческих приемов перевода АМЯЕ с учетом подвижности МП, и предлагаются рекомендации, основанные на принципах когнитивной лингвистики и теории межкультурной коммуникации, которые могут быть полезны переводчикам для достижения оптимальной точности и адекватности в процессе межкультурного обмена.

Гипотеза исследования заключается в предположении, что глубокое понимание подвижности МП носителей исходного и целевого языков позволит определить специфические приемы перевода АМЯЕ, способствующие более точной передаче смысловой нагрузки, эмоционального воздействия и культурной коннотации оригинала, что повышает эффективность межкультурной коммуникации.

АМЯЕ представляют собой слова или выражения, основанные на ассоциациях и метафорических связях. К примеру, мы подразумеваем стойкость и силу, используя метафору «железный характер». Способность передавать сложные концепции через сжатые и яркие образы делает эти языковые единицы важным инструментом в коммуникации. Словарный состав современного английского языка по мнению И.Р. Гальперина отличается разносторонностью и дифференциацией и находит отражение в разнообразии его словаря (Гальперин, с. 51).

Исследования Дж. Лакоффа и М. Джонсона подчеркивают, что метафоры не только отражают когнитивные процессы и культурные концепты, но и пронизывают нашу повседневную жизнь. «Метафора как феномен сознания проявляется не только в языке, но и в мышлении, и в действии», что делает их особенно значимыми для понимания и перевода. (Лакофф, Джонсон, с. 4). Выражение «Double Dutch» в английском языке отражает национальные стереотипы о представителях голландской этнической общности. В английском языке слово «Dutch» часто используется в негативном контексте и символизирует ненадежное, фальшивое, отражает те качества, которые англичане приписывали голландцам: жадность, высокомерие, пристрастие к спиртному, т.к. в XVII веке Нидерланды и Англия были конкурентами в торговле и морском деле. АМЯЕ помогают носителям языка передавать свои идеи и эмоции. Культурные различия могут вызывать сложности в коммуникации, что делает понимание языка и культуры друг друга крайне важным.

Теория МП, предложенная в 1994 году Ж. Фоконье, является важным направлением в когнитивной лингвистике, объясняя, как люди организуют и интерпретируют информацию в процессе коммуникации. Фреймы и концептуальные категории рассматриваются в теории как основа языковой картины мира. МП функционируют как временные когнитивные структуры, которые позволяют объединить различные фрагменты информации, создавая новые смыслы. Метафорические выражения строятся на основе этих элементов, позволяя обеспечивать

связь между различными концептуальными доменами и интерпретировать их во взаимодействии. (Фоконье)

Теория МП, устанавливая прямую зависимость между когнитивными структурами и языковыми выражениями, является очень актуальной в переводе, дает инструменты к адаптации текста для целевой аудитории, учитывая культурные различия. Переводчик, опираясь на данную теорию, анализирует, как языковые единицы соотносятся с ментальными моделями, и корректирует перевод таким образом, чтобы он соответствовал когнитивным ожиданиям читателей. Например, если в оригинальном тексте используется идиома, которая может быть непонятна целевой аудитории, переводчик может заменить ее на аналогичную фразу, более привычную для читателей. Таким образом, вместо английской идиомы «kick the bucket», которая дословно переводится «пнуть ведро», переводчик использует фразу «уйти из жизни», чтобы сохранить смысл и сделать текст более понятным для русскоязычных читателей. В этом контексте «особое внимание обращается на возможности использования метафоры как средства познания действительности, как инструмента организации опыта человека, структурирования его знаний о действительности» (Лакофф, Джонсон, с. 6). В результате метафоры становятся важным инструментом в процессе перевода: позволяя глубже понять и передать культурные и когнитивные аспекты оригинала.

Объединяя различные концептуальные области, МП играют ключевую роль в создании ассоциативных значений. Например, если мы будем говорить о «путешествии», мы создадим ментальное пространство, включающее в себя не только физическое перемещение из одного места в другое, но и ассоциации с отдыхом, каникулами, яркими впечатлениями и культурным наследием. Концепция «свободы» — еще один пример. МП свободы могут включать в себя идеи, например, о политической независимости, личном предпочтении и индивидуальном выборе, помогая нам глубже понять значение «свободы» в различных контекстах.

Следовательно, МП, которые создают более богатые и многослойные значения, позволяют нам связывать и интегрировать различные идеи. К примеру, из взаимодействия двух концептуальных областей: любви и головоломки появляется метафора «любовь - головоломка». В данном случае МП, интегрируя свойства обоих доменов, служат когнитивной основой для формирования нового значения. Любовь в данном случае представляет собой сложную задачу, которая требует значительных временных затрат и усилий для решения, подчеркивая ее многогранность и сложность. Итак, АМЯЕ демонстрируют, как различные аспекты жизни могут быть связаны посредством образов и аналогий, создавая новые значения и понимания. Дж. Лакофф и М. Джонсон отмечают, что метафора организует наш опыт и структурирует знания о действительности [Лакофф и Джонсон]. Исходя из этого, АМЯЕ не только ил-

люстрируют, но и активно формируют наше понимание и восприятие различных аспектов действительности.

Метафоры, обусловленные культурными особенностями, наглядно демонстрируют, как МП влияют на наше восприятие и интерпретацию значений. Например, выражение «to climb the corporate ladder» отражает представление о карьерном росте как о физическом восхождении. В русском языке метафора «плыть по течению» может означать отсутствие инициативы, что связано с образом реки и ее течения. Различия обусловлены спецификой МП, формируемых в рамках каждой культуры, что подчеркивает важность культурного контекста при изучении метафорических выражений.

Подвижность МП, позволяющая гибко адаптировать восприятие и мышление в новых ситуациях, что особенно актуально при взаимодействии с разнообразными культурными контекстами, является одним из основных факторов сложности при переводе.

Успешный перевод АМЯЕ требует от переводчика глубокого понимания культурных и когнитивных различий между исходным и целевым языками. Метафоры часто основаны на уникальных для каждой культуры ассоциациях и образах. Важно, чтобы переводчик учитывал подвижность МП, что позволяет передать не только смысл, но и эмоциональное воздействие метафоры.

Примером сложности перевода, связанной с подвижностью МП, является адаптация метафор, связанных с природой, из английского языка на русский. В английской культуре такие метафоры часто имеют глубокие корни в литературе и фольклоре, что затрудняет их точный перевод. Например, выражения, связанные с природой, такие как «the Calm Before the Storm» или «a Breath of Fresh Air». Подобные ассоциации могут отсутствовать или восприниматься иначе, а это требует от переводчика тщательной работы по передаче как смысла, так и контекста оригинала. Как отмечают К.А. Башкирова, Л.Ф. Гатиятуллина и И.О. Гурьянов, «перевод фразеологических единиц всегда представлял определенную трудность для переводчиков. В первую очередь, это связано с экспрессивными и эмоционально ярко окрашенными оборотами, которые относятся к конкретному стилю речи и чаще всего несут в себе национальные черты определенных культур» (Башкирова, Гатиятуллина и Гурьянов, с. 45).

Основными факторами, оказывающими влияние на перевод, мы видим культурные барьеры и когнитивные особенности.

Культурные барьеры, возникая из-за различий в религиозных, социальных и исторических контекстах между исходной и целевой культурами, представляют собой значительное препятствие в переводе. Эти барье-

ры могут выражаться специфическими выражениями и понятиями, которые имеют глубокую связь с культурными традициями и мировоззрением. В западной культуре, например, многие фразы основаны на семейных традициях, которые связаны с праздниками и историей, что усложняет их понимание и адекватный перевод для представителей других культур (Бурцева, Попова).

Когнитивные особенности играют важную роль в процессе перевода, поскольку переводчик должен учитывать не только буквальное значение слов, но и их ассоциативные и метафорические значения. Эта задача требует способности интерпретировать и адаптировать переносные значения, чтобы сохранить смысл оригинального текста. Например, английское выражение «break the ice», обозначающее «разрядить обстановку», требует творческого подхода при переводе на другие языки, т.к. дословно переводится «ломать лед». А.В. Федоров подчеркивает, что «перевод — продукт, полученный после того, как текст переведен с одного языка на другой. В качестве результата такого процесса перевод никогда не является копией оригинала» (Федоров, с. 149).

Выражение «плыть по течению» в русском языке может быть переведено на английский как «go with the flow», что также подразумевает принятие обстоятельств. Однако в разных культурах могут существовать свои аналогичные выражения, которые лучше передают смысл в контексте. Т.А. Горшенева подчеркивает, что передача идей и информации, которые выражены на исходном языке средствами целевого языка с учетом культурных и социальных различий между двумя языковыми сообществами, является «целью перевода». (Горшенева)

Классификация приемов перевода АМЯЕ основывается на ряде критериев, которые помогают систематизировать подходы к переводу и выбрать наиболее подходящий метод в зависимости от контекста. Ключевыми критериями являются степень сохранения метафорической структуры оригинала, адаптация к культурным реалиям целевого языка и степень формального соответствия исходному тексту. Анализ компонентного состава текста может служить инструментом для определения зависимости общего смыслового и прагматического компонентов высказывания. Исследования Л.В. Щербы подчеркивают, что учет языковых и культурных различий при переводе метафор имеет значительное значение для сохранения их смысловой и эмоциональной нагрузки [Щербы].

Другим важным приемом является адаптация, при которой метафора перефразируется или заменяется аналогичной в целевом языке, чтобы стать более понятной и естественной для носителей этого языка. Этот метод особенно актуален при переводе текстов, где культурный контекст играет значительную роль. В таких случаях «смысл, и, в целом, содержание оригинала вос-

производится с большей полнотой. При этом нередко грамматические средства оригинала заменяются лексическими и наоборот» (Паршин, с. 4).

С другой стороны, как отмечают Валеева и Нуртдинова, «при переводе антропонимов, в основном передаются с помощью транскрибирования, в результате чего сохраняется «иностранность» облик реалии» (Валеева, Нуртдинова).

Кроме того, в публицистических статьях можно наблюдать интересные примеры перевода. Например, в статье о глобальных изменениях климата, где автор использует метафору «планета на грани», переводчики адаптируют это выражение, чтобы подчеркнуть серьезность проблемы, переводя как «планета на краю пропасти». Такой подход к переводу помогает донести до русскоязычной аудитории важные социальные и культурные аспекты, сохраняя при этом стилистическую выразительность оригинала, и привлечь внимание читателей.

Следовательно, успешный перевод требует не только точности, но и учета культурных контекстов, что позволяет создать более глубокое и резонирующее с читателем произведение.

При выборе успешных примеров перевода АМЯЕ на первый план выходит их способность сохранять исходное значение и культурную значимость. Метафора «Time is money», переведенная на русский как «Время – деньги», иллюстрирует это. Данный перевод демонстрирует сохранение оригинального смысла и ассоциативного значения, несмотря на различия в языковых структурах и культурных контекстах. Успех такого перевода обусловлен тем, что обе культуры признают ценность времени и его связь с экономическими аспектами, что делает перевод понятным и уместным для русскоязычной аудитории. При этом Т.А. Горшенева подчеркивает, что переводчик должен обладать глубокими знаниями и терпением для успешного выполнения процесса перевода, который является комплексным и многоаспектным (Горшенева, с. 183).

При переводе АМЯЕ используется метод контекстуального анализа, который учитывает влияние культурных особенностей на восприятие метафорического значения. В разных культурах одни и те же метафоры могут вызывать различные ассоциации. Успешный перевод АМЯЕ основывается на способности переводчика распознавать метафорический смысл и находить адекватные эквиваленты в целевом языке, принимая во внимание культурный контекст. Анализируя переводы, можно увидеть, как адаптация метафоры способствует сохранению ее смысловой нагрузки и эмоционального воздействия.

На основании проведенного анализа становится очевидным, что учет культурного контекста является ключевым при переводе метафорических выражений. Иссле-

дования показывают, что успешные переводы требуют адаптации к целевой культуре. Эквивалентность перевода оригиналу, в свою очередь, является относительным понятием, уровень и специфика которого изменяются в зависимости от способа и жанра переводного текста (Виноградов, с.6). Важно применять методы контекстуального анализа и корпусной лингвистики для оценки и улучшения качества перевода, что позволит переводчикам создавать тексты, сохраняющие не только смысл, но и эмоциональное воздействие оригинала.

Выявление АМЯЕ в тексте является первым шагом в процессе их анализа и перевода. После выявления АМЯЕ необходимо провести их детальный анализ в исходном контексте. Дж. Лакофф и М. Джонсон утверждают, что метафора выходит за рамки языка и является основой процессов мышления человека. Анализ значений и функций метафор в их исходной среде помогает переводчику понять их роль в тексте, будь то передача эмоционального состояния, создание образа или выражение сложной идеи. Это понимание служит основой для последующей адаптации метафор к целевому языку.

На этапе подготовки к адаптации АМЯЕ переводчику необходимо учитывать культурные и языковые особенности целевой аудитории и выбирать стратегии перевода, позволяющие сохранить смысл и эмоциональное воздействие оригинала.

Например, выражение «The early bird catches the worm», подчеркивающее важность своевременности, в рекламных текстах может быть адаптировано для русскоязычной аудитории как «Кто рано встает, тому Бог подает».

Переводчики также должны учитывать культурную специфику истории, быта и общественно-политического устройства народа. Например, термин «Dust Bowl» обозначает период сильной засухи и пыльных бурь, оказавший значительное влияние на сельское хозяйство и миграцию населения. Чтобы передать не только буквальный смысл, но и культурные ассоциации, переводчик может добавить пояснение о том, как это событие повлияло на жизнь людей и их перемещение в поисках лучших условий, что поможет читателю лучше понять контекст и значимость данного исторического явления. Исходя из этого, успешный перевод АМЯЕ требует комплексного подхода.

Для сохранения ассоциативных связей в целевом языке важно использовать аналогичные образы и символы, вызывающие схожие эмоциональные и культурные ассоциации у целевой аудитории. Примером важности учета аналогичных образов является перевод фразы «working for peanuts». В английском языке это выражение означает работать за очень низкую зарплату или получать мизерное вознаграждение за свои усилия. В русском языке можно использовать выражение «работать

за гроши» или «работать за копейки», которые передают аналогичное значение. Однако, если переводчик не учит культурные нюансы, он может выбрать менее подходящее выражение, которое не будет так же эффективно передавать смысл оригинала. Учет культурных ассоциаций в переводе помогает избежать недопонимания и делает текст более естественным для целевой аудитории.

Еще один пример - выражение «digging in his heels», которое означает упорство или нежелание менять свое мнение. В переводе на русский язык можно использовать такие выражения как «стоять на своем» или «упираться».

Переводчик должен адаптировать текст так, чтобы сохранить оригинальное значение и передать культурные аспекты, важные для восприятия читателями из другой культуры. Опираясь на теорию МП, он анализирует, как языковые единицы соотносятся с ментальными моделями, и корректирует перевод таким образом, чтобы он соответствовал когнитивным ожиданиям читателей. Например, если в оригинальном тексте используется идиома, которая может быть непонятна целевой аудитории, переводчик может заменить ее на аналогичную фразу, более привычную для читателей. В этом контексте «особое внимание обращается на возможности использования метафоры как средства познания действительности, как инструмента организации опыта человека, структурирования его знаний о действительности» (Лакофф, Джонсон).

Исследование продемонстрировало, что АМЯЕ играют ключевую роль в межкультурной коммуникации, так как они отражают уникальные культурные и когнитивные особенности языков. Анализ перевода таких единиц выявил, что подвижность МП является важным фактором, влияющим на точность и адекватность передачи смыслов. Были выделены основные приемы перевода, которые учитывают культурные и когнитивные аспекты, такие как адаптация, калькирование и использование аналогий. Эти приемы позволяют сохранить смысловую нагрузку оригинала и адаптировать ее к целевой аудитории, что способствует лучшему восприятию текста.

Выводы исследования подтверждают, что предложенные приемы перевода способствуют повышению качества межкультурной коммуникации. Учет МП и культурных различий позволяет переводчикам избегать искажений смысла и сохранять эстетическую и эмоциональную ценность текста.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на разработку более детализированных методик анализа исходного текста с целью выявления АМЯЕ. Особое внимание следует уделить изучению влияния цифровых технологий и искусственного интеллекта на процессы перевода и адаптации, что может открыть новые горизонты в переводческой практике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева И.С. Введение в переводоведение / И.С. Алексеева. – М.: Академия, 2004. – 352 с.
2. Башкирова К.А., Гатиятуллина Л.Ф., Гурьянов И.О. Когнитивный аспект перевода фразеологических единиц // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2020. – № 9–2. – С. 45–46.
3. Бурцева К.А., Попова С.В. Роль языка и перевода в межкультурной коммуникации: особенности и сложности // Наука и образование. – 2023. – № 2, том 6. – С. 1–6.
4. Валеева Р.Р., Нуртдинова Г.М. Способы передачи исторических реалий на русский язык (на материале романа В. Скотта «Квентин Дорвард») // TERRA LINGVAE. – 2020. – № 8. – С. 214–218.
5. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В.С. Виноградов. – М.: Издательство Института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
6. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка: Опыт систематизации выразительных средств / И.Р. Гальперин. – М.: Издательство стереотип, 2016. – 376 с.
7. Горшенева Т.А. Факторы, влияющие на формирование ментальных пространств переводчика при работе с англоязычными текстами // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия Гуманитарные науки. – 2025. – № 4–2. – С. 183–184.
8. Лакофф Дж.М., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Дж.М. Лакофф, М. Джонсон; пер. с англ.; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
9. Лакофф Дж.М., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: когнитивный подход к языковому феномену / Дж.М. Лакофф, М. Джонсон. – Издательство Чикагского университета, 1980. – 242 с.
10. Паршин А. Теория и практика перевода [Электронный ресурс] / А. Паршин. – URL: http://teneta.rinet.ru/rus/pe/parshin-and_theoria-i-praktika-perevoda.htm (дата обращения: 15.10.2023).
11. Федоров А.В. Краткое рассуждение о некоторых точках зрения в теории перевода // Лу Чи. – 2018. – № 11. – С. 148–149.
12. Фоконье Ж. Ментальные пространства: аспекты формирования значения в естественном языке / Ж. Фоконье. — Кембридж, Массачусетс: университетское издательство Массачусетского технологического института, 1985. — 185 с.

© Горшенева Татьяна Александровна (tati-imp@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

Alekseeva D. – Clinical psychologist

Alekseyev D. – Candidate of Psychological Sciences, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya

Alieva D. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya

Belov V. – Doctor of Psychology, Associate Professor, Presidential Academy, Saint-Petersburg

Belova L. – Senior Lecturer, Yugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia

Belova T. – Postgraduate student, Online Institute Smart; Master degree FMT, California Southern University

Chuchalina I. – Candidate of Medical Sciences, Assistant, Izhevsk State Medical University

Danilova A. – Senior Lecturer, Yugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia

Galiakhmetova N. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Izhevsk State Medical University

Isagulova E. – PhD Psychol. Sci., head of the Mental Health Clinical Center

Kalinin V. – graduate student, Saratov Chernyshevsky State University (SGU)

Khreptovich R. – postgraduate student, Presidential Academy, Saint-Petersburg

Matonin V. – Doctor of Cultural Studies, Northern (Arctic) Lomonosov Federal University (Arkhangelsk)

Our authors

Nevezorov S. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Military Training Center, Orenburg State University

Parfenov V. – Postgraduate Student, Saint Petersburg State University

Potapchuk V. – PhD in Philosophy, Associate Professor, Pacific National University, Khabarovsk

Pushkar G. – PhD in Philology, Associate Professor, MGIMO University Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; Postgraduate Student, Lomonosov Moscow State University

Saratovsky S. – graduate student, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky

Sharova O. – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, ANOVO "Moscow International University"

Shcherbakova I. – Candidate of psychological sciences, Academy of Research in Neuroengineering and Educational Technologies

Stepankova V. – Candidate of Psychological Sciences, Lecturer, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya

Tedoradze D. – Applicant, Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Ustyantseva A. – Senior Lecturer, Yugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia

Uvarova I. – HR Director, Sputnikovaya Svyaz LLC, Krasnoyarsk

Zaozerskaya E. – graduate student, Northern (Arctic) Lomonosov Federal University (Arkhangelsk)

Zhuchenko O. – Candidate of Psychology Sciences, Associate Professor, Izhevsk State Medical University

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).